А. МАЛИКОВЪ.

НА ЗАДВОРКАХЪ ФАБРИКИ

КРАЙ БЕЗЪ БУДУЩАГО

(ПО ВОЛЖСКИМЪ СТЕПЯМЪ).

ИЗДАНІЕ

С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

Цѣна 80 коп.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1902.

ИЗДАНІЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

ТОКВИЛЬ. *Старый порядокъ и революція.* Перев. А. Гуковскаго, подъ ред. проф. *П. Г. Виноградова.* 350 стр. 1898 г. 2-е изданіе. Цѣна **50** коп. Реком. какъ „пособіе необходимое" прогр. Комисс. для орг. дом. чт.

ВЮЙЛЬМЕНЪ. *Біологія растеній.* Перев. И. А. Петровскаго, подъ редакц. проф. *К. А. Тимирязева.* 290 стр., 71 рис. 1897 г. Цѣна **50** коп. Реком. прогр. Комисс. для организ. дом. чтенія.

ГРИНЪ. *Краткая исторія англійскаго народа.* Перев. *Н. Н. Шамонина* Вып. 1-й, 340 стр. 1897 г. Цѣна **50** к. Вып. 2-й, 392 стр. 1898 г. Цѣна **70** к. Вып. 3-й, (послѣдній) 408 стр. 1900 г. Цѣна **80** к. Реком. какъ „пособіе необходимое" прогр. Комисс. для организ. дом. чтенія.

ГЕТЧИНСОНЪ. *Вымершія чудовища и животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ.* Полный перев. М. В. Павловой. Съ пред. проф. *А. П. Павлова.* Вып. 1-й, цѣна **12** коп. Вып. 2-й и 3-й, цѣна **28** коп. Вып. 4-й и 5-й, цѣна **40** коп. Вып. 6-й и 7-й, цѣна **45** коп. Всѣ выпуски вмѣстѣ 568 стр., 48 табл., 133 рис. 1899 г. Цѣна 1 р. **25** к. Эта книга представляетъ *полный* переводъ двухъ книгъ автора „Вымершія чудовища" и „Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ", причемъ главы размѣщены въ послѣдовательномъ зоологическомъ порядкѣ. Реком. программ. Комисс. для орг. дом. чтенія.

ТОЙНБИ. *Промышленный переворотъ въ Англіи въ 18-мъ столѣтіи.* Съ предисл. проф. *А. И. Чупрова.* 347 стр. 1898 г. Цѣна **50** коп. Реком. какъ „пособіе необходимое" прогр. Комисс. для орг. дом. чтенія.

НЕЙМАЙРЪ (авторъ „Исторіи Земли"). *Корни животнаго царства.* Введеніе въ науку о происхожденіи животныхъ. Перев. М. В. Павловой. Съ предисл. проф. *А. П. Павлова.* 232 стр., 28 рис. 1898 г. Цѣна **40** коп. Реком. прогр. для организ. дом. чтенія, „какъ пособіе необходимое".

РАНКЕ. *Объ эпохахъ новой исторіи.* Перев. И. И. Шитца. Съ предисл. проф. *П. Г. Виноградова.* 192 стр. 1898 г. Цѣна **35** к.

КЕЙНСЪ. *Предметъ и методъ политической экономіи.* Перев. А. Гуковскаго, съ предисл. проф. *А. А. Мануйлова.* 284 стр. 1899 г. Цѣна **50** коп.

ТЬЕРРИ. *Исторія третьяго сословія.* Подъ редакц. и съ предисл. проф. *Р. Ю. Виппера.* 306 стр. Цѣна **60** коп. Рекоменд. програм. Комисс. для организ. дом. чтенія.

РОМАНЕСЪ. *Теорія Дарвина.* Подъ ред. и съ предисл. проф. *М. А. Мензбира.* 366 стр. 124 рис. Цѣна **70** коп. Рекоменд. программ. Комисс. для организ. дом. чтенія.

Главный складъ изданія (съ 1 августа 1899 г.): **Москва, Моховая, магазинъ „Книжное Дѣло".**

Выписывающіе изъ главнаго склада на 2 рубля и болѣе за пересылку не платятъ; за наложеніе платежа приплачивается 10 коп.

А. МАЛИКОВЪ.

НА ЗАДВОРКАХЪ ФАБРИКИ

КРАЙ БЕЗЪ БУДУЩАГО

(ПО ВОЛЖСКИМЪ СТЕПЯМЪ).

ИЗДАНІЕ

С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1902.

НА ЗАДВОРКАХЪ ФАБРИКИ.

I.

Въ 188... году я пріѣхалъ въ N искать мѣста. Одинъ изъ моихъ старыхъ пріятелей заявилъ мнѣ, что знакомый ему коммерсантъ, богатый и хорошій человѣкъ, очень яко бы желалъ предложить мнѣ завѣдываніе фермой, устроенной при его фабрикѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ уже извѣщалъ меня коротенькой запиской, что Гарусовъ (такъ прозывался будущій мой хозяинъ) назначилъ мнѣ день и часъ, въ которые просилъ пожаловать для переговоровъ.

Наниматься вообще отвратительная вещь. Впередъ знаешь, что идешь весь, какъ есть, живой человѣкъ, на рынокъ и тамъ долженъ показать себя лицомъ, какъ товаръ. Тебя станутъ разсматривать, тебя живого человѣка будутъ расцѣнивать; словомъ—скверно, и, по крайней мѣрѣ, у меня въ такихъ случаяхъ всегда мутитъ на душѣ. Однако на этотъ разъ я шелъ въ наемку съ болѣе легкимъ сердцемъ, во-первыхъ, самъ хозяинъ звалъ меня; во-вторыхъ, онъ слылъ за умнаго и хорошаго человѣка—даже за покровителя отечественнаго просвѣщенія. Слѣдовательно, все обѣщало, по меньшей мѣрѣ, безобидный исходъ. И такъ, въ назначенный день и часъ я стоялъ уже у подъѣзда его дома и ждалъ результатовъ своего звонка. Дверь скоро полуотворилась, точно лакей зналъ, что не при всякихъ звонкахъ ее надо разверзать широко, и въ растворѣ показалась плутовская лакейская фигура при усахъ и въ пиджакѣ.

— Дома нѣтъ-съ,--отвѣтила на мой вопросъ о хозяинѣ эта фигура, оглядывая меня довольно безцеремонно съ ногъ до головы и соображая, навѣрно, что я не великая птица, если прослѣдовалъ къ этимъ дверямъ по образу пѣшаго хожденія.

— Когда же онъ будетъ?

— Да часовъ въ шесть,—отвѣтилъ лакей небрежно.

— Передайте вашему хозяину, что въ 4 часа былъ такой-то и зайдетъ еще въ 6.

Дверь захлопнулась. Однако былъ я и въ шесть часовъ и опять получилъ тотъ же отвѣтъ: „дома нѣтъ“; былъ и еще послѣ того разъ пять, и все нѣтъ и нѣтъ... Наконецъ, терпѣніе мое лопнуло и я написалъ на карточкѣ слѣдующее:

„М. Г.! Вы назначили мнѣ черезъ Б. свиданіе съ вами по такому-то дѣлу. Я былъ болѣе чѣмъ аккуратенъ, потому что не только явился къ вамъ въ назначенное время, но заходилъ еще разъ пять и тѣмъ не менѣе никогда не имѣлъ удовольствія застать васъ дома. Жаль, что ваша собственная неаккуратность заставила меня потратить даромъ столько времени“... Я подписалъ свою фамилію и вышелъ.

Возвращался я домой страшно взбѣшенный на „благонамѣренныхъ и сочувствующихъ коммерсантовъ“, такъ удобно совмѣщающихъ и благодушіе, и свинство, и послѣднія слова науки и еще, чортъ знаетъ что. Понятно, что при встрѣчѣ съ своимъ пріятелемъ я изругалъ его на чемъ свѣтъ стоитъ за такую рекомендацію.

Тотъ совсѣмъ даже сконфузился.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возражалъ онъ,—тутъ какое-то недоразумѣніе!.. Это надо разъяснить... Это непремѣнно разъяснится.

Дня черезъ два пріятель опять прибѣжалъ ко мнѣ.

— Ну, вѣдь, вотъ,—торопливо докладывалъ онъ,—говорилъ же я вамъ, что тутъ все дѣло въ недоразумѣніи и путаницѣ. Гарусовъ очень извиняется и только изъ вашей записки узналъ о вашихъ визитахъ, такъ какъ его лакей ничего не говорилъ ему до тѣхъ поръ. И это вѣрно, потому что иначе совсѣмъ не подходило-бы на Гарусова. Онъ проситъ васъ непремѣнно быть сегодня-же въ такомъ-то часу: онъ будетъ ждать.

— Ну, можетъ быть и въ правду,—подумалъ я и рѣшилъ побывать еще разъ.

Гарусовъ, дѣйствительно, ждалъ, принялъ меня съ извиненіями, а затѣмъ перешелъ къ дѣлу. Онъ объяснилъ мнѣ, что около его фабрики есть земля подъ фермой, что цѣль и назначеніе этой фермы, помимо ея прямого дѣла, заключается и въ томъ, чтобы по возможности очистить фабрику отъ скопленія всякихъ зловредныхъ отбросовъ и нечистотъ и утилизировать послѣдніе. На фермѣ же должна устроится и метеорологическая станція.

— Жалованья я могу предложить вамъ столько-то,—просто объявилъ мнѣ Гарусовъ,—и, кромѣ того, конечно, право пользованія всѣми продуктами фермы. Согласны вы на эти условія?

Условія эти дѣйствительно были очень хорошія. Цифра объявленнаго вознагражденія по сравненію съ количествомъ земли, числящейся при фермѣ, была даже черезъ чуръ высока и потому должна была ложиться тяжелымъ бременемъ на доходность земли. На всякій случай я замѣтилъ ему это.

— Да! Я знаю,—отвѣтилъ онъ.—Но что же дѣлать? Меньше вамъ предложить нельзя, а впослѣдствіи мы, можетъ быть, съ вами что-нибудь и придумаемъ на счетъ расширенія хозяйства... Впрочемъ,—прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы,—вы, можетъ быть, взяли бы еще на себя завѣдываніе электрическимъ освѣщеніемъ на фабрикѣ?

Я съ изумленіемъ взглянулъ на него и заявилъ, что это дѣло вовсе не моя спеціальность.

— Да какая тамъ спеціальность,—возразилъ онъ благодушно.—Просто пустяки. У насъ теперь вонъ за нимъ простой слесарь наблюдаетъ. Ну, прочтите кой-что объ этомъ... Знаете, по-американски,—засмѣялся онъ.

Я наотрѣзъ отказался.

— Напрасно, напрасно,—повторялъ добродушно хозяинъ,—дѣло самое пустое...

Тѣмъ не менѣе всѣ переговоры были закончены, соглашеніе состоялось, и черезъ два дня я вмѣстѣ съ Гарусовымъ отправился на его фабрику.

Нѣсколько часовъ проведенныхъ въ вагонѣ съ глазу на глазъ съ Герасимомъ Ивановичемъ Гарусовымъ, дали мнѣ

возможность нѣсколько присмотрѣться къ нему. Это былъ добродушный, нѣсколько ожирѣвшій человѣкъ, перевалившій далеко за средніе года. Онъ былъ простъ въ обращеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно вѣжливъ. Говорилъ хорошимъ русскимъ языкомъ, безъ лишнихъ вычуръ и книжности. Не блистая начитанностью, Гарусовъ, однако, много видѣлъ и слышалъ и свое дѣло, кажется, зналъ хорошо. Шестидесятые года, захватившіе его въ періодъ молодости, повидимому, оставили замѣтный слѣдъ на его внутреннемъ складѣ. Благодаря вліянію этой эпохи, онъ стоялъ за народное образованіе, за свободу печати; словомъ, слылъ за капиталиста-либерала. На сколько все это было въ немъ глубоко, сказать, конечно, трудно. Скорѣе всего въ основѣ этихъ наклонностей и вкусовъ Герасима Ивановича лежало его природное благодушіе, а можетъ быть, и нѣкоторая доля невиннаго тщеславія, окрашеннаго въ прочный цвѣтъ просвѣщеннаго россійскаго патріотизма. Между прочимъ Герасимъ Иванычъ съ скромной гордостью объявлялъ, что въ свое время онъ одинъ изъ первыхъ положилъ на своей фабрикѣ начало русской школѣ техниковъ, изгоняя постепенно оттуда всякихъ иностранныхъ мастеровъ. Одновременно съ этимъ онъ горячо принялся и за устройство школъ. Помимо фабричной школы, на его средства содержались еще 6 или 7 по деревнямъ. Школы эти были обставлены прекрасно, онѣ были просторны, свѣтлы, снабжены хорошими библіотеками и разными пособіями, а учительницы получали хорошее вознагражденіе. Въ то же время Гарусовъ помогалъ и кой-кому изъ молодыхъ людей, давая имъ средства учиться, и дѣлалъ это довольно скромно. Впослѣдствіи, когда времена поизмѣнились и школы были взяты, какъ будто въ подозрѣніе, а нѣкоторыя пособія и даже учебники были изъяты изъ обращенія, Герасимъ Ивановичъ хотя не прекратилъ пособій, но усвоилъ себѣ, когда заходила рѣчь „о школьномъ дѣлѣ“,—какую-то особенную, снисходительно скептическую улыбку.

— Помилуйте,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, небрежно махая рукой,—да развѣ у насъ возможно развиваться самостоятельно живому дѣлу: сейчасъ няньку приставятъ.

Снисходя все къ тому же духу времени, пытался Герасимъ Иванычъ когда-то сдѣлаться и меценатомъ, давая средства на изданія и разныя изслѣдованія. Но, когда и въ этомъ направленіи „духъ“ сталъ замѣтно изсякать, Гарусовъ благодушно, но съ сознаніемъ исполненнаго долга подтрунивалъ надъ этими начинаніями и перешелъ къ собиранію картинъ, затѣмъ, къ устройству коннаго завода и т. д. Словомъ, Герасимъ Иванычъ съуживался и тускнѣлъ параллельно съ вѣяніями времени. Катился подъ горку всякія благія чаянія, ускользала старая почва, мѣнялись около него люди, и самъ Гарусовъ облѣнивался и проникался равнодушіемъ. По натурѣ онъ остался все тѣмъ же благодушнымъ и добрымъ человѣкомъ, но судьба, такъ сказать бросила его съ этимъ благодушіемъ на полдорогѣ. Раздѣланнаго, такъ сказать, въ одномъ направленіи, не совершенно додѣланнаго въ другомъ, время привело его къ третьему, гдѣ уже онъ ничего не нашелъ, кромѣ всеобщаго недоумѣнія. Въ такомъ положеніи ему приходилось пробавляться уже почти исключительно за счетъ своего благодушія. Онъ и теперь еще держался либеральныхъ воззрѣній, дружилъ съ нѣкоторыми изъ представителей этого направленія въ литературѣ, иронизировалъ насчетъ „нашего жалкаго самоуправленія“, а отчасти даже и всего чиновничества, что не мѣшало ему, хотя и скромно, безъ особенно громкихъ словъ, поддерживать всѣ ходатайства о повышеніи покровительственнаго тарифа. Съ начальствомъ онъ всегда былъ какъ-то въ ладахъ и порой при упоминаніи какой либо особы или литературнаго имени,—любилъ вставить съ характерной манерой россійскаго коммерсанта:

— Да-съ! Не мало мы съ нимъ выпили красненькаго!.. Кажется, къ сожалѣнію, что это „красненькое“ составляло теперь чуть-ли не главную суть общественнаго призванія Герасима Ивановича. Но, какъ бы тамъ ни было,—не смотря на начинающееся уже ожирѣніе и скуку жизни, все же въ концѣ концовъ Гарусовъ былъ всетаки богатъ, независимъ и потому по своему счастливъ, что давало ему право выражать иногда на своей нѣсколько оплывшей физіономіи не то добродушную снисходительность и лѣнивое утомленіе, не то легкое разочарованіе много видѣвшаго человѣка.

— Да, все-то, все, милостивые государи мои, мы уже перевидали и отъ всего вкусили!..

Поздно, чуть не ночью, пріѣхали мы на станцію. Фабрика была тутъ же въ виду. Подъѣхала коляска, и мы бойко помчались по шоссе. Стояла холодная осенняя ночь, темная, непривѣтливая. Но среди этого мрака огромный ткацкій корпусъ лилъ черезъ каждое свое окно снопы яркаго электрическаго свѣта; этотъ корпусъ гудѣлъ своими машинами, щелкалъ станками и казался какимъ-то живымъ фантастическимъ существомъ. По другую сторону тянулись въ линію малыя и большія деревянныя зданія. По мѣрѣ того, какъ они бѣжали мимо насъ, хозяинъ говорилъ: „школа, больница, казармы“ и т. д.

— Ну, а вотъ и наше обиталище,—докончилъ онъ, когда лошади остановились у крыльца скромнаго одноэтажнаго деревяннаго дома. Въ немъ все было просто: стѣны бревенчатыя, безъ всякой оклейки, самая необходимая простая мебель, кой-какіе цвѣты по окнамъ, да фотографическіе виды фабрики по стѣнамъ,—вотъ и все. Домъ этотъ представлялъ собственно нѣчто въ родѣ гостинницы для пріѣзжающихъ на фабрику, и мы, пожелавъ другъ другу покойной ночи, разошлись по своимъ комнатамъ.

На утро, уже къ чаю явился и глава фабричной администраціи, какой-то юркій, рыжій и одноглазый господинъ съ еврейской фамиліей.

— Ксаверій Эдуардовичъ Гиршфельдъ,—отрекомендовалъ мнѣ хозяинъ...—Онъ покажетъ вамъ ваши будущія владѣнія.

Черезъ полчаса легкая телѣжка подъѣхала къ крыльцу, и г. Гиршфельдъ предложилъ мнѣ тронуться въ путь.

На крыльцѣ и около него толпилось человѣкъ съ 15 разнаго бѣднаго люда, пришедшаго въ сильное движеніе при нашемъ появленіи и встрѣтившаго насъ поклонами. Эта бѣднота изъ деревень пришла за пособіями къ пріѣхавшему хозяину.

— Ну вы,—разступитесь,—сказалъ Гиршфельдъ, отстраняя какую-то старуху.—Герасимъ Ивановичъ у насъ благотворитель,—сказалъ онъ мнѣ на ходу, и въ его тонѣ я не могъ разобрать: похвала это или сарказмъ.

Днемъ фабрика показалась мнѣ гораздо хуже. чѣмъ вче-

ра ночью. Темная и мрачная линія двухъ-этажныхъ рабочихъ казармъ, непривѣтливое, холодное утро, мертвый шумъ машинъ и какой-то особый промозглый фабричный воздухъ, переполненный дымомъ и міазмами — все это производило какое-то угнетающее впечатлѣніе.

Ферма, по словамъ Гиршфельда, начиналась сейчасъ тутъ же за фабрикой; надо было только переѣхать небольшую рѣчку и лугъ; но напрасно искалъ я ее глазами. Правда, за рѣчкой, среди голаго, десятинъ въ 20, пригорка, торчало какое-то старое деревянное строеніе, печально осѣвшее на одинъ бокъ; рядомъ съ нимъ нѣчто въ родѣ амбарчика, а сзади выглядывала еще ветхая соломенная крыша. Впрочемъ, тамъ и сямъ по голому пригорку возвышались поставленныя конусомъ длинныя жерди, служащія при выстилкѣ ситца. Неимовѣрнымъ унынiемъ и безпріютностью дышало отъ этого пригорка и этихъ черныхъ развалинъ, около которыхъ не ютилось даже ни единаго кустика.

— Ну, вотъ-съ—заговорилъ мой спутникъ, указывая на всю площадь,—вотъ это бѣльникъ*), а это такъ называемая старая контора, по всей вѣроятности, ваша будущая квартира. Впрочемъ, не знаю, можетъ быть Герасимъ Ивановичъ назначитъ вамъ другую,—поправился онъ.

— Развѣ въ этой развалинѣ можно жить?—спросилъ я съ удивленiемъ.

— Отчего-же...—спокойно отвѣтилъ онъ,—въ ней живутъ даже и теперь. Вотъ мы зайдемъ съ вами и посмотримъ.

Тамъ, дѣйствительно, жили, да еще цѣлыхъ двѣ семьи. Очень мнѣ напомнилъ этотъ домъ тѣ, нерѣдко встрѣчающіяся въ нашихъ захолустныхъ городишкахъ, развалины, гдѣ доживаютъ свой вѣкъ какіе-нибудь старые, заморенные люди, не знающіе не рухнетъ-ли ихъ ветхое обиталище ранѣе, чѣмъ оборвется ихъ захирѣлая жизнь.

Молча осмотрѣлъ я это помѣщеніе, молча и вышелъ. Зашли, однако, и въ амбарчикъ, преображенный не то въ кладовую, не то въ курятникъ; побывали и на скотномъ дворѣ, соломенная крыша котораго видна была еще издали. Это

---

*) Лугъ, на которомъ выстилаются миткаль и ситцы для отбѣлки и проявленія большей яркости въ краскахъ

была такая же гниль, съ двумя вросшими въ землю избами впереди и съ открытымъ дворомъ сзади. Все это грозило разсыпаться прахомъ. Посреди двора въ ямѣ, наполненной навозной жижей и еле прикрытой постилкою, толклись по брюхо въ грязи съ десятокъ тощихъ коровенокъ. Вѣтеръ гулялъ повсюду: и на скрюченныхъ отъ холода животныхъ, и по всѣмъ закоулкамъ двора, и по его жалкой крышѣ, гдѣ сердито отрывалъ остатки полусгнившей соломы.

— Ну, вотъ вамъ и вся ферма, — молвилъ мой путеводитель.

— Такъ вотъ это вы называете фермой? — спросилъ я, растерянно тыкая пальцемъ по направленію всего этого убожества.

Утвердительно кивнувъ головой, мой спутникъ вразумительно и кратко добавилъ:

— Больше ничего нѣтъ-съ. Ахъ, впрочемъ, извините, есть еще молотильный сарай, мы его увидимъ по дорогѣ,—спохватился онъ.

— Надъ чѣмъ-же и съ чѣмъ тутъ хозяйничали?—спросилъ я, окончательно сраженный всѣмъ, что было передъ моими глазами.

— Да съ тѣмъ, что вы видите,—отвѣтилъ онъ усмѣхаясь.— Да! орудія вотъ здѣсь,—указалъ онъ и толкнулъ дверь въ какой-то чуланъ. Тамъ оказались два старыхъ плуга и одна поломанная борона-зигзагъ.

Я молчалъ. молчалъ и мой спутникъ, явно желавшій дать мнѣ время на размышленіе о всемъ видѣнномъ.

— Ну съ,—проговорилъ онъ, нѣсколько выждавъ,—кажется интереснаго мало... Можетъ быть, двинемся дальше?..

— Двинемся,—отвѣтилъ я покорно.

Посмотрѣли и на молотильный сарай, сколоченный изъ горбылей и сквозившій, какъ рѣшето; стоялъ онъ чуть не въ болотѣ. Никакой молотилки въ немъ, впрочемъ, не оказалось.

— Кажется, нанимали у крестьянъ,—замѣтилъ Гиршфельдъ небрежно,—право, не знаю хорошенько; да впрочемъ, и то сказать: молотить было нечего...

По дорогѣ онъ еще повѣдалъ мнѣ, что до сихъ поръ фермою завѣдывалъ родственникъ хозяина (учитель русскаго

языка, вскользь бросилъ онъ), что у этого завѣдующаго былъ даже приказчикъ; но за то ни одного постояннаго рабочаго и ни одной лошади. Первыхъ брали, когда нужно поденными, а вторыхъ съ фабрики.

— Что же тутъ сѣяли, какой былъ сѣвооборотъ?—допытывался я.

— Ни-и-чего не могу вамъ сказать, — отвѣчалъ Гиршфельдъ:—знаю только, что сѣяли и овесъ и клеверъ, сажали картошку и огородъ разводили, но ничего изъ этого не выходило: картофель въ рѣчку свалили, потому что весь сгнилъ, сѣно тоже погнило. Ну, да. впрочемъ, сами увидите сейчасъ!

И дѣйствительно. При объѣздѣ полей видно было, что кой-гдѣ что-то сѣяли, но уже навѣрняка въ житницы не собирали. Всѣ эти поля были въ невозможномъ видѣ: большинство ихъ было неимовѣрно залито такъ называемымъ золотомъ, и съ нихъ неслось страшное зловоніе; мѣстами цѣлыя площади, десятинъ въ 5—6, были завалены какими-то большими бѣловатыми грудами. Впрочемъ, уже издали, по запаху, можно было догадаться, что это была хлористая известь; въ другихъ мѣстахъ высились кучи золы, щебня и всякаго мусора, даже на клеверномъ полѣ пестрѣли эти кучи.

— Это зачѣмъ-же еще навозили сюда?—спросилъ я Гиршфельда.

— Какъ зачѣмъ? Для удобренія полей, — отвѣтилъ онъ, усмѣхнувшись и мелькнувъ по мнѣ своимъ одинокимъ глазомъ.

— Хлористой-то известью удобрять?.. Чья же это идея?.

— По всей вѣроятности вашего предмѣстника... Ну, хозяинъ и велѣлъ... Ну-съ.—оборвалъ онъ, видимо не желая почему-то распространяться на эту тему,—вотъ вамъ и наша плантація капустная!..

— Гдѣ?—спросилъ я, оглядываясь съ удивленіемъ.

— Ахъ, Боже мой. Да вонъ внизу,—показывалъ рукою Гиршфельдъ. съ пригорка, на которомъ мы стояли въ эту минуту.

— Но я ничего не вижу, кромѣ пластовъ глины, да какихъ-то тычекъ.

— Вотъ это и есть капуста,—подтвердилъ онъ.

Мы спустились съ горки, и удивленію моему не было конца. Дѣйствительно, на вывороченныхъ чрезвычайно глубокой вспашкой пластахъ глины торчали рядами какіе-то чахлые вѣнички, въ родѣ переросшей разсады.

— Скажите, пожалуйста,—обратился я къ Гиршфельду,—и этимъ дѣломъ тоже руководилъ мой предмѣстникъ?

— А какже иначе?—отвѣчалъ онъ.—Руководилъ, да еще какъ! Мало-ли тутъ труда-то положено было. Сначала всю эту площадь заливали золотомъ, а затѣмъ въ два плуга одной бороздой шли, такъ что полмужика въ борозду уходило; ну-съ, а затѣмъ разсаду по гребнямъ садили, поливали чуть не все лѣто, а собирать, какъ видите, нечего.

— Вѣдь онъ тутъ всю подпочву вывернулъ,—замѣтилъ я.

— Должно быть, находилъ полезнымъ .. Съ книжками и по полямъ-то ходилъ, — съ невинно равнодушнымъ видомъ замѣтилъ Гишфельдъ.—При мнѣ спрашивалъ у дураковъ рабочихъ: видали-ли они когда такую глубокую пахоту?

— Ну?—спросилъ я, невольно засмѣявшись.

— Нѣтъ, ваше благородіе,—говорятъ мужики,—не приходилось еще нигдѣ. То-то! глядите, да и учитесь, дураки!— И мой спутникъ опять мелькнулъ по мнѣ своимъ глазомъ.

За капустной плантаціей, — какъ язвительно обозвалъ ее Гиршфельдъ,—тянулось цѣлое поле овса, все еще зеленаго, полеглаго и уже смерзшагося. Какъ видно, это поле было черезчуръ залито удобреніемъ, и потому овесъ только тянулся, нѣжился и, наконецъ, зеленый еще повалился и замерзъ. Еще дальше лежало клеверное поле, на которомъ чернѣли кучи сгнившаго клевера второго укоса, въ перемежку съ битымъ кирпичемъ и всякимъ мусоромъ.

— Отчего-же,—спросилъ я, указывая на овесъ и клеверъ—все это на зеленый кормъ не убрали или не засилосовали?

Гиршфельдъ пожалъ только плечами.

Дальше все было въ томъ-же родѣ, т. е. загажено до крайности и повсюду стояла смертельная вонь.

Вдоль луга, по небольшому оврагу протекала рѣчка. Въ верхнемъ своемъ теченіи, до фабрики она была чиста и прозрачна, а ниже ея уже катилась красная и вонючая въ безобразно загаженныхъ берегахъ и верстъ на 12 въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи распространяла зловоніе и заразу.

Никакого живого существа тутъ уже въ ней не водилось, ибо фабрика спускала здѣсь свои ядовитые отбросы.

— Скажите, пожалуйста,—обратился я къ Гиршфельду,—развѣ крестьяне. по владѣніямъ которыхъ протекаетъ рѣчка, не протестуютъ противъ порчи воды? Вѣдь тутъ полная зараза: водой пользоваться нельзя...

Гиршфельдъ оглянулъ меня.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—никакихъ протестовъ не слышно. Имъ фабрика, вѣдь, колодцы вырыла.

— Но развѣ колодцы могутъ замѣнить рѣку? А пропажа рыбы? Наконецъ, развѣ полиція не придирается къ фабрикѣ за это и не требуетъ, напримѣръ, устройства фильтра?—допытывался я.

— Помилуйте! съ какой стати она будетъ придираться, когда молчатъ сами крестьяне? Вѣдь, вы не забывайте, что фабрика болѣе 4 тысячъ народу кормитъ, и все это крестьяне почти нашего округа. Кто же будетъ спорить?.. Что же касается до устройства фильтра, то онъ стоитъ не менѣе 150 тысячъ,—внушительно закончилъ Гиршфельдъ.

It is rason!—какъ говорятъ американцы,—подумалось мнѣ.

Обзоръ нашъ кончился. Уже сильно вечерѣло, когда мы тронулись обратно къ хозяйскому дому. Надъ рѣчкой поднимался зловонный туманъ, съ полей неслось еще большее зловоніе. Вообще картина не веселила. У меня просто сердце сжалось: такъ тяжко было видѣть природу—эту чистую и деревенскую, влекущую къ себѣ Божью природу, такой обезображенной и поруганной человѣкомъ. Такъ и чувствовалось, что это дѣло грѣшное и неправое; что и самъ-то человѣкъ несетъ тутъ какое-то великое наказаніе. Точно проклятіе какое тяготѣетъ надъ всѣмъ этимъ безобразіемъ,—подумалось мнѣ, и не то уже отъ этой мысли, не то отъ прохватывающей насквозь сырости у меня даже мурашки пробѣжали по кожѣ.

Хорошъ былъ только еловый лѣсъ, черной каймой окружавшій все это безобразіе, а также и видъ на фабрику.

Сквозь туманъ за рѣчкой засвѣтились уже огни въ небольшихъ домахъ старшихъ служащихъ. Эти дома тянулись вдоль рѣчки, окруженные ольхой и рѣдкими елями, а за ними высились фабричные корпуса и зажигались уже сотнями яркихъ

огней. Эти корпуса поднимались гордо и величественно, словно фантастическіе дворцы или замки современныхъ барoновъ... но туманъ становился все гуще и гуще и надвигался удушливой и медленно ползущей поленой и на блистательные замки, и на насъ, стоявшихъ на этой сторонѣ.

— А здѣсь должно быть лихорадокъ и тифовъ не мало,— проговорилъ я съ дрожью въ голосѣ, чувствуя, какъ меня всего прохватываетъ эта гнилая сырость.

— Бываетъ,—лаконически отвѣтилъ Гиршфельдъ.

II.

Когда мы возвратились, у хозяина уже былъ накрытъ столъ и насъ ждали къ обѣду. Въ комнатахъ толклось много народа.

— Господа!—представилъ меня Гарусовъ,—нашъ новый агрономъ, работалъ за границей въ W,—прибавилъ онъ не безъ нѣкотораго желанія щегольнуть новымъ товаромъ.

Цѣлая толпа жала мнѣ руку и весело заявляла, что теперь, при моемъ хозяйствѣ, можно надѣяться, что она очутится прямо на лонѣ деревенской природы, тутъ же сейчасъ за фабрикой,

— А то вѣдь мы задохлись совсѣмъ,—прибавляли нѣкоторые изъ нихъ,—выйдти некуда.

Все это были директора фабрики, народъ большею частью молодой, вышедшій изъ нашихъ высшихъ техническихъ заведеній, отчасти русскіе, отчасти восточные люди; словомъ, это были представители той россійской технической школы, созданіемъ которой такъ гордился хозяинъ.

Держались они съ нимъ запросто и видимо свободно.

— Ну-съ, насмотрѣлись вы, Николай Павловичъ, на свои будущія владѣнія,—заговорилъ весело хозяинъ.—Какъ же они вамъ показались?

— Не скажу, чтобы можно было очароваться ими,—отвѣчалъ я въ томъ же тонѣ.

— Что же такъ?—смѣялся Гарусовъ,—по правдѣ вамъ сказать, я никогда и не заглядывалъ на поля, и вообще, что тамъ творилось, совершенно не вѣдаю. Знаю только одно,

что хозяйство это до сихъ поръ давало намъ одинъ убытокъ, а кругомъ фабрики продохнуть нельзя.

Онъ еще веселѣй разсмѣялся и, двинувшись къ столу, любезно прибавилъ:

— Господа! кушать.

Послѣ обѣда я передалъ ему результаты своего осмотра: надо все заводить вновь: отъ построекъ до послѣдняго плуга. Гарусовъ выслушалъ очень внимательно.

— Ну-съ,—благодушно согласился онъ,—въ общемъ я совершенно согласенъ съ вами, все это мы вамъ устроимъ; только попрошу не вдругъ, а начиная съ самаго необходимаго. Зиму ужъ вы перебейтесь какъ-нибудь въ старой конторѣ.

— Что, не хорошо?—замѣтилъ онъ, вглядываясь мнѣ въ лицо.—Ксаверій Эдуардовичъ,—крикнулъ онъ Гиршфельду.—потрудитесь, пожалуйста, сдѣлать все, что возможно по приведенію конторы въ приличный видъ. Затѣмъ съ весны,—обратился онъ опять ко мнѣ,—займемся и постройками; сѣменами и орудіями тоже запаситесь къ веснѣ; ну, а лошадей, сколько нужно, вамъ пока отдѣлятъ изъ фабричныхъ. По немногу все пустимъ въ ходъ,—завершилъ онъ ободрительно.

Что можно было сдѣлать за немногіе уже дни осени,—я постарался исполнить,—а именно: очистилъ отъ всякаго хлама поля, распредѣлилъ правильно удобреніе и даже часть его и запахалъ. Планъ хозяйства тоже былъ составленъ. Близость фабрики опредѣляла и характеръ всего хозяйства. На фабрикѣ существовалъ такъ называемый лабазъ, т. е. магазинъ всякихъ припасовъ, необходимыхъ для фабричнаго люда, за исключеніемъ вина и водки. Лабазъ этотъ содержался, конечно, отъ хозяина Нечего и говорить, что онъ обезпечивалъ, слѣдовательно, самый вѣрный и выгодный сбытъ всѣхъ будущихъ продуктовъ фермы.

Уже только въ концѣ ноября—по зимнему пути—я перебрался со своей семьей въ старую контору. Какъ уже и было сказано, эта унылая развалина съ несчастнымъ скотнымъ дворомъ торчала на самомъ пригоркѣ, среди открытаго со всѣхъ сторонъ луга; тутъ же рядомъ пріютилась еще метеорологическая будка съ своимъ пятисаженнымъ столбомъ. Зимой кругомъ этого печальнаго обиталища вылъ вѣтеръ,

набивались непроходимые сугробы, такъ что съ трудомъ можно было выбраться и на дорогу; по ночамъ подъ окна приходили волки, а въ домѣ днемъ и ночью бродило множество пасюковъ, которые не на шутку затѣвали съ нами войну... Вездѣ было холодно и не уютно, потолки провисли. стѣны повыпятились, гдѣ внутрь, гдѣ наружу, такъ что понадобилось даже укрѣпить ихъ упорами, чтобы они не разъѣхались и не погребли насъ подъ своими развалинами. Ночью такъ даже жутко дѣлалось, когда то тутъ, то тамъ, среди общей тишины вдругъ раздавались подозрительныя потрескиванья потолка и разъѣзжавшихся гнилыхъ стѣнъ, вмѣстѣ съ пискомъ крысъ и скребомъ ихъ острыхъ зубовъ о половыя доски, въ которыхъ онѣ быстро понадѣлали множество дыръ. Дѣти такъ и говорили, что мы точно въ башнѣ епископа Гатона.

За то фабрика изъ-за рѣки сіяла по ночамъ своими яркими огнями, дымила трубами и производила внушительное впечатлѣніе. Эта фабрика была изъ крупныхъ, и на ней сосредоточивалось болѣе 4-хъ тысячъ всякаго рабочаго народа, преимущественно ткачей и прядильщиковъ.

Большинство рабочихъ были мѣстные — изъ окружныхъ селеній, однако только самая малая часть ихъ, деревни которыхъ лежали тутъ же, за фабричной чертой, приходила на работы изъ своихъ домовъ, а всѣ остальные жили постоянно на фабрикѣ. Значительная доля изъ этихъ принадлежала уже къ коренному населенію ея. Многіе тутъ же на ней и родились и выросли.

Весь этотъ людъ когда-то, конечно, тоже принадлежалъ къ дѣйствительному крестьянству, когда-то и онъ имѣлъ кусокъ земли и уголъ въ своей собственной избѣ, но теперь все это провалилось въ какую-то пропасть. Давнымъ-давно уже мнимое крестьянство, оторвалось отъ своей безплодной родимой глины и песковъ и давнымъ-давно даже забыло и дорогу туда.

Часть изъ нихъ, у кого являлось достаточно энергіи, а главное—средствъ, переписывалась обыкновенно въ мѣщанство, чтобы избавиться отъ платежей за несуществующую уже для нихъ фактически землю, а остальные, номинально числящіеся крестьянами, въ сущности были представителями

нашего настоящаго, самой чистѣйшей пробы отечественнаго пролетаріата, и, конечно, несравненно болѣе замореннаго и обездоленнаго, чѣмъ на западѣ.

Помѣщеніемъ для рабочихъ служили такъ называемыя спальни или казармы. Это были длинныя, деревянныя зданія, довольно мрачныя снаружи и полныя клоповъ и таракановъ внутри, одни изъ нихъ предназначались для семейныхъ, другія для холостыхъ.

Длинные во все строеніе корридоры дѣлили каждую казарму на двѣ продольныхъ половины, которыя, въ свою очередь, подраздѣлялись на отдѣльныя комнаты, называемыя на фабричномъ языкѣ коморками. Въ каждой коморкѣ, пространствомъ отъ 30—40 квадратныхъ аршинъ, помѣщалось 2, 3, а иногда и 4 семьи, смотря по числу членовъ, и занимали уже углы.

Въ отдѣленіяхъ для холостыхъ того и другого пола, кругомъ стѣнъ тянулись просто однѣ только общія нары, какъ въ нашихъ общихъ арестантскихъ, съ той, впрочемъ, разницей, что у каждаго арестанта на нихъ было хоть свое мѣсто, а тутъ ни у одного изъ обывателей ничего подобнаго не существовало, потому что, когда уходила на работу одна смѣна, на отдыхъ сюда же являлась другая и валилась, гдѣ попало, на тѣ же нары. Трудненько-таки было при такихъ условіяхъ этимъ россійскимъ землевладѣльцамъ укрѣплять и охранять не только свое право собственности, но даже и личность. Нечего уже и говорить, что въ казармы набирался всякій людъ — безъ разбора. Продовольствовался онъ, какъ хотѣлъ, за свой собственный счетъ; небольшой кредитъ подъ заработокъ контора открывала рабочимъ въ лабазѣ. Цѣны тамъ были сносныя, но продукты не всегда отличались хорошимъ качествомъ, одинъ только черный хлѣбъ, не смотря ни на какія высокія цѣны, всегда продавался по $1^1/_2$ коп. за фунтъ, былъ хорошо выпеченъ и безъ всякихъ примѣсей. Были, конечно, на фабрикѣ и больница съ дѣльнымъ и преданнымъ своему дѣлу врачемъ; была и хорошая школа, гдѣ обучалось до 200 человѣкъ дѣтей. Въ этой школѣ работали четыре учительницы, кромѣ священника и учителя пѣнія; за то церковь отстояла отъ фабрики за пять верстъ, а трактиръ былъ сейчасъ, тутъ же, за фабричной чертой. Гарусовъ,

впрочемъ, былъ неповиненъ въ этомъ сосѣдствѣ, и ничего не могъ подѣлать съ владѣльцемъ этой земли, кровнымъ дворяниномъ и мѣстнымъ земцемъ.

Небольшой клочекъ земли, состоящей изъ голаго песка, этотъ благородный мужъ отдавалъ въ аренду кабатчику и наживалъ барыши получше иного золотопромышленника. Да какъ было и не наживать, когда во дни дачки многіе изъ рабочихъ оставляли въ кабакѣ почти весь свой заработокъ, и трактирщикъ въ день наживалъ до 500 рубл.

А потому, какъ ни блистала эта фабрика своими огнями, какъ радушно ни ухаживалъ и ни чинилъ своихъ больныхъ докторъ съ тѣмъ, чтобы опять вытолкнуть ихъ въ ту же фабричную жизнь; какъ добросовѣстно, не жалѣя своихъ силъ, ни занимались съ дѣтьми нѣкоторыя учительницы,— все это торчало лишь, какъ яркая заплата на грязномъ рубищѣ, и безумная, безсердечная фабричная жизнь, вмѣстѣ съ кабакомъ, стирала всякія благія надежды и начинанія добрыхъ людей.

Жутко было смотрѣть на эти фабричныя съ блѣдно-зеленоватымъ оттѣнкомъ лица, на эту молодежь поблеклую, но съ ухарскими манерами, съ дерзкими, вызывающими взглядами, на всѣхъ этихъ дѣвицъ въ дипломатахъ и франтовъ въ пиджакахъ. Такъ и чуялось, что съ этихъ молодыхъ лицъ, однако, навсегда уже отлетѣли и свѣжесть, и всякая надежда на здоровье и сильное счастье.

— Мы и сами знаемъ,—говаривали мнѣ часто крестьяне,— что пустить дѣвку на фабрику не Божье дѣло, а уже прямо какъ на погибель, да ничего не подѣлаешь: кормить дома силъ не хватаетъ, а подѣться больше некуда!

— Ты думаешь, сколько мнѣ лѣтъ-то? — спросилъ меня однажды, шамкая своимъ беззубымъ и изъѣденнымъ меркуріемъ ртомъ, изможденный и точно чѣмъ пришибленный старикашка, когда я его назвалъ дѣдомъ.

— Да лѣтъ подъ 70, чай будетъ, а можетъ быть и больше,—отвѣтилъ я, оглядывая его одряхлѣвшее лицо и всю пригнетенную и маленькую фигуру.

— Подъ 70,—усмѣхнулся онъ, — да мнѣ съ Егорья еще всего только 52-й пошелъ... Фабрика, другъ ты мой, Николай Павлычъ, сдѣлала меня такимъ-то... Вѣдь я вотъ еще какой

отъ земли-то былъ,—показалъ онъ рукой,—съ 7-ми лѣтъ на ней... отъ того и захирѣлъ съ молоду еще.

— Охъ, эта фабрика, фабрика!.. Много она изъ меня крови выпила,—разсказывалъ мнѣ одинъ фабричный юноша, съ которымъ довелось какъ-то познакомиться поближе. И я смотрѣлъ на этого, дѣйствительно, безъ кровинки въ лицѣ, юношу, смотрѣлъ, какъ онъ при своемъ разсказѣ медленно, какъ-то по старчески, качалъ бѣлокурой головой; какъ было при этомъ серьезно его исхудалое, поблекшее и все въ веснушкахъ лицо, и мнѣ дѣлалось какъ-то неловко, не по себѣ: точно я находился при постелѣ трудно-больного, гдѣ чувствуешь, что нельзя вести себя, какъ привыкъ, а мягко и осторожно, чтобы невзначай не причинить лишней боли такому человѣку.

— Я на фабрикѣ съ 10 лѣтъ,—продолжалъ все также юноша. Отецъ отдалъ меня туда изъ деревни, потому что братъ мой женатый жилъ здѣсь въ ткачахъ. Земля у насъ плохая, такъ что и одни старики-то еле прокормятся; ну, онъ и хотѣлъ пустить меня по той же части, значитъ, какъ и братъ. Опредѣлили меня сначала въ размотчики, года 4 я тамъ находился и въ школу въ то время ходилъ. Спасибо учительницѣ. Да... хорошо она учила... И полюбилась мнѣ очень эта наука. Кончилъ я въ школѣ первымъ. Послѣ сдѣлали меня прядильщикомъ, и сталъ я зарабатывать по 7 рублей въ мѣсяцъ. До той поры все съ братомъ жилъ, да ужъ больно тяжко жить съ нимъ было: пилъ онъ шибко и дрался чѣмъ не попадя; бывало, то жену бьетъ, то меня таскаетъ, и все, все въ кабакъ, да въ кабакъ... Ушелъ я отъ него тогда въ общую...

Юноша умолкъ, затѣмъ какъ-то нервно тряхнулъ своей головой и, поднимая глаза, мрачно, старческимъ тономъ добавилъ:

— И самъ я тогда тоже много этой водки принималъ, шибко пилъ...

— Сколько же вамъ лѣтъ теперь?—спросилъ я его.

— Да 18-ть, девятнадцатый пошелъ,—отвѣтилъ онъ.

— Значитъ пили-то вы шибко 13-ти лѣтъ?..

Онъ утвердительно кивнулъ головой и затѣмъ продолжалъ все тѣмъ же однообразно-медленнымъ тономъ.

— Ну вотъ, какъ я ушелъ отъ брата, мнѣ и захотѣлось выбиться какъ-нибудь изъ этой проклятой жизни, захотѣлось учиться, потому учительница обѣщала хлопотать за меня у хозяина, чтобы помѣстить въ какое-нибудь училище техническое, если я только выдержу экзаменъ. Сталъ я тогда опять часто къ учительницѣ ходить за книгами. Добрая она такая: все, бывало, направляетъ меня и, что не пойму, очень хорошо объясняла; книжекъ читать мнѣ тоже давала. Очень ужъ понравилась мнѣ тогда исторія, да вотъ еще математика. Въ праздники или какъ со смѣны придешь, бывало, все больше читаешь или задачи дѣлаешь... Только вотъ ужъ очень трудно, не способно учиться-то въ нашей казармѣ было. Не повѣрите,—проговорилъ онъ, глухо покашливая,—придешь иногда со смѣнки, ляжешь на нары и книжку возьмешь въ руки, а самъ ничего не понимаешь... Въ ушахъ шумъ, да гулъ идетъ—это отъ машины, да отъ станковъ; голова болитъ, першитъ отъ пыли бумажной, а грудь такъ и ноетъ, такъ и ноетъ... А тутъ еще который изъ товарищей пристанетъ; насмѣхается: „ученый-де какой проявился, а то пьяныя пѣсни орутъ, ругаются... Шумъ, гомонъ стоитъ. И такая-то тоска нападетъ, такая тоска,—еще глуше заговорилъ онъ,—что и разсказать невозможно!.. Часто даже мысли такія приходили,—продолжалъ онъ, медленно растягивая рѣчь,—бросить все, да дернуть развѣ въ кабакъ... А то и подъ машину, что-ли? Одинъ конецъ по крайности!.. Только вотъ пить то я не могу,—добавилъ онъ, помолчавъ немного,—очень хвораю послѣ, и кровь горломъ идетъ...

Слушалъ я эту незатѣйливую повѣсть, и по правдѣ даже и слова не шли съ языка. Да и что тутъ было говорить, когда эта живая, такъ часто повторяющаяся на глазахъ всѣхъ исторія своей горькой правдой била наповалъ всякій людской эгоизмъ, всякое слабеньное и жиденькое участіе...

Простъ и безобиденъ былъ до страшнаго самый тонъ, съ которымъ юноша велъ свою рѣчь: онъ говорилъ тихо, медленно, съ длинными промежутками, пожалуй, даже вяло, съ какимъ-то равнодушнымъ выраженіемъ въ голосѣ и лицѣ; а между тѣмъ эта видимая вялость таила подъ собой такую придавленную болѣзненность, такую потерянную вѣру во

всякую правду, что глухіе звуки этого голоса съ мертвой силой, точно не отвратимые механическіе удары пароваго молота, падали ровно и разсчитанно одинъ за другимъ и мучительнымъ стыдомъ обличенія давили всю душу.

Длинная и мертвая пауза протянулась въ нашей бесѣдѣ.

— Чѣмъ же и какъ избавлялись вы отъ такихъ страшныхъ состояній?—спросилъ я, наконецъ, тихо.

— Не знаю ужъ какъ,—отозвался онъ въ раздумьи.—Пробовалъ и Богу молиться кой-когда...—Да нѣтъ!.. рѣдко... Когда и гдѣ нашему брату молиться-то?—спросилъ онъ, поднимая голову.—Въ кабакѣ или въ казармахъ, что-ли?.. А тутъ еще то устанешь, какъ собака, то нездоровится, или въ головѣ невѣсть что!.. Церковь далеко, да вѣдь, и въ праздники тоже работы требуютъ, коли товаръ идетъ, вѣдь и говѣть-то только на страстной пятницѣ отпускаютъ... Нѣтъ, нѣтъ,—мотнулъ онъ головой,—какое тутъ богомолье! Фабрика этого не любитъ... Думается, насъ и Богъ-то совсѣмъ забылъ: такъ безъ него и маячимся. Вы не повѣрите, если вамъ скажу, какой у насъ на фабрикѣ народъ есть отчаянный,—вдругъ съ оживленіемъ заговорилъ юноша, точно натолкнутый на что-то своими предыдущими мыслями.—Вотъ тутъ у насъ партія одна подобралась изъ молодыхъ парней... Страшный народъ!.. Особенно одинъ изъ нихъ... Идетъ, примѣрно, онъ по улицѣ и не пьяный... Встрѣтьтся кто-нибудь съ нимъ въ недобрый часъ... Расшибетъ!.. Такъ совсѣмъ ни за что!.. Хочешь, говоритъ, я рожу ему сворочу... Это первому встрѣчному, не разбирая, кто бы онъ ни былъ: ему все равно... А ужъ изругаетъ, что ни на есть хуже. Мы знаемъ, ужъ онъ подберется кой къ кому!.. Такому человѣку ужъ и не говори ничего: иди скорѣе мимо, потому страшный онъ!.. Здоровенный, зубами заскрипитъ, ровно звѣрь!..

— Я знаю,—зарычитъ, бывало, что Владимірки не миную, такъ мнѣ все равно, когда не начинать. А вѣдь... какой товарищъ хорошій,—добавилъ онъ,—умретъ—не выдастъ! Только ужъ значитъ, злоба-то больно кипитъ въ немъ, съ нее, видно, и пьетъ шибко. Когда-нибудь поножевщиной кончитъ непремѣнно,—закончилъ онъ.

Не рѣдко приходилось мнѣ одно время встрѣчаться съ

этимъ молодымъ человѣкомъ и всегда послѣ бесѣды съ нимъ дѣлалось такъ обидно-тяжело, что зачастую цѣлую ночь и заснуть не можешь. Такъ и чудилось, что эта не расцвѣтшая, зачахлая юность, совмѣщавшая въ себѣ, кажется, всѣ фабричныя скорби и немощи, тихо стоитъ надо мною въ ночной тишинѣ съ своей темной безвыходностью и смотритъ прямо въ мою смущенную душу своими голубыми безобидными глазами, проникнутыми великой, но тихой и усталой мукой безысходнаго терпѣнія, точно птица, попавшая въ мертвую петлю.

Впослѣдствіи ему удалось, таки добиться своего и, при небольшой поддержкѣ со стороны хозяина, поступить въ одно изъ низшихъ техническихъ училищъ. Раза два я навѣщалъ его, и тамъ; юноша былъ такой же тихій, грустный и спокойный. Учился, конечно, онъ превосходно и даже по вечерамъ посѣщалъ еще особые классы; но за то и покашливалъ онъ куда какъ больше прежняго, и на щекахъ его проступалъ иногда очень подозрительный румянецъ.

А вѣдь этотъ юноша еще былъ изъ счастливыхъ!..

Высшій слой фабрики составляли, какъ я уже говорилъ, всевозможные директора-техники.

— У насъ система децентрализаціи, — говорилъ мнѣ не разъ особенно довольнымъ тономъ хозяинъ. — Каждый директоръ въ своемъ отдѣленіи, такъ сказать, независимый монархъ-съ.

Повидимому, онъ очень гордился этой децентрализаціей и чуть ни мнилъ, что она служитъ отчасти кой-кому и въ пику; хотя, по правдѣ сказать, при рѣдкихъ пріѣздахъ хозяина на фабрику, эта децентрализація только еще больше будоражила и безъ того мелочное самолюбіе его фабричныхъ монарховъ и часто сильно тормозила все фабричное дѣло. Можетъ быть, всѣ или многіе изъ этихъ монарховъ были и очень порядочные люди; но, по всей вѣроятности, свои добродѣтели они прятали по своимъ семейнымъ угламъ. Какъ люди общаго дѣла, требовавшаго взаимности, они были просто невозможны по убожеству мысли, мелочности болѣзненныхъ самолюбій и отсутствію всякихъ здоровыхъ общественныхъ инстинктовъ и привычекъ.

Я долго наблюдалъ ихъ. При всѣхъ индивидуальныхъ раз-

личіяхъ,—общій типъ у нихъ, за рѣдкими исключеніями, былъ до тошноты одинъ и тотъ же. Одни избѣгали вина и картъ, другіе любили и повинтить, и выпить; но общій всѣмъ какой-то холодный цинизмъ такъ и сквозилъ изъ ихъ денежной дѣловитости. Пріятнымъ содержаніемъ ихъ бесѣдъ, къ которымъ они вообще относились съ интересомъ, всегда была или нажива, или карты, или какой-нибудь скандалъ въ клубничномъ родѣ; семейные вели тогда рѣчи въ легко игривомъ тонѣ, а холостые съ громкимъ хохотомъ. Иногда, впрочемъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ даже проскакивали въ перемежку и разныя либеральныя словца, но было видно, что и сами изрекающіе ихъ не вѣдали, для чего они творятъ сіе, а потому быстро переходили въ прежній тонъ.

Впрочемъ, были изъ нихъ и совершенно приспособленные люди, являвшіе вполнѣ самобытный характеръ. Никогда не забуду изъ такихъ одного счастливаго юношу. Это былъ плотный, здоровенный малый; розовыя толстыя щеки его тряслись отъ безпрестанныхъ взрывовъ смѣха, которыми онъ поощрялъ свои собственныя изреченія, произносимыя съ необыкновеннымъ апломбомъ и опредѣленностью. Вина этотъ господинъ не пилъ, картъ и въ руки не бралъ, а по немногу копилъ, да копилъ деньги.

— Ну-съ,—обратился онъ съ полной развязностью ко мнѣ, вскорѣ послѣ нашего знакомства,—какъ хозяйничаете? Какъ ваши достопочтенные фел-л-ахи преуспѣваютъ? Поди, все чешутъ кой-что?—онъ выразился, конечно, съ самой плѣнительной простотой и точностью.

— Какіе фелахи?—спросилъ я.

— Ха, ха, ха!—залился онъ.—Не знаете развѣ?.. А меньшіе-то братья наши. Это великоруссы, бѣлоруссы и всякіе руссы, такъ-то ихъ, я, вѣдь, ихъ феллахами зову.

— Почему же это?

— А потому, что скоты они, батюшка, безнадежные!.. Дурь и скоты!.. То затылки себѣ чешутъ, да прутъ все, что на нихъ не навалятъ, то нальются, какъ полуштофы до самаго горлышка, своимъ патріотическимъ зельемъ и только глаза пучатъ, да сквернословятъ... Ну, какъ же не фелла-хи?.. Истинные!.. Жарить, жарить ихъ хорошенько на-

до,—добавилъ онъ одобрительно,—а то у нихъ кожа толста, у такихъ то дѣтей!..

— Гдѣ это вы такой опытности набрались,—спрашивалъ я, оглядывая его крѣпко сбитую фигуру.—И въ такія, можно сказать, еще цвѣтущія лѣта?..

— Да вѣдь я слюней-то никогда не распускалъ, глядя на этихъ чудищъ допотопныхъ... Никогда-съ!..—отчеканилъ онъ, засунувъ руки въ карманы и поигрывая своими жирными плечами.

— Словомъ, дѣло рѣшеное и хлопотать больше нечего?—усмѣхнулся я.

— Ужъ это вы не на счетъ-ли поднятія и просвѣщенія ихъ изволите иронизировать?—гоготалъ юноша.—Да что вы, батенька, да вѣдь эти фел-л-лахи въ школахъ только весь воздухъ испортятъ!..—И щеки его тряслись при этомъ отъ громогласнаго и самаго жизнерадостнаго смѣха.

Мнѣ оставалось только любоваться этой непосредственной натурой, точно цвѣтокъ, распустившейся на почвѣ россійской фабричной техники.

Когда пріѣзжалъ на фабрику хозяинъ, обыкновенно у него собирался тогда весь этотъ цвѣтъ технической науки, и какихъ-какихъ ученыхъ рѣчей не наслушаешься, бывало, за время этихъ собраній. Въ угоду слабости Гарусова, каждый аршинъ ситца облекался чуть не въ химическую формулу, каждая сажень дровъ въ эквивалентъ тепла, и цѣлые вечера тянулись эти ученыя рѣчи; хозяинъ сыпалъ своей любимой статистикой, и всѣ имѣли столь государственный и ученый видъ, что свѣжему человѣку непремѣнно подумалось бы, что онъ присутствуетъ при обсужденіи міровыхъ вопросовъ.

Тутъ же происходили и горячіе споры, уснащенные всякими формулами, ссылками и цифрами, и тянулись они нерѣдко до полуночи, пока не кончались къ общему удовольствію возгласомъ утомленнаго хозяина:—У-у-ф-ъ, господа! Будетъ уже! Въ горлѣ пересохло. Пожалуйте ужинать.—И всѣ ужинали, болтали слегка, опять считали уже за стаканомъ вина и расходились. И такъ изо дня въ день—цѣлые длинные годы: то конторскіе счета, то подсчеты и формулы, строгія соображенія и споры, то фабрика съ своимъ удушьемъ, гуломъ машинъ и чахлыми лицами живыхъ машинъ-рабочихъ; за-

тѣмъ винтъ или выпивка, а на завтра опять та же фабрика и тѣ же утомительные счеты и подсчеты, на основаніи строгихъ научныхъ положеній.

Считать, однако, было необходимо. Машина громадная была устроена и пущена въ ходъ не однимъ Гарусовымъ, она захватывала десятки и сотни тысячъ желудковъ, хотя бы даже въ зависимости отъ вопросовъ и интересовъ, подобныхъ тому,—въ какой наиболѣе выгодный анилиновый колеръ опустить тѣ или другіе милліоны аршинъ хозяйскаго товара, который пойдетъ послѣ гулять по всѣмъ россійскимъ градамъ и вѣсямъ. Считать было необходимо, потому что каждую ошибку зорко сторожилъ другой конкурентъ—фабрикантъ, гдѣ тоже все считаютъ и считаютъ. Громадная машина работала безостановочно, и всѣмъ, кто составлялъ какую-либо часть въ ней, остановиться было нельзя, все должно было механически вертѣться и исполнять въ ней свою служебную роль. А потому, какъ искусно ни препобѣждали всѣ свои трудности хозяинъ со своимъ штатомъ техниковъ, какъ жадно ни кидались они въ минуты своего отдыха на удовольствія, какъ успѣшно, наконецъ, ни копили свои капитальчики—все же не выдерживали подъ часъ. Всѣ эти подвиги до того развинчивали ихъ нервно, до того белѣзненно настраивали ихъ самолюбія и вообще давили мертвымъ однообразіемъ и полной безцвѣтностью жизни, что проходило года два-три, и ихъ лица желтѣли, проникались какой-то сдавленной тревогой и раздраженіемъ; многіе изъ нихъ чуть не бросали мѣста, другіе мѣняли ихъ на подобныя же, единственно ради разнообразія, или говорили хозяину: „не могу!.. Дайте отпускъ... Боленъ, боленъ!..

— Да, да! Провѣтриться надо, понимаю,—сознавался хозяинъ,—вижу—развинтились вы что-то. Поѣзжайте съ Богомъ!

И человѣкъ бѣжалъ, какъ одурѣлый. А встрѣчались и такіе, которыхъ прямо хоть въ сумасшедшій домъ сажай: совсѣмъ были ужъ готовы...

Послѣ долгихъ наблюденій надъ фабричной интеллигенціей, когда уже мнѣ до тошноты стала извѣстна вся фабричная жизнь и не въ моготу становилось отъ откровеннаго ея цинизма, я имѣлъ глупость какъ-то высказать кой-кому изъ ея представителей свои мысли объ этомъ предметѣ:

— Знаете, что я скажу вамъ, милостивые государи. Вотъ смотрю я на васъ и вижу:—народъ вы все, кажется, молодой; учились въ высшихъ заведеніяхъ. Судя по времени, кажется, тогда ни винтомъ не увлекались, ни клубника не процвѣтала, да и о капитальчикахъ молодежь не мечтала. Скажите мнѣ, пожалуйста, если вы только принадлежали къ той же средѣ, куда же дѣлось все ваше свѣжее и молодое?.. Рѣшать самъ не берусь; но откровенно скажу вамъ, господа, не интересные вы люди и скучно съ вами до тошноты...

Съ тѣхъ поръ уже мы только учтиво заявляли свое почтеніе при встрѣчахъ другъ съ другомъ на хозяйской квартирѣ.

Впрочемъ. я не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія: живой человѣкъ болѣлъ у всѣхъ, а потому всѣ эти господа и другъ съ другомъ жили, какъ кошки съ собаками: интриговали, раздражались, ссорились и взаимно подставляли ножки.

III.

Настала весна, и я съ радостью весь отдался своимъ хозяйственнымъ работамъ. Однако трудно было работать съ увлеченіемъ и успѣхомъ. Во-первыхъ, фабричная администрація снабдила меня лошадьми, изъ которыхъ каждая была съ какимъ-нибудь порокомъ: одна совсѣмъ безъ ногъ отъ опоя, другая—едва передвигала ноги, третья—била и задомъ, и передомъ, и грызлась, какъ лютый тигръ. Никакіе протесты съ моей стороны не помогали.

— Что дѣлать,—говорилъ Гарусовъ,—обойдитесь ужъ какъ нибудь.—Съ горемъ пополамъ приходилось именно какъ-нибудь обходиться. На ближнихъ къ фабрикѣ поляхъ почва до того была залита золотомъ, что совершенно спеклась и при вспашкѣ ломалась цѣлыми безобразными глыбами затвердѣлой глины. Никакія сильныя бороны и катки въ этомъ случаѣ не помогали: приходилось разбивать крупныя глыбы обухами, что, конечно, не только было очень утомительно для рабочихъ, но и дорого. Я недоумѣвалъ,—куда же дѣвается навозъ отъ скота, котораго на фабрикѣ было головъ 200. Загадка объяснилась, однако, просто. Окрестные кулаки, приходившіеся родней мелкой фабричной сошкѣ, успѣли

убѣдить администрацію, что для фабрики будетъ очень выгодно, если они уберутъ эту дрянь даромъ. Эти богачи жили очень хорошо, держали добрыхъ лошадей, занимались то доставкой фабричнаго товара, то кой-какими мелкими подрядами и торговлей, давали взаймы деньги, арендовали земли и прекрасно удобряли и обрабатывали ихъ; но, конечно, такія хозяйства составляли исключеніе; что же касается до большинства крестьянъ, то они видимо совсѣмъ уже отбивались отъ земли, даже усадебныя постройки и тѣ приходили въ упадокъ. Фабрика понемногу проглатывала всѣ ихъ силы.

Въ округѣ, верстъ на 15 отъ фабрики (а вообще ихъ въ этой мѣстности было не мало) встрѣчалось уже множество хозяйствъ, гдѣ круглый годъ въ деревняхъ жили только старый, да малый. Земля тамъ ковырялась кой-какъ; на хлѣба въ поляхъ смотрѣть было жалко: такъ они были рѣдки и тощи. Среди клиньевъ пахотной земли безпрестанно пестрѣли тамъ и сямъ полосы пустовалой и заброшенной пашни. Обыкновенно въ такихъ обществахъ подобную землю не только не брали за взносъ податей, но даже и съ небольшой приплатой: такъ безплодны и бездоходны были эти земли.

— Ужъ не вѣсть зачѣмъ и ковыряемъ, — говорили крестьяне изъ такихъ селеній.—Равно какъ по привычкѣ только: все же крестьяне; да вотъ, что хоть кой-какое пристанище старому да малому есть; а самъ видишь, какой толкъ изъ нашего землепашества. Земли у насъ холодныя, навозу много требуется, а гдѣ его возьмешь. когда у иного и лошаденки-то ужъ нѣтъ!.. Ну, пойдешь жать-то—одна шуя*), вотъ тебѣ и хозяйство!..

Отживающій деревенскій порядокъ чувствуетъ глухой антагонизмъ къ своему фабричному сосѣду. Бьется деревня, хватается за послѣднее, старѣетъ и ворчитъ, по своему, разумѣется, небезосновательно.

— Молодые-то, дѣти, уйдутъ на фабрику, такъ и забудутъ, ровно ужъ насъ и на свѣтѣ нѣтъ. Ждешь, ждешь присылокъ-то, ходишь, ходишь къ нимъ за помочью—всѣ ноги

*) Такъ называется на мѣстномъ крестьянскомъ языкѣ полевой мятликъ.

оттопчешь; вырвешь на подати, да на мѣшокъ муки, и слава Богу! И то еще наровятъ на тебя же вонъ и ребятишекъ спихнуть,—ткнулъ пальцемъ разсказчикъ на лавку, гдѣ сидѣлъ лѣтъ двухъ мальчикъ.—Народятъ тамъ... Ходи, молъ, старики, вамъ дѣлать-то дома нечего!.. Потому мужъ въ трактиръ, а жена за нимъ же—не до ребятъ...

— Бываетъ и того хуже,—вставляетъ ѣдко другой изъ стариковъ.—Пропьется тамъ на фабрикѣ-то, собака, выгонятъ его,—ну, онъ въ однихъ портканхъ, прости Господи, къ намъ и жалуетъ съ голоднымъ-то брюхомъ, да и лодырничаетъ, лежа на печи, а за соху-то, ужъ забылъ, какъ и взяться.

Я слушалъ эти рѣчи, и меня, мечтавшаго о томъ, чтобы поднять опять землю на самыхъ задворкахъ враждебной ей фабрики,—брало раздумье. Средствъ нѣтъ, все нужно заводить съ начала, а тутъ еще и меня фабрика на первыхъ-же порахъ надѣляетъ своими отбросами: на рабуту потянулись ко мнѣ все какіе-то фабричные неудачники и пропойцы, которые и не хотѣли, да и неумѣли взяться за дѣло. Представителями женскаго труда были большею частью пожилыя бабы, почти старухи, которыя жили по коморкамъ при своихъ семьяхъ и пробивались кой-какой поденщиной, народъ слабый и занимавшійся на работѣ больше болтовней. Впрочемъ, попадались особы и другого сорта, которыхъ едва-ли когда могли созерцать на своихъ мирныхъ поляхъ другіе россійскіе хозяева.

Выйдешь иногда утромъ изъ усадьбы и зришь какую-то даму: въ дипломатѣ, въ калошахъ и съ легкимъ зонтикомъ въ рукахъ. Сначала я даже нѣсколько терялся и недоумѣвалъ: что за особа, думаю, явилась, къ кому это? Дама подходитъ и слышишь:

— Здравствуйте, баринъ!

— Здравствуйте,—отвѣчаешь ей.

— Не возьмете-ли меня поработать къ себѣ,—игриво предлагаетъ она.

— То-есть, какъ это?.. Куда поработать?—удивляешься ей.

— Да въ поденщицы на огородъ или на сѣнокосъ.

— Какъ же это вы въ такомъ дипломатѣ вилы возьмете, да навозъ разбивать станете, — допрашиваешь даму, недоумѣвая.

— Ахъ, вѣдь я тогда сниму его. Неужто въ навозѣ пачкать буду,—кокетливо и вмѣстѣ наставительно отвѣчаетъ она.

Конечно, такія особы быстро исчезали, большею частью съ полудня перваго же дня, громогласно и съ негодованіемъ заявляя, что онѣ на этой каторжной работѣ всѣ рученьки свои обломали.

Являлись еще съ предложеніемъ своихъ услугъ и какіе-то пришлые странники. Предстанетъ вдругъ предъ вами такой субъектъ: ростъ богатырскій, съ виду молодецъ; но костюмъ, даже по лѣтнему положенію, очень легкій: рубаха еле на плечахъ держится, штанишки чуть колѣна прикрываютъ; или же, наоборотъ, въ пиджакѣ на голомъ тѣлѣ. Иногда при такихъ субъектахъ состоитъ подобная же дама въ какой-нибудь отчаянной кофточкѣ.

— Нельзя-ли, господинъ, какой работки получить у васъ?— вѣжливо раскланиваясь, спрашиваетъ субъектъ.

Посмотришь, какъ кажется, не работать: запасъ есть.

— Косить умѣешь?—спрашиваешь его.

— Косить-то?.. Ну, вотъ еще, какъ же не умѣть?—спокойно отвѣчаетъ онъ.

— А паспортъ есть?

— Подаетъ и паспортъ...

— Только, понимаете, господинъ,—скромно и въ полголоса говоритъ онъ, тыкая пальцемъ въ паспортъ...—тутъ не все обозначено... къ примѣру вотъ она,—указываетъ онъ на даму,—жена, а не вписана здѣсь... Понимаете?..—и субъектъ смотритъ многозначительно въ глаза, желая быть понятнымъ безъ словъ, и какъ бы сверхъ оныхъ,

— Ну, иди косить! Дайте ему косу,—велишь кому-нибудь изъ рабочихъ.

Субъектъ вооружается косою и все еще мнется, какъ бы желая вновь вступить въ разговоръ.

— Ну, чего же тебѣ еще?.. Ступай за народомъ,—говоришь ему.

— Нельзя-ли, ваше степенство,—молвитъ онъ небрежнымъ тономъ,—какой-нибудь гривенникъ получить въ счетъ ра-

боты?.. Очень притомились съ дороги-то, въ горлѣ пересохло, хоть чайку выпьемъ.

Придешь затѣмъ на покосъ. Что-то не видать молодца.

— А гдѣ же нашъ богатырь-то?—спрашиваешь у рабочихъ.

— А вонъ тамъ, за кустами лежитъ съ своей барыней,— гогочутъ они.—Потѣха, Николай Павлычъ, пришелъ, раза два махнулъ косой, конецъ въ землю уткнулъ и сломалъ... Нѣтъ, говоритъ, братцы, скучная и пустая эта работа, да и тошно что-то, такъ отъ жары и валитъ; пойти полежать. что-ли?

— Что же это вы, господинъ, скоро закончили свои труды?—спрашиваешь его, подходя къ кустамъ.

— Да притомился что-то, ваше степенство,—отвѣчаетъ богатырь лѣниво и еле поднимаясь отъ земли.—Не привычная работа, видите-ли...

— Чай по вагонамъ, да по карманамъ лазить много легче,—хохочутъ рабочіе.

— Это точно,—спокойно отвѣчаетъ онъ.—Прощенья просимъ, ваше степенство,—и субъектъ медленно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства удаляется съ своей вѣрной подругой, раздѣляющей съ нимъ труды и досуги...

Такихъ субъектовъ крестьяне называли почему-то «котами»; они являлись съ предложеніями своихъ услугъ каждое лѣто, но, наученный опытомъ, я уже только махалъ рукой на ихъ предложенія, не вступая съ ними ни въ какіе переговоры. Съ такимъ-то вотъ сбродомъ (иначе, по правдѣ, и назвать его нельзя) приходилось работать первое лѣто, и, конечно, надо было ждать отъ него всякихъ казусовъ.

Моя ферма на задворкахъ у фабрики шла въ ходъ туго, точно попортившаяся, старая машина съ поломанными частями. Все у насъ поначалу не ладилось и скрипѣло: то у боронъ цѣпи порвутъ, то у какой-нибудь бабы кони вмѣстѣ съ бороной удерутъ и ноги себѣ попортятъ, то у плуга отвалъ перешибутъ или ножи въ косилкѣ поломаютъ. А въ одинъ прекрасный день, совершенно для меня неожиданно, поставленныя мнѣ фабрикой бабы старухи подняли на фермѣ прямое возстаніе, требуя, безъ всякихъ разумныхъ основаній, чтобы я ставилъ ихъ на уборку сѣна въ такомъ количествѣ, которое ровно вдвое превышало потребности нашего скром-

наго луга. Тщетно я убѣждалъ ихъ въ нелѣпости этого требованія—бабы и слушать не хотѣли: или всѣхъ бери, или сейчасъ всѣ съ работы уйдемъ.

Я повернулся и пошелъ домой, недоумѣвая, откуда могло бы явиться такое нелѣпое требованіе, а 40 бабъ съ граблями на плечахъ торжественно сопровождали меня съ громкой пѣснью, въ которой очень ядовито воспѣвался какой-то грозный приказчичекъ, его похвальба и ревность не по разуму. До самаго дома проводили онѣ меня такимъ образомъ, а затѣмъ, составивъ къ сараю грабли, также лихо отправились на фабрику по своимъ коморкамъ, явно выражая глубокое презрѣніе и ко мнѣ, и къ моей фермѣ.

Дѣлать было нечего: пришлось выписать сѣноворошилку, хотя это не особенно удачная замѣна бабьяго труда. Дѣло, однако, скоро разъяснилось: оказалось, что тайной пружиной этой бабьей революціи былъ плутъ приказчикъ, который до того времени взималъ съ каждой нанимаемой бабы по 10 копѣекъ. Разумѣется, въ его же интересахъ было—ставить какъ можно больше бабъ на работу. Когда этому режиму пришелъ конецъ, лукавый человѣкъ внушилъ бабамъ, будто я намѣренъ сразу понизить плату и сократить число работницъ.

Послѣ сами онѣ все пересуживали и удивлялись, какъ это такъ долго онѣ терпѣли грабежъ и такъ легко давались въ обманъ.

— Эхъ вы,—кажется, и не молоденькія,—укорялъ я.

— То-то вотъ, что не молоденькія, оттого и памятуемъ, что кто посильнѣй, тотъ и рветъ. Такъ-то милый баринъ!

Уборка хлѣба была тоже самое отвратительная. Ни риги, ни даже простого овина не было, а дожди лили безпрерывно, копны чернѣли и проростали, а въ молотильномъ сараѣ, который кто-то ухитрился поставить въ низкой ложбинѣ, стояло на четверть воды. Я изливалъ свои огорченія хозяину, указывая на полную неприспособленность хозяйства, а онъ въ отвѣтъ только отшучивался.

— Что, каково васъ поливаетъ. Чай всѣмъ святымъ взмолились... Э, полноте! плюньте на всѣ эти убытки! Понимаете, все это такіе пустяки въ сравненіи съ дѣлами фабрики,

напримѣръ, что о нихъ и говорить не стоитъ. Ну, сгніетъ хлѣбъ и чортъ съ нимъ!

Понемногу, однако, стали у меня набираться и постоянные рабочіе. Жалованье у насъ полагалось «хорошее»: отъ Пасхи до 15 октября отъ 12 до 15 руб. въ мѣсяцъ, зимой отъ 10—12 р., на своихъ харчахъ. Рабочіе сами пожелали остаться на своемъ продовольствіи, представляя въ резонъ, что одинъ любитъ съѣсть послаще, а другой поскупѣе: наровитъ семьѣ больше оставить, или на выпивку, а то, кто не полѣнится въ праздникъ, и даровой обѣдъ состряпаетъ—наберетъ грибовъ—варево пречудесное. «Всѣхъ не поровняешь,—говорили они. Да вамъ будетъ такъ-то покойнѣе: безъ хлопотъ и безъ жалобъ». Кромѣ того, я преимущественно старался привлекать на ферму рабочихъ съ семьями, изъ такихъ уже бездомовныхъ крестьянъ, которые побросали свои хозяйства и завязли на фабрикѣ, перебиваясь кое-какъ и большею частью на поденной работѣ. Такіе люди были привязаннѣе къ фермѣ, тѣмъ болѣе, что отъ фермы было предложено каждому, кто желаетъ, взять подъ огородъ небольшой кусокъ земли и держать корову лѣтомъ на даровомъ подножномъ корму, а зимою на своемъ. На пріобрѣтеніе коровъ было испрошено у хозяина право—открывать рабочимъ кредитъ съ уплатою, въ разсрочку и безъ процента, изъ заработковъ. Излишнее молоко рабочіе продавали по хорошей цѣнѣ на фабрику. Все это, взятое вмѣстѣ, не только привлекало рабочихъ, но, главное, заставляло ихъ дорожить мѣстомъ, особенно въ виду того обстоятельства, что ихъ семейства жили вмѣстѣ и тоже находили круглый годъ поденную работу на той же фермѣ.

IV.

Однимъ изъ первыхъ явился ко мнѣ ранней весною, нѣкто Василій Ефимовъ Шипуновъ. Онъ пришелъ съ запиской отъ фабричнаго врача, въ которой тотъ просилъ, если возможно, помѣстить Шипунова на ферму, такъ какъ фабричная работа крайне вредна для его здоровья.

Я пристально поглядѣлъ на его лицо. Это былъ мужчина лѣтъ 45, съ широкой рыжей бородой лопатой, съ чисто россійской физіономіей и типичнымъ для нея россійскимъ же

добродушнымъ и широкимъ носомъ; но, Боже мой, что это было за лицо: блѣдно-синее, изможденное. Почти черезъ каждыя 3—4 минуты Шипуновъ рѣзко и подолгу кашлялъ и въ его горлѣ раздавался какой-то особенный свистъ.

— Какую-же я тебѣ дамъ работу? — проговорилъ я въ раздумьи и вглядываясь съ тяжелымъ чувствомъ въ его лицо.—Тебѣ вѣдь трудно будетъ: боленъ ты.

— Помилуйте,—волнуясь, заговорилъ онъ среди кашля,—всякую работу могу. Отдохну на ней, поправлюсь скоро... Отецъ родной! Помилосердуй, возьми? — выкрикнулъ онъ и бухнулся въ ноги, причемъ такъ закашлялся, что даже не могъ подняться, а такъ и уткнулся лицомъ въ полъ, и только ситцевая рубаха вздрагивала у него на спинѣ отъ приступовъ удушья.

— Что ты дѣлаешь? Господь съ тобой,—крикнулъ я, бросаясь поднимать Шипунова, и, окончательно сконфуженный, чтобы что-нибудь сказать, участливо спросилъ его:—Чѣмъ это ты боленъ-то?..

— Господь знаетъ чѣмъ,—отвѣчалъ, поднимаясь среди новыхъ приступовъ кашля, Шипуновъ,—ка-а-шель очень ужъ душитъ! Спать не даетъ и отъ пищи совсѣмъ отбило. Я вѣдь въ спиртовой работалъ... Смерть!..

«Спиртовая»—это нѣчто ужасное, убійственно дѣйствующее на здоровье рабочаго. Въ ней производится отбѣлка миткаля хлоромъ. Больше года, обыкновенно, рабочіе тамъ не выдерживаютъ и работаютъ даже съ губками или полотенцами на лицѣ. Почему-то среди нихъ еще страшно распространено употребленіе, въ видѣ лѣкарства, гофманскихъ капель; они пьютъ ихъ цѣлыми пузырьками, увѣряя, что послѣ кашель не такъ мучитъ и сонъ лучше. Такимъ образомъ, къ одному злу прибавляютъ еще другое—отравленіе эфиромъ. Понятно, что объ аппетитѣ и снѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Вотъ такой-то субъектъ изъ этой спиртовой и предсталъ предо мною въ лицѣ Шипунова.

— Будь отцомъ, избавь отъ смерти, — взмолился опять Шипуновъ.—Ты посмотри, посмотри, что сдѣлала со мною фабрика-то,—торопливо заговорилъ онъ.—Видишь, вотъ она рука-то какова!.. Всю сожгло проклятой кислотой! И при этихъ словахъ онъ быстро засучилъ правый рукавъ своей

рубахи. Начиная отъ кисти и по самый локоть, рука эта, исхудалая и болѣе тонкая, чѣмъ лѣвая, была покрыта широкими рубцами отъ еле затянутыхъ глубокихъ ранъ. Не правильными ямами и буграми произошло это рубцеванье, изъ чего было видно, каковы были эти раны, изрывшія мускулы и отливающія теперь синевато-багровымъ цвѣтомъ.

Грѣшно было не внять просьбѣ человѣка, положившаго столько своего здоровья во славу хозяйской фабрики... Тутъ же кстати я узналъ, что Шипуновъ въ сущности и не фабричный человѣкъ, а всегда занимался прежде огородничествомъ.

Это было и мнѣ, и ему на руку.

— Какъ же это тебя занесло сюда?—спрашивалъ я его.

— Э э-эхъ, Николай Павловичъ,—вздохнулъ Шипуновъ,—знаешь русскую пословицу: «отъ тюрьмы, да отъ сумы не отпирайся никогда». Тюрьмы-то Богъ миловалъ, а отъ сумы-то не отвертѣлся! Огородничалъ я всегда подъ Москвой; можетъ,—слыхали Ѳедотова, богатѣйшій огородникъ. Ну, я у него сначала работникомъ былъ, а потомъ ужъ какъ въ родѣ за приказчика. Я и на рынокъ съ товаромъ ѣздилъ, и деньги получалъ; значитъ, довѣріе уже имѣлъ отъ хозяина. Такъ-то лѣтъ 10 прошло; деньжонки кой-какія скопилъ, женился; ну, и задумалъ заняться самъ. Знаете, вѣдь хочется тоже и самому похозяйствовать,—добавилъ онъ добродушно.—Нанялъ я подъ городомъ землю, а аренда высокая на нее, рабочіе тоже дорогіе; а тутъ еще года засушливые подошли: поливка одолѣла. Бѣда да и только! И какъ ужъ я ни бился, чего, чего ни дѣлалъ?.. Пять десятинъ одной резеды сѣялъ:—это на духи, въ магазины. Ничего не вывезло!.. Въ три годика, другъ ты мой, какъ есть до чиста все слизнуло!.. И Шипуновъ по русской привычкѣ махнулъ по своей широкой бородѣ рукой, какъ-бы наглядно доказывая, какъ это у него все слизнуло.

— Ну, а тамъ,—закончилъ онъ,—и пошелъ ужъ шататься кое-гдѣ; да вотъ и сюда съ семьей забрелъ, и въ спиртовую попалъ, потому—другому фабричному дѣлу не наученъ.

Вскорѣ Шипуновъ со всей своей семьей поселился на фермѣ.

Въ огородномъ дѣлѣ онъ оказался, дѣйствительно, толко-

вымъ и опытнымъ человѣкомъ. Съ разными примѣрами и деликатесами водиться, правда, не умѣлъ; но простое огородничество зналъ хорошо, а перваго много было и не нужно. Главное достоинство Шипунова заключалось въ томъ, что онъ любилъ этотъ деревенскій просторъ и свое дѣло, и всегда горячо бралъ къ сердцу всѣ его интересы.

Скоро на фермѣ онъ сталъ замѣтно поправляться и къ осени уже выглядѣлъ совсѣмъ молодцомъ.

Хорошій и человѣкъ былъ Шипуновъ. Горячій, прямодушный, смѣтливый, веселый и притомъ очень добрый и жалостливый. Часто, бывало, пристанетъ: прими, да прими на работу какого-нибудь лишняго или уже совсѣмъ слабаго работника.

— Ну, куда я его возьму?—отвѣтишь на его просьбы.— Самъ видишь какой онъ. Вѣдь всѣхъ голодныхъ мы съ тобой не накормимъ...

— Такъ-то такъ, Николай Павлычъ. Да ужъ куда ни шло, возьмите для Бога. Вѣдь хозяинъ-то не разорится съ того: у него много; а ему, можетъ, Господь и еще пошлетъ за это. И онъ убѣдительно, благодушно усмѣхался при этомъ во все свое широкое лицо.

Всѣмъ былъ хорошъ Шипуновъ, только иногда шибко зашибалъ. Какъ только, бывало, начнетъ издали съ особенной почтительностью разговаривать со мной, положивъ палецъ на свою широкую бороду,—это было вѣрнымъ признакомъ, что Шипуновъ, какъ говорится, уже со здоровой мухой. Случалось иногда, что и въ бороздахъ валялся на огородѣ... Послѣ конфузится, не глядитъ въ глаза и видимо старается не оставаться наединѣ, во избѣжаніе непріятныхъ разговоровъ. Но я считалъ, наоборотъ, очень полезнымъ донимать его въ этихъ случаяхъ разными болѣе или менѣе жалкими словами, причемъ бѣдняга только и твердитъ, бывало, одно: «такъ точно, правильно, вполнѣ совершенно правильно!». А затѣмъ подтянется и закипитъ великой энергіей до новаго казуса.

Типичные были люди еще скотникъ Михаилъ Петровичъ Руденковъ съ супругой своей—Натальей Митревной. Семья у нихъ была большая и все дѣвки; поэтому бѣдность ихъ заѣла великая. Родитель и родительница были тощіе, какъ

щепки, а самъ глава—Михаилъ Петровичъ часто покашливалъ и, кажется, носилъ уже въ себѣ зародыши чахотки. Отношенія супруговъ другъ къ другу и къ семьѣ были самыя нѣжныя и дружелюбныя. Михаилъ Петровичъ въ семьѣ своей избѣгалъ всякихъ гнилыхъ словъ и вообще не былъ любителемъ ихъ, а держалъ себя на высотѣ родительскаго положенія, главнымъ образомъ, при помощи супруги,—которую называлъ не иначе, какъ Наташей. Это не мѣшало ему, конечно, находиться у нея въ самомъ нужномъ и вполнѣ полезномъ для него подчиненіи. Отсюда слѣдуетъ, что Наташа была женщина дѣйствительно умная, со стойкимъ характеромъ и съ хорошимъ запасомъ житейской и политической мудрости; самъ же Михаилъ Петровичъ, не смотря на глубокую преданность свою Наташѣ, отличался замѣчательной легкомысленностью по части кабачка и еще многими, не свойственными его положенію, поступками. Хотя Михаилъ Петровичъ и мнилъ себя самымъ благовоспитаннымъ, проницательнымъ и политически-тонкимъ человѣкомъ, о чемъ, между прочимъ, часто и заявлялъ въ поученіе многихъ; но, какъ и всегда, впрочемъ, бываетъ съ людьми, страдающими столь сильнымъ самомнѣніемъ, безпрестанно впадалъ въ величайшія противорѣчія, заставлявшія Наташу только покачивать головой, а рабочихъ посылать его къ чорту или обзывать пустой балалайкой. И дѣйствительно, болтливостью, безпощаднымъ враньемъ, якобы ради политики, и величайшимъ суетливымъ стремленіемъ къ разнымъ не нужнымъ подслуживаньямъ, особенно когда хотѣлъ что-нибудь слукавить, Михаилъ Петровичъ отличался въ самой высокой степени.

Страсть къ секретамъ и нашептываньямъ была у него превеликая и притомъ обыкновенно шла crescendo, по мѣрѣ количества проглоченныхъ стаканчиковъ. Въ такихъ случаяхъ вся фигура Михаила Петровича принимала какой-то таинственный видъ, лицо проникалось серьезной думой, и, избравъ, по его мнѣнію, удобную минуту съ глазу на глазъ, онъ обыкновенно начиналъ такъ:

— Я вотъ все собираюсь доложить вамъ, Николай Павловичъ...

И если только онъ замѣчалъ хотя бы малѣйшее желаніе

выслушать его докладъ, какъ тотчасъ же худая и морщинистая шея его вытягивалась, какъ у гусака, намѣревающагося сдѣлать нападеніе, лицо принимало выраженіе какой-то особенной проникновенности, и Михаилъ Петровичъ дѣловито убѣжденнымъ тономъ начиналъ передавать разныя сплетни и сочинять всякіе доносы.

Какъ ни ссорился я съ Михаиломъ Петровичемъ по этому поводу,—этотъ типичный обломокъ прежней барской дворни былъ неисправимъ. Наконецъ, меня осѣнило вдохновеніе. Однажды, только что выслушавъ отъ него какое-то почтительное донесеніе, я публично, при всѣхъ рабочихъ, изложилъ его сущность и затѣмъ обратился къ Михаилу Петровичу съ рѣчью слѣдующаго содержанія:

— Вотъ что, почтеннѣйшій нашъ Михаилъ Петровичъ, я вамъ посовѣтую-съ,—произнесъ я серьезно. — Чѣмъ вамъ такъ трудить себя наблюденіями за другими, разсказывайте намъ лучше каждый разъ про свои собственныя прегрѣшенія; ну, напримѣръ, сколько разъ въ день вы украдкой отъ Натальи Митревны стаканчиковъ пропустите?.. Не будетъ-ли это и вамъ пользительнѣе, да и намъ съ Натальей Митревной занятнѣе. Ну, а объ остальномъ ужъ, пожалуйста, не безпокойте себя понапрасну.

Эффектъ моей рѣчи вышелъ замѣчательный, и съ тѣхъ поръ за нимъ такъ и утвердился титулъ: «почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ», На помощь ко мнѣ, вдобавокъ, пришла вскорѣ также и сама мудрая Наталья Митревна, которая съ тѣхъ поръ зорко и настойчиво блюла, чтобы супругъ ея, по возможности, не путался въ чужія дѣла.

Какъ только, бывало, замѣтитъ она, что Михаилъ Петровичъ при моихъ посѣщеніяхъ скотнаго двора начинаетъ впадать въ краснорѣчіе и заводить рѣчь о томъ, что, конечно, Николай Павловичъ, все видятъ и понимаютъ; но, какъ примѣрно, очень благородный господинъ, то не желаютъ, къ примѣру, обратить вниманіе»... Такъ тотчасъ же Наташа и вставляетъ свое рѣшающее слово:

— А ты будетъ ужъ болтать-то зря; иди кормъ-то раздавать.

— Я вѣдь, Наташа,—только къ тому говорю,—пытается убѣдительнымъ тономъ объясниться Михаилъ Петровичъ,—что...

— Ну, и я тебѣ къ тому говорю, что иди!—продолжаетъ она своимъ пѣвучимъ и ровнымъ голосомъ, — мнѣ некогда ждать тебя: видишь, корова доиться безъ корму не даетъ.

И Михаилъ Петровичъ, усматривая полную безполезность протеста, спокойно отправляется къ исполненію прямыхъ своихъ обязанностей.

Къ чести его, надо сказать, что за скотиной онъ умѣлъ ходить хорошо и всегда содержалъ ее въ чистотѣ и добромъ здоровьи: онъ былъ всетаки человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ и потому жалѣлъ и скотовъ. Но за то постояннымъ пьянствомъ и легкомысліемъ выводилъ просто изъ терпѣнія. Сколько разъ я совершенно серьезно собирался разсчитать его; но, смотря на кучу дѣтей, на голую бѣдность и изумительное тщедушіе этихъ истощенныхъ людей, — я не могъ рѣшиться на эту крайнюю и, пожалуй, полезную мѣру.

— Поймите вы, Михаилъ Петровичъ,—говоришь, бывало, ему,—вѣдь только ради вашихъ дѣтей, да жены я держу васъ, а то давно бы вашего и духу не было здѣсь, потому вы всю ферму порочите на фабрикѣ своимъ пьянствомъ и сплетнями.

— Николай Павловичъ!—восклицалъ на это Михаилъ Петровичъ,—благодарю васъ! Наташа! Чувствуй это! И тонъ его рѣчи переходилъ въ вибрирующій: какъ бы сейчасъ готовы были хлынуть потоки слезъ изъ моргающихъ и сухихъ глазъ этого непризнаннаго трагика.

— Николай Павловичъ! Я вамъ это говорю и благодарю; но только за себя,—переходилъ онъ уже въ благородно негодующій тонъ и ударялъ при этомъ себя кулакомъ въ грудь.— Только единственно за себя! А жена сама обязана благодарить со своей стороны... Я за нее не могу. — И Михаилъ Петровичъ, съ видомъ нѣкоего героя благодарности, потрясалъ своей пѣтушьей головкой и уже величественно строго продолжалъ:

— Она сама здѣсь! Наталья, благодари!..

— Пойдемъ ужъ, путаникъ, пойдемъ скорѣй, ну тебя совсѣмъ—обрывала его своимъ пѣвучимъ голосомъ Наташа.— Будетъ надоѣдать-то!.. Ужъ извините батюшка, Николай Павловичъ, на нашей глупости,—кланялась она, и супруги удалялись.

Скоро, впрочемъ, мы на фермѣ свыклись съ слабостями Михаила Петровича. Ну, путаникъ и путаникъ,—что же съ этимъ подѣлаешь? Стало быть, характеръ такой; такой ужъ слабодушный,—прибавляли въ объясненіе его товарищи... Ничего не подѣлаешь...

И тѣмъ не менѣе въ этомъ тщедушномъ и истрепанномъ дворовой и фабричною жизнью суетливомъ и путанномъ человѣчкѣ свѣтилось вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно что-то, требовавшее съ нимъ примиренія, и притомъ вовсе не даромъ, не по чувству какого-либо великодушія; нѣтъ! во всей этой заморенной фигурѣ, а особенно въ его маленькихъ голубыхъ съ красными вѣками глазкахъ, часто дрожала какая-то удивительная, больная нѣжность... Всего болѣе она была замѣтна, когда онъ бывалъ среди своей семьи, а особенно, когда, бывало, онъ, слабенькій съ вѣчнымъ глухимъ кашлемъ, а часто даже и пьяненькій, таскалъ на рукахъ по скотному двору свою любимицу-дочку, Оничку, премилаго, пресерьезнаго лѣтъ пяти ребенка. Какъ любовно и нѣжно прижималъ тогда Михаилъ Петровичъ этого ребенка къ своей впалой груди, какъ ворковалъ онъ съ нимъ, и какъ серьезно и тихо прижималось къ старому и грѣшному отцу это дѣтски чистое личико.

Да! Въ глазахъ Михаила Петровича, вмѣстѣ съ голубиной нѣжностью, блестѣла и трепещущая за счастье этого ребенка любовь, и этотъ больной огонекъ всегда дрожалъ и тлѣлся въ глазахъ отца. Видно, чуяло его сердце, что фабрика не пощадитъ также и его дорогую Оничку, какъ не пощадила и его безсильную и помятую любовь.

Третій экземпляръ, Акимъ Ивановъ, былъ совершенною противоположностью Михаила Петровича. Низенькій, коренастый и чрезвычайно крѣпко сбитый и съ широкой костью, онъ вѣсилъ болѣе шести пудовъ. Втихомолку товарищи называли его свинчаткой; но въ глаза никогда. Тихій и скромный, даже до конфузливости, своимъ краснымъ лицомъ и крѣпкой фигурой онъ дѣйствительно напоминалъ нѣсколько свинчатку.

Въ дружбу онъ ни съ кѣмъ не вступалъ, пустыхъ разговоровъ терпѣть не могъ, водки въ ротъ не бралъ, табаку тоже и берегъ деньгу.

Все свое свободное время онъ обыкновенно посвящалъ на чтеніе духовныхъ книгъ, но въ церковь не ходилъ.

Его уголъ въ избѣ отличался благообразіемъ: онъ весь былъ заклеенъ разными благочестивыми картинками; его двухспальная постель бросалась въ глаза по своей чистотѣ и убранству; но за то эта же постель служила единственнымъ предметомъ соблазна для всей компаніи. Дѣло въ томъ, что Акимъ Ивановъ, имѣвшій уже за 50 лѣтъ, былъ вдовъ, и хотя въ деревнѣ у него и былъ хозяинъ—сынъ, но почему-то отецъ не желалъ жить съ нимъ, а мотался на сторонѣ и сожительствовалъ съ горбатымъ уродцемъ, очень тихой бабой, отъ которой и имѣлъ уже ребенка. Всѣ они жили вмѣстѣ на фермѣ, жили скромно и молчаливо, словно сознавали передъ всѣми свой грѣхъ.

Напрасно строгій блюститель цѣлости семьи, Михаилъ Петровичъ, проходился иногда при публикѣ на счетъ сундука Акима, въ родѣ того, что: „копи, молъ, копи, Акимъ Иванычъ, на дѣтей малыхъ припасай“,—никто никогда не слыхалъ въ этихъ случаяхъ ни слова возраженія ни отъ Акима, ни отъ его сожительницы. Молча поднимались они обыкновенно тогда съ мѣста и уходили. И какъ иронически ни подмигивалъ имъ въ слѣдъ Михаилъ Петровичъ, попыхивая изъ коротенькой своей трубки и презрительно сплевывая на сторону, охотниковъ поддержать его обыкновенно не находилось.

Разъ какъ-то Акимъ попросилъ у меня дозволить ему въ сараѣ отгородить уголокъ подъ лѣтнее свое помѣщеніе; при этомъ онъ конфузливо и потупясь въ землю буркнулъ: „подальше отъ народа да отъ смѣха...

Нечего и говорить, что работникъ Акимъ было настоящій: ловкій, сильный, притомъ самый честный и добросовѣстный.

Во все время онъ не допустилъ себя ни до одного даже пустого замѣчанія, да какъ-то и не ловко было-бы обратиться съ нимъ къ такому серьезному человѣку.

Общимъ любимцемъ всѣхъ, однако, безпорно былъ Иванъ Васильевъ, добродушнѣйшій, нѣсколько глуховатый человѣкъ, чисто-великорусскаго типа, русый, немного съ лысинкой, голубоглазый, съ доброй, именно съ доброй и мягкой

бородой,— кроткій и ласковый, какъ голубь. Принять его упросилъ меня опять-таки Шипуновъ.

— Возьмите старика (ему уже было подъ 60), вытащите изъ бѣды: вѣдь семья съ голоду помираетъ, въ деревнѣ домишко завалился, а на фабрикѣ собака Гиршфельдъ съ поденщины прогналъ; съ квартиры гонитъ... Спасите человѣка! прямо вамъ скажу, одно слово—душа! Работникъ безмолвный; хоть веревки вей изъ него.

Послушался я, и дѣйствительно Шипуновъ лишняго ничего не прибавилъ. Такого безропотнаго и добродушнаго исполнителя я еще не встрѣчалъ.

Понадобится, бывало, чтобы какая-нибудь полоса была допахана непремѣнно сегодня, только скажешь: ну, братъ, Иванъ Васильичъ, ужъ закончи—потрудись,—какъ онъ сейчасъ же самымъ душевнымъ тономъ отвѣтитъ: „слушаю, батюшка! будь надеженъ!“ И хоть до полуночи, а ужъ сдѣлаетъ свое дѣло, сдѣлаетъ скромно, не охнувши, безъ малѣйшей тѣни неудовольствія, не смотря на свои 60 лѣтъ.

Личной иниціативы, по простотѣ своей, онъ никуда не вносилъ, какъ будто былъ весь пропитанъ убѣжденіемъ, что указывать—дѣло другихъ, а его только ломить, да исполнять. Всѣ его любили, всѣ обращались съ нимъ задушевно, весело и съ уваженіемъ и къ его годамъ, и къ его свѣтлому, неизмѣнному добродушію.

У Ивана Васильевича была жена, высокая, съ корявымъ, изрытымъ оспою лицомъ, старуха, тоже немного приглуховатая и не то, что съ придурью, а, какъ говорится, съ простотою.

Звали ее Авдотья большая, потому что у нихъ была еще дочь—Авдотья малая, или, попросту, Дуняшка. Эта дѣвка была такая же некрасивая, какъ мать, такая же простоватая и тугая на̀ ухо. Иногда она прислуживала у насъ въ домѣ за горничную и весьма любопытно протестовала противъ меня, если я производилъ какой либо безпорядокъ, напримѣръ: сорилъ пепломъ отъ папиросъ или кидалъ на полъ окурки.

— Долго-ли я буду подметать-то тутъ за тобой?—выговаривала она мнѣ сердито.—Что жъ ты думаешь, у меня только и дѣла, что за тобой со щеткой стоять?

И когда всѣ встрѣчали ея поученія смѣхомъ, она строго добавляла:

— Да право! чай, надоѣстъ ходить-то за тобой. Вотъ брошу и убирай тогда самъ какъ знаешь, а я на огородъ на поденщину уйду.

— А я не велю брать тебя туда,—дразнилъ я ее.

— А я и спрашиваться не стану,—возражала она.—Меня Василій Ефимычъ возьметъ!

Въ праздникъ Иванъ Васильевъ, по примѣру прочихъ, разрѣшалъ себѣ пропустить малую толику и впадалъ въ еще большее благодушіе. Всѣхъ ребятъ онъ тогда ласкалъ, гладилъ по головѣ и называлъ голубеночками; затѣмъ отправлялся въ конюшню, выводилъ свою пару лошадей къ водопою и послѣ того, снявъ недоуздки, великодушно отпускалъ ихъ на волю.

— Иванъ Васильевъ! зачѣмъ лошадей-то пустилъ?—кричатъ ему товарищи, впередъ, впрочемъ, зная, что будетъ дальше.

— Зачѣмъ?.. А затѣмъ, —говоритъ онъ убѣдительнымъ тономъ, что нынче Иванъ Васильевичъ гуляетъ,—пусть же и онѣ, мои миленькія—погуляютъ. Пусть порадуются... и онъ съ благодушнѣйшей улыбкой взиралъ, какъ сытые кони, поставивъ трубами хвосты и вскидывая задомъ, радостно скакали по полю.

— Ну, смотри,—смѣются товарищи,—смотри, старый! ловить не будемъ...

— И не позволю, не позволю,—отвѣчаетъ тѣмъ же тономъ старикъ,—потому, хозяинъ веселъ,—пусть и лошадки повеселятся... Сами придутъ, какъ наиграются... сами...

Рѣдко, именно когда старина уже переложитъ сильно, бывали съ нимъ и довольно странные казусы. Въ такихъ случаяхъ, вдругъ ни съ того ни съ сего начиналъ онъ ревновать свою глухую старуху къ какому-нибудь молодому рабочему. При этомъ онъ обзывалъ ее самыми неподходящими къ ея возрасту словами и, при всеобщемъ покатываніи отъ смѣха и подзадориваніи всей публики, вдругъ лѣзъ учить свою старуху, такъ что та принуждена была тщательно скрываться въ такихъ случаяхъ большею частью къ намъ въ кухню. Иванъ Васильевъ производилъ вездѣ обыскъ до

тѣхъ поръ, пока отъ излишняго утомленія не прикурнетъ гдѣ-нибудь и заснетъ мертвымъ сномъ.

— А мой-то! — повѣствовала кумушкамъ въ такихъ случаяхъ съ нѣкоторою гордостью и какъ бы съ удивленіемъ большая Авдотья.—Съ пьяну-то, да съ глуху-то одурѣ-ѣ-лъ совсѣмъ! Дра-а-ться вѣдь полѣзъ, милыя мои... Вишь, зачѣмъ съ парнями говорю... Вѣдь что выдумалъ?! Пр-а-а-во слово! Грѣхи да и только!.. Теперь, пока не проспится и показываться боюсь: убьетъ совсѣмъ!—говорила она искусственно удрученнымъ тономъ.

Что дѣлать! Эти маленькія бури вносили въ старую, уже застоявшуюся жизнь какъ бы нѣкоторую долю горячей и безпокойной молодости, будили, можетъ быть, какія-нибудь воспоминанія изъ давнихъ дней, съ тѣмъ, чтобы завтра еще добродушнѣе, безропотнѣе и тѣснѣе рука объ руку другъ съ другомъ дотянуть свой недолгій уже рабочій день до близкаго заката...

Былъ у насъ еще Пронька, ловкій, остроумный и бойкій мужикъ, лѣтъ 30-ти. Весельчакъ, балагуръ и сказочникъ былъ онъ замѣчательный; но не любилъ, когда его задѣвали и зубастъ былъ, какъ щука.

Былъ и постоянный объектъ нападеній Проньки—отставной гренадеръ Павелъ, ядовито прозванный Пронькой, не смотря на военное званіе, „соплякомъ“.

Собственно къ этому недостойному для доблестнаго воина названію имѣлись нѣкоторыя основанія. Хотя Павелъ и въ гренадерахъ служилъ, и ростъ имѣлъ видный, но былъ слабосиленъ и не ловокъ; а главное—любилъ полѣниваться на работѣ, отлынивалъ отъ тяжелой; вообще, что называется, былъ съ хитрецой и всегда, что потяжелѣ, наровилъ свалить на другого. Признавай онъ свои слабости открыто, можетъ быть, многое бы и спускалось ему; но то-то и бѣда, что онъ былъ всегда себѣ на умѣ, а къ тому же еще и скупъ,—словомъ, совсѣмъ не товарищъ, и даже выпить всегда норовилъ въ одиночку, что бы какъ-нибудь невзначай его стаканчикъ не остался за товарищемъ. За всѣ эти качества кредитомъ онъ не пользовался. Въ обычное время—Павелъ умѣлъ политично отвертываться и помалкивать,—но въ дни веселья впадалъ въ неосторожность и всегда начиналъ ба-

хвалиться и хвастать: то своимъ чиномъ, то силою,—словомъ, чортъ знаетъ чѣмъ. Вотъ въ такія-то минуты и подстерегалъ его Пронька.

Онъ ужъ всегда умѣлъ такъ раззадорить гренадера, что тотъ при своемъ мелочномъ характерѣ лѣзъ на ссору, задѣвая при этомъ всю компанію. Тогда дѣло кончалось быстро: тотчасъ же соплякъ получалъ отъ ловкаго Проньки нѣсколько здоровенныхъ оплеухъ и, сбитый, при общемъ хохотѣ, съ позиціи, ударялся въ другую крайность и начиналъ горько плакать и распускать сопли, что именно и послужило поводомъ къ его позорному прозвищу. Слыша въ праздничный вечеръ жалостный вой гренадера, я впередъ уже зналъ, въ чемъ дѣло.

— Что за шумъ былъ у васъ вчера? — спросишь огородника,—Павла что-ли обидѣли?

— Такъ точно,—отвѣчаетъ тотъ спокойно.—Плюхи четыре здоровыхъ влетѣло ему отъ Проньки... Ловокъ собака!..

— И какъ тебѣ не стыдно, Прокофій, — скажешь ему, — каждый разъ ты затѣваешь драку съ гренадеромъ.

— Никакъ не возможно!—убѣдительно говорятъ вмѣстѣ съ Пронькой всѣ рабочіе:—больно ужъ задоренъ, Николай Павловичъ, больно ужъ бахвалится гренадеръ... Самъ такъ и лѣзетъ на драку: его никто не задѣваетъ... По неволѣ плюхи проситъ.

Такимъ образомъ, плюхи получалъ гренадеръ послѣ каждой выпивки самымъ аккуратнымъ образомъ, и повидимому, Пронька считалъ своимъ священнымъ долгомъ и даже нѣкоторой привилегіей отпускать ихъ гренадеру въ возмѣщеніе всѣхъ его хитростей. Замѣчательно, что самъ потерпѣвшій на утро никогда не претендовалъ на эти возмездія.

— Что это,— спросишь у него, — какъ будто у тебя, Павелъ, щека припухла... Должно быть вчера получилъ малую толику?

— Влетѣло таки отъ подлеца Проньки маленько-съ,—скороговоркой и конфузливо отвѣтитъ гренадеръ. — Простите ужъ, пожалуйста.

Однимъ изъ раннихъ, но не долговѣчныхъ нашихъ столповъ былъ дядя Николай и жена его тетка Арина. Занесло дядю Николая какимъ-то вѣтромъ на фабрику откуда-то издалека.

Исторію своихъ переходовъ и заключеній ни онъ, ни тетка Арина разсказывать почему-то не любили, изрѣдка только, при случаѣ. Николай бросалъ обрывистыя фразы о какомъ-то прежнемъ своемъ величіи, о злой судьбѣ и черной людской зависти; но все это было столь непонятно и кратко, что совершенно не годилось ни для какихъ прочныхъ умозаключеній.

— Ты на землѣ работалъ-ли когда нибудь прежде?—спрашивалъ я его, когда онъ прибрелъ съ фабрики проситься на ферму.

— Я-то?—спросилъ онъ медленно и мрачно, пошевеливъ беззвучно губами, словно держа про себя рѣчь.— Я всякое дѣло работалъ... Много было ихъ... Не одна земля... Ну, да сами увидите,—махнулъ онъ рукой, говорить нечего...

Человѣкъ дядя Николай былъ рослый и, должно быть, очень сильный. Видъ имѣлъ всегда угрюмый, съ такимъ выраженіемъ, что, дескать, насъ не удивишь ничѣмъ, все понимаемъ.

Работалъ ровно, безъ лукавства и большею частью былъ молчаливъ. Иногда, впрочемъ, это молчаніе разрѣшалось весьма странно. Ведя, напримѣръ, глубокую борозду своимъ плугомъ, онъ вдругъ съ какимъ-то мрачнымъ презрѣніемъ выбрасывалъ его на конецъ полосы, и у него вырывался глубокій вздохъ съ прибавкой самаго крѣпкаго россійскаго перца, но съ такимъ отзвукомъ, точно тамъ были всѣ потерянныя надежды и стремленія.

— Что, дядя Николай?—окликнетъ его кто-нибудь съ сосѣдняго загона.

— Такъ, ничего,—буркнетъ онъ.—Ну ты, дьяволъ, поворачивайся,—крикнетъ онъ остервенѣло на лошадь и, какъ перышко какое, перебросить плугъ. Это былъ недобрый признакъ, ибо лицо его дѣлалось тогда еще сосредоточеннѣе; по немъ начинали бѣгать мрачныя, мертвыя тѣни, а губы что-то беззвучно шептали. Все это настроеніе разрѣшалось тѣмъ, что дядя Николай такъ же мрачно и съ какимъ-то остервенѣніемъ мертвецки напивался.

Супруга его, тетка Арина, высокая и худая, какъ щепа, съ длиннымъ носомъ и острымъ подбородкомъ, въ сущности была преядовитая баба, своимъ поганымъ языкомъ перемывавшая всѣмъ косточки и вмѣстѣ съ тѣмъ неимовѣрная пья-

ница. Словомъ, и супругъ, и супруга тащили въ кабакъ изъ своихъ заработковъ все, что можно, и ходили всегда въ отрепьяхъ. Разница въ ихъ омраченіи состояла лишь въ томъ, что дядя Николай въ такихъ случаяхъ впадалъ въ еще большую угрюмость, а тетка Арина неистово веселилась.

Тщетно пытались обуздать ее и трезвый Акимъ отъ писанія, и Михаилъ Петровичъ съ точки зрѣнія приличія и благовоспитанности, поставляя для наглядности въ примѣръ свою собственную особу,—ничто не помогало. Арина, вся блѣдная, какъ мертвецъ, дико взвизгивала какія-то неистовыя пѣсни, приплясывала, прихлопывала въ ладоши и крутилась и колобродила до невозможности.

Въ такія-то минуты вдругъ откуда-нибудь изъ угла поднималась мрачная фигура пьянаго дяди Николая. Молча онъ ухватывалъ подругу своей жизни за косу и мгновенно повергалъ на полъ.

Это начиналось ученье!

Никто тогда не смѣлъ противодѣйствовать дядѣ Николаю, ибо силищи онъ былъ неимовѣрной и однажды, при попыткѣ отвлечь его отъ поученія такъ крикнулъ: «не мѣшайся, убью!»—что вся публика постаралась тотчасъ же убраться изъ избы. А дядя Николай все также молча связывалъ свою бабу, медленно бралъ возжи и начиналъ жестоко, съ какимъ-то хладнокровіемъ тупой страсти, беззвучно передвигая своими посинѣлыми губами, учить ее.

Дикіе крики неслись тогда изъ избы: «ой, убилъ, ой, смерть моя!..“, а рабочіе и ребятишки серьезно и молчаливо прислушивались со двора къ этому вою и свисту возжей, и на вопросъ, въ чемъ дѣло, серьезно и тихо говорили: „дядя Николай тетку Арину учитъ!» Даже мой авторитетъ ничего не могъ сдѣлать въ такихъ случаяхъ: столь же неуклонно всегда неистовствовала и плескала руками тетка Арина и столь же методически совершалъ мрачный Николай свое ученье.

Я, наконецъ, ясно увидѣлъ, что намъ надо разстаться и что дядя Николай когда-нибудь ужъ прикончитъ свою подругу жизни.

Когда я объявилъ ему эту вѣсть, онъ съ тѣмъ же неизмѣнно угрюмымъ видомъ ничему не удивляющагося человѣка только и вымолвилъ:

— Какъ угодно! — а затѣмъ повернулся и пошелъ въ избу, но уже отъ дверей вновь возвратился и, перебирая своими губами, наконецъ, вымолвилъ глухо:

— Только ужъ хоть въ сторожа на огородъ поставьте, а то вѣдь съ голоду подохнемъ.

Я исполнилъ его просьбу и помѣстилъ до осени въ сторожа; тамъ, по крайней мѣрѣ, никто уже не слыхалъ его ученья, да и не было повода теткѣ Аринѣ приходить въ неистовое возбужденіе за отсутствіемъ публики, на ферму же въ праздники входъ ей былъ возбраненъ строго на строго.

Былъ, наконецъ, еще и красавецъ Трифонъ съ женой своей Матреной, которая, напротивъ, была очень неказиста.

Отличный и трезвый работникъ, съ южнымъ типомъ лица, съ черными кудрями, Трифонъ былъ красою фермы, но съ женою жилъ не ладно, постоянно преслѣдовалъ ее и частенько въ тихомолку по ночамъ даже билъ. Сначала всѣ объясняли себѣ это тѣмъ, что Матрена была ужъ больно не пара ему по красотѣ; однако вышло совсѣмъ другое. Оказалось, что некрасивая Матрена не любила и избѣгала красавца Трифона, а онъ, скрежеща отъ ревности своими бѣлыми зубами, пылалъ къ ней самой искренней и горячей страстью. Потомъ, вдругъ что-то въ ихъ отношеніяхъ измѣнилось, и молодые люди зажили душа въ душу. Трогательно и даже какъ-то странно среди всей нашей фабричной обстановки было видѣть, какъ молодой красавецъ Трифонъ любовно и нѣжно смотрѣлъ на свою некрасивую избранницу, какъ онъ баловалъ ее лакомствами и подарками, ровно безъ памяти влюбленный парень...

Молодая пара пользовалась общимъ вниманіемъ; ее встрѣчали и провожали ласковыми и добрыми шутками, ею гордились, точно эта супружеская любовь служила выкупомъ за всѣ фабричные грѣхи и тьму кромѣшной фабричной жизни.

— Просто на удивленіе, что сдѣлалось съ малымъ,—говорили они,—не наглядится вѣдь на свою Матрену. Да какой тихій и ласковый то съ ней. Вотъ ровно голуби! Просто удивленіе одно...

— Ну, чего удивленье,—оговаривали бабы. — Извѣстно, молодуха понесла уже, ну и жалѣетъ...

И вдругъ вся эта нѣжная и прекрасная идиллія разруши-

лась подъ страшнымъ неожиданнымъ ударомъ. Въ воскресенье утромъ Трифонъ, по обыкновенію, отправился съ однимъ изъ рабочихъ купать лошадей въ омуткѣ. И лишь только въѣхалъ въ глубокое мѣсто, какъ сорвался съ лошади, ухватился было за недоуздокъ, да тотъ оборвался, затѣмъ раза два крикнулъ и былъ таковъ... А и вся рѣчка то была не шире трехъ саженъ...

Пока-то товарищъ его ахалъ, пока добѣжалъ на фабрику за народомъ, прошло съ полъ часа времени. Фабричные вытащили бѣднягу изъ воды; пришелъ фабричный докторъ съ фельдшеромъ и начали дѣлать искусственное дыханіе; но въ толпѣ пробѣжалъ ропотъ...

— Качать, качать надо,—заявлялось громко и настойчиво...

— Бери, ребята, а то пропадетъ человѣкъ!

И черезъ минуту народъ ужъ отпихнулъ врача и выхватилъ у фельдшера утопленика.

Явилось полотно, и вотъ тѣло стало подбрасываться на этомъ полотнѣ безустанно, то вправо, то влѣво. По крайней мѣрѣ, два часа продолжалось это раскачиванье; уставали одни, тотчасъ же за полотно хватались другіе; а въ толпѣ только кричали: „не переставай, не останавливайся!“—и опять въ глухомъ молчаніи тяжелаго ожиданія взлетало это тѣло, холодное и безжизненное, а тутъ же на берегу билась беременная Матрена, уткнувшись лицомъ въ песокъ, и то глухо стонала, то совсѣмъ замирала...

Черезъ полторы сутки отецъ Афанасій хоронилъ нашего красавца—Трифона, и всѣ провожали его въ послѣдній путь добрымъ словомъ и крестнымъ знаменіемъ.

Работали на фермѣ также временно молодые и настоящіе деревенскіе парни, но это былъ народъ не надежный и не постоянный. Неопытная и неискушенная еще, непосредственная деревня, въ ихъ лицѣ, все оглядывалась въ сторону дымныхъ корпусовъ, откуда бѣжали другіе. Ихъ манила къ себѣ „цивилизація“, въ видѣ нашей фабрики, съ ея мнимо высокимъ заработкомъ, съ ея шумомъ, чадомъ и весельемъ: съ ухарскими гармониками, разбитными дѣвками и проч. и проч...

— Что тутъ за жизнь, что за работа?—говорили они съ презрѣніемъ, выкидывая плугъ изъ борозды.—Нѣшто тутъ

деньгу зашибешь, или научишься чему путному съ этими ковырялками? Вотъ, кабы въ ткачи, на фабрику?.. Ужъ непремѣнно добьемся; учиться поступимъ, платить будемъ, а добьемся,—горячились они; и никакіе мои уговоры и резоны самые наглядные не дѣйствовали: они бросали ферму и уходили.

Большинство бѣдствовало, нѣкоторые дѣлались ткачами съ заработкомъ отъ 15 до 18 рублей въ мѣсяцъ, но много, много черезъ годъ или полтора тѣ же парни, прежде добрые и цвѣтущіе, а теперь желтые, истомленные и съ подозрительнымъ кашлемъ или хрипомъ въ горлѣ, приходили ко мнѣ, кланялись, точно кающіеся грѣшники, и робко просили опять принять ихъ „для поправки“ на ферму.

— Будь она проклята, эта фабрика: тамъ отъ одной пыли бумажной, да отъ духоты чахотку получишь,—говорили они.

— А денегъ-то, такъ ни копѣе-е-чки нѣтъ, развѣ вотъ что одежонка; не знаемъ теперь, что и домой отписать; придется, видно, одёжу заложить...

Такъ складывалось на задворкахъ у фабрики наше маленькое земледѣльческое общество; случайные элементы отпадали, составъ опредѣлился и окрѣпъ, и мы все болѣе сживались. Съ теченіемъ времени у насъ даже и поденные подобрались уже постоянные, такъ сказать, по душѣ и тоже пускали живые корни...

Вѣдь не все же на фермѣ работали, не все же и гуляли по праздникамъ: бывали и душевные разговоры, требовались нерѣдко и обоюдное участіе, и теплый совѣтъ, интересовались, наконецъ, и всякими общественными дѣлами, слухи о которыхъ долетали до нашихъ палестинъ. А ходило этихъ слуховъ тогда не мало: то вдругъ заговорятъ, что будто всѣхъ крестьянъ хотятъ опять въ крѣпостныхъ повернуть, то, что велѣно усилить всякія строгости и наказанія... Особенно волновалъ тогда своей общераспространенностью слухъ о какихъ-то машинкахъ, предназначаемыхъ для экзекуцій и якобы уже разсылаемыхъ по всѣмъ городамъ.—Положатъ тебя подъ нее, всыплетъ она тамъ, что слѣдуетъ по правиламъ, объясняли разсказчики, да еще гривениковъ стребуютъ за работу и ступай съ Богомъ.

Вообще при каждой моей поѣздкѣ въ городъ отъ меня требовали свѣдѣній на счетъ новостей и провѣрки слуховъ.

V.

Собственный кругъ моихъ знакомыхъ за все время былъ самый незначительный и состоялъ всего изъ 2-хъ учительницъ и отца Афанасія, священника сосѣдняго прихода.

Но за то съ этими людьми чувствовалось тепло и хорошо.

Не часто, но, слава Богу, и не такъ ужъ рѣдко у насъ на Руси встрѣчаются женщины, умѣющія глубоко отдавать живому дѣлу всѣ свои думы, всѣ привязанности своего честнаго женскаго сердца.

Къ такимъ именно типамъ, думается мнѣ, принадлежали эти мои знакомки-учительницы: Анна Дмитріевна Дубова и Глафира Петровна Скороходова. Первая учительствовала въ фабричной школѣ, а Скороходова по сосѣдству въ селѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ фабрики.

Съ 9 часовъ утра и до 3 дня шли ихъ классныя занятія съ ребятами, число которыхъ доходило въ классѣ иногда до 60 человѣкъ. Съ 4 до 5 часовъ онѣ уже опять были за работой; съ 6 часовъ набирались къ нимъ по доброй волѣ нѣкоторые изъ болѣе любознательныхъ учениковъ и ученицъ, съ которыми эти неугомонныя труженицы читали или расширяли курсъ. Только съ 10—11 часовъ вечера имъ оставалось время на книжку и для себя, а на завтра начинался точно такой же день. Приходилъ праздникъ, и тогда дѣтей набиралось еще больше, устраивались чтенія, прогулки, придумывались къ святкамъ живыя картины, шли оживленныя, интересныя бесѣды.

И сколько вниманія, сколько любви было въ ихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ!

Это были не только учительницы, не только люди долга—это были глубоко любящія матери, которыя, отказавшись отъ собственной семьи, отдавали свою душу десяткамъ и сотнямъ чужихъ дѣтей.

Дубова нѣсколько завидовала своей пріятельницѣ въ томъ, что Скороходова была учительницей деревенской, а не фабричной школы.

Тамъ и дѣти здоровѣе,—не расшатаны фабрикой, а главное тамъ Скороходова ухитрилась устроить нѣчто въ родѣ

общежитія въ своей квартиркѣ. Тѣ изъ ребятъ, кто жилъ подальше, приходили каждый съ своимъ харчемъ и оставались по нѣскольку дней въ школѣ. Какая радость свѣтилась въ глазахъ и на лицѣ Глафиры Петровны, когда ей удалось постепенно пріучить своихъ питомцевъ отдавать свой харчъ безъ разбора въ общую артель, съ какой любовью проводила она съ ними всѣ свои длинные зимніе вечера, когда гудѣла мятель и наметала кругомъ глубокіе сугробы, а въ теплой комнатѣ шли длинныя бесѣды, разрѣшались разные вопросы и недоразумѣнія; съ какой заботливостью затѣмъ она укладывала своихъ ребятъ, кого на лавку, кого на полъ, слѣдила за ихъ сномъ, за ихъ здоровьемъ...

Какъ радостно рвались, наконецъ, къ ней всѣ ребята, и какимъ свѣтлымъ лучомъ впослѣдствіи на всю жизнь, въ мирномъ кружкѣ уже не ребятъ, а работниковъ нашихъ родныхъ полей, будутъ храниться воспоминанія объ этихъ чудныхъ дняхъ и вечерахъ, объ этомъ образѣ ихъ учительницы-матери.

— Счастливая, счастливая!—говорила, бывало. Дубова,—а мнѣ вотъ на фабрикѣ и думать объ этомъ нельзя: на меня и за то уже недовольны, что дѣти послѣ обѣда ходятъ и безпокоятъ другихъ жилицъ... грозятъ даже жалобами. У насъ здѣсь каждый шагъ на виду, на счету, и никакихъ нововведеній не допускается.

Ребята превосходно выдерживали экзамены, и казенное начальство крѣпко благодарило всегда учительницъ за успѣхи; но тѣмъ не менѣе эти двѣ дѣвушки, два неразрывные друга,—возбуждали недоброжелательные толки среди интеллигентной фабричной публики: изумлялись ихъ замкнутому образу жизни, обвиняли ихъ въ высокомѣріи и гордости и съ недовѣріемъ посматривали на нихъ свысока, не допуская и мысли, чтобы ихъ столь избранный, просвѣщенный кругъ могъ быть предпочтенъ чему-нибудь другому...

Крѣпко помнилъ свое призваніе также и отецъ Афанасій, священникъ сосѣдняго съ фабрикой села. Хотя фабрика принадлежала къ другому приходу, но тѣмъ не менѣе отецъ Афанасій игралъ на ней большую роль.

Уже вскорѣ послѣ своего пріѣзда на ферму я слышалъ отъ рабочихъ такія рѣчи:

— Здѣсь фабричный-то батюшка отецъ Іосифъ; ну а да-

леко ему до отца Афанасія. Вотъ это ужъ батька! этакій-то кроткій, этакій-то привѣтливый, да душевный, просто и сказать нельзя! Ему все равно: приди баринъ, приди простой мужикъ — всѣхъ-то онъ привѣтитъ, угоститъ... Душа человѣкъ! А ужъ выдержный: не то что водки тамъ—чаю его не упросишь выпить... рѣдкій попъ, говорить нечего, — говорили рабочіе—Потому-то все простой народъ съ фабрики къ нему больше въ Капылово и валитъ, — значитъ, за простоту-то его; ну, а отецъ Іосифъ гнѣвается за то, что доходъ отбиваетъ. А какой тамъ доходъ! сами увидите, скудость одна!

— Одно время,—таинственно прибавляли они, — какъ бы въ умѣ что-то мѣшаться даже сталъ — отъ книгъ: читалъ, читалъ, да и сталъ зачитываться писаніемъ-то; ну, слухъ такой ходилъ, что и семью хотѣлъ бросить совсѣмъ... архіерей, что-ли, запретилъ, — только опять по прежнему сталъ.

При первой же поѣздкѣ въ церковь состоялось и мое знакомство съ отцомъ Афанасіемъ. Приходъ его былъ очень маленькій, изъ бѣдныхъ; но бѣлая, съ зеленой крышей, церковь такъ свѣтло и кротко ютилась на зеленомъ пригоркѣ, окруженная съ боковъ группами кладбищенскихъ ивъ; сама деревенька такъ мирно расползлась вдоль и поперекъ по оврагу и небольшой рѣченкѣ, что отъ всей картины такъ и вѣяло тѣмъ миромъ и тишиной, которыми нерѣдко отличаются наши убогія деревенскія сельбища, окруженныя зелеными лѣсами, въ перемежку съ трудовыми крестьянскими нивами. Внутри храма все было скромно, но замѣчательно чисто, свѣтло и весело. Иконы не блистали окладами, но живопись была подновлена, стѣны были росписаны сюжетами изъ библейской исторіи въ свѣтлыхъ тонахъ и содержаніи. Сама живопись нигдѣ не рѣзала глазъ,—словомъ, въ цѣломъ церковка производила то свѣтлое и спокойно-кроткое настроеніе, которое такъ хорошо располагаетъ къ молитвѣ.

Самъ отецъ Афанасій былъ лѣтъ 45-ти и удивительно гармонировалъ со своимъ храмомъ. Чувствовалось что-то глубоко близкое и родственное между этой свѣтлой, чистенькой и скромной церковью и не менѣе скромной и кроткой физіономіей и всей фигурой священника. Духъ храма точно

отражался въ чертахъ лица и во всемъ складѣ отца Аѳанасія, и въ свою очередь его собственный духъ видимо обиталъ въ этой церкви и придавалъ ей своеобразный видъ.

Лицо у отца Аѳанасія было самое простое, что называется, деревенское, окаймленое широкой мужицкой, темнорусой бородой и такими же усами, прикрывавшими полныя и добродушныя губы; глаза свѣтло-сѣрые, добрые и ласковые, но по временамъ въ этихъ глазахъ мелькала какая-то страдальческая тревога. Я замѣчалъ ее нерѣдко у людей очень сострадательныхъ и деликатныхъ при сношеніяхъ съ другими, точно это была тревога за невозможность открыть — не мысли, а всю свою душу, за сознаніе, что нѣтъ тутъ мѣста ни интимности, ни самому живому человѣку. Эта робкая и грустная тревога говорила также о постоянной духовной жизни человѣка и о сознаніи недостаточности своихъ личныхъ силъ, о недовѣріи къ нимъ...

Служилъ отецъ Аѳанасій безъ всякой претензіи на эффекты, чрезвычайно просто; но за то не разъ случалось мнѣ слышать въ его голосѣ за службой такія ноты глубокой, сердечной вѣры, видѣть такія слезы на его глазахъ, что всѣ его прихожане съ глубокими вздохами преклоняли колѣни и у многихъ на глазахъ тоже дрожали молитвенныя и порой покаянныя слезы.

Этой гармоніи не въ состояніи было нарушить даже дикое, почти невыносимое для уха, пѣніе Кузьмы Григорьевича — стараго причетника-дьячка Капыловской церкви. Изъ пораженнаго давнимъ катарромъ горла его вырывались ужаснѣйшія ноты, но и они какъ-то исчезали, сливались и преображались въ слова живой молитвы.

Послѣ службы отецъ Аѳанасій подошелъ ко мнѣ какъ-то торопливо и конфузливо и скороговоркой проговорилъ: «прошу, пожалуйста, ко мнѣ чайку попить. Пожалуйста...» и кланялся такъ низко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ смиренно, что мнѣ сдѣлалось неловко.

Домикъ отца Аѳанасія былъ старенькій и тѣсный. Засаленныя обои по стѣнамъ, прорванный диванъ, два, три стула и лавки вдоль оконъ—вотъ и все убранство; въ углу, впрочемъ, торчала и еле держалась какая-то хилая этажерка съ духовными книгами, а около окна—некрашенный старый по-

ставецъ со стеклами и ситцевой занавѣской. Видно было, что въ квартирѣ и сыро, и холодно, изъ каждаго угла ея выглядывала нужда. Семья у батюшки была большая: пятеро дѣтей разнаго возраста и, наконецъ, сама матушка, старообразная и некрасивая.

А между тѣмъ, не смотря на всю эту не прикрытую бѣдность, гостепріимство отца Афанасія было самое изумительное. Вытаскивалась и какая-то невозможная бутылка съ виномъ, и коробочка съ засохшимъ отъ времени мармеладомъ, и сухія, какъ камень, баранки—и все это предлагалось вмѣстѣ съ чаемъ съ такимъ неизмѣннымъ радушіемъ, что и нехотя, бывало, возьмешь.

И непремѣнно уже въ каждый праздникъ, послѣ обѣдни, у отца Афанасія набирается всякій народъ: и фабричный въ пиджакѣ и вышитой русской рубашкѣ, и сѣрячекъ крестьянинъ, а хозяинъ только кланяется, да угощаетъ.

— Что же вы все угощаете, отецъ Афанасій,—говорятъ ему,—а сами-то даже и чайку не выпьете?..

— Да знаете,—заговоритъ, улыбаясь, отецъ,—какъ-то послѣ царскаго-то обѣда не хочется и приниматься за эту траву,—право слово, не хочется...

Это значило, что онъ служилъ обѣдню и причащался. Безкорыстіе и доброта его были истинно христіанскія. За всѣ требы онъ бралъ молча только то, что давали.

— А ужъ ты, батюшка,—говорилъ какой-нибудь крестьянинъ,—съ меня за свадьбу-то подожди до времени; вотъ тебѣ пока 50 коп. или рублевка: израсходовался совсѣмъ я!

— Ну, ладно, ладно,—отвѣчалъ обыкновенно скороговоркой батюшка...—Справляйся...

При обходѣ въ положенные праздники по приходу съ крестомъ, отецъ Афанасій всегда возбуждалъ затаенное негодованіе со стороны матушки и дьячка Кузьмы Григорьевича, ибо давали ему 5 копѣекъ, онъ молча клалъ ихъ въ карманъ, давали копѣйку—принималъ тоже, безъ малѣйшаго слѣда неудовольствія; наконецъ, не давали ему вовсе ничего—результатъ былъ всегда одинъ и тотъ-же; а какой-нибудь бобылкѣ, гляди, и самъ еще сунетъ...

Матушка сильно пилила его за эти поступки. Какъ-то разъ мы разговорились съ ней о хозяйствѣ и, между про-

чимъ, о томъ, что пока въ домѣ малыши, то на одёжу тратиться на нихъ нечего.

— Ну, изъ старья какого-нибудь съ большихъ надѣлаете имъ,—замѣтилъ я.

— Изъ старья! Да развѣ съ моимъ попомъ останется какое-нибудь старье,—воскликнула она съ негодованіемъ...— Онъ все нищимъ пораздастъ! Кабы не стыдно было, онъ-бы и рясу-то свою послѣднюю съ плечъ содралъ да отдалъ!

— Вѣдь нашъ отецъ Афанасій доброты и простоты необнаковенной,—разсказывали мнѣ Копыловцы.—Зайдетъ, примѣрно, какая нищая зимой; ну, извѣстно, одежонка плохенькая; такъ вѣдь мать-то такъ за нимъ и смотритъ въ оба глаза, а то, живо ухватитъ, что изъ ея одёжи, шаль, такъ шаль, сунетъ ей: бѣги, говоритъ, скорѣе изъ избы, чтобы мать не увидала. Разъ такъ-то пальто ея отдалъ; такъ, вѣдь, насилу попадья догнала нищенку-то ужъ за овинами... Ну, отняла, а то бы попрощалась и съ пальтомъ. Вотъ онъ каковъ!

— Чистый раззоритель для дома,—добавилъ въ видѣ комментарія одинъ изъ собесѣдниковъ солидный мужичокъ, промышлявшій не разъ тайной продажей водки.

— Стало быть для Бога, для спасенія души своей, дѣлаетъ, другъ ты мой, Захаръ Павловичъ,—возразилъ разсказчикъ.

— Для Бога?! — фыркнулъ Захаръ Павловичъ, отходя прочь.—А семья по міру ступай? Нешто это порядокъ?

— Не любитъ отца-то Афанасія,—подмигнули ему вслѣдъ оставшіеся.—Видать: на душѣ-то не чисто... А по нашему—угодной жизни человѣкъ, попъ настоящій. И въ церкви благолѣпно...

И, правда, хорошо тамъ было! Благоговѣйно служилъ кроткій отецъ Афанасій въ своей маленькой церкви, съ любовью благословлялъ своихъ простыхъ прихожанъ, съ любовью и довѣріемъ смотрѣли на него и послѣдніе. Такъ тамъ дѣлалось свѣтло и кротко на душѣ, такъ усердно молилось, и такъ глубоко проникали въ душу полныя божественнаго величія и силы святыя слова литургіи...

Ѣдешь оттуда, бывало, укрѣпленный, обласканный, съ запасомъ какой-то новой животворящей силы, и самая дорога-

то такая хорошая, точно продолженіе того-же храма и той же службы Божіей: то поля, то свѣжіе, блистающіе яркой зеленью, перелѣски, то луговинки съ разбѣгающимися по нимъ граціозными молодыми елками; ароматный теплый лѣсной воздухъ такъ и живитъ, такъ и ласкаетъ, а свѣтло-голубое небо съ тихо плывущими по немъ бѣлыми, какъ молоко, кучевыми облаками кротко и любовно обнимаетъ эту не менѣе кроткую, чисто-крестьянскую трудовую землю, и все такъ и говоритъ о мирѣ и святомъ, христіанскомъ упованіи...

Все это не могло, конечно, не способствовать сближенію съ отцомъ Афанасіемъ и его Копыловскимъ храмомъ. Къ нему тянула вся ферма, и отецъ Афанасій отдавалъ ей преимущество передъ фабрикой. Михаилъ Петровичъ и вся его семья, кромѣ того, служили ему живымъ воспоминаніемъ его родины и отцовской семьи потому, что Руденковъ былъ выходцемъ изъ того-же села.

— А ты вотъ что,—говорилъ мнѣ отецъ Афанасій,—давай отдыхъ въ праздники-то; пускай Михайла въ церковь, а то я его изъ-за твоей работы-то рѣдко и вижу...

— Кто-же его держитъ, батюшка?—отвѣчалъ я,—у меня всѣмъ объявлено напередъ, что кто хочетъ въ церковь, всегда можетъ брать даже лошадь.

— Ну да, ну да,—твердилъ священникъ.—Ну, а вотъ Михайлѣ-то и некогда изъ-за скота что-ли?

Увы! Михаилъ Петровичъ покривилъ душою: увлекаясь по легкомыслію своему въ праздникъ больше кабачкомъ, онъ, однако, не преминулъ съ умиленнымъ видомъ рвущагося ко спасенію человѣка объяснить отцу Афанасію, что суровый міръ въ лицѣ моемъ налагаетъ на него тяжелыя обязанности и противъ воли отвлекаетъ отъ истиннаго призванія...

— Ну, Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ!—заторопился отецъ Афанасій, когда я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.—Не будь суровъ съ нимъ, вѣдь человѣкъ онъ кроткій, слабый; Богъ съ нимъ... Фабрика-то, вѣдь, это какое искушеніе для слабаго человѣка?.. Избави Богъ...

— А вы хорошо знаете ее, батюшка?—спросилъ я.

— Какъ не знать!—отвѣтилъ онъ, вздохнувши.—Тамъ народъ, другъ мой, Николай Павловичъ, безъ пастыря, всѣ врозь... Да и одинъ-ли народъ, они-ли тутъ и виноваты?..

Богъ знаетъ, Богъ знаетъ, а только и руководителей, полагаю, вина не малая...

— А вотъ вы, отецъ Афанасій, любите проповѣди часто говорить и, по правдѣ вамъ сказать, все держитесь общихъ мѣстъ; чтобы вамъ попробовать когда, да прямую рѣчь повести?—замѣтилъ я.

— То-есть, какъ это, какую рѣчь?—спросилъ онъ озадаченно.

— Да вотъ, напримѣръ, хоть прошлый разъ вы говорили о вредѣ пьянства. Ну, что тамъ толковать: „не пейте, братія, водка зло, водка душу губитъ“.—Это всѣ знаютъ и безъ васъ. Нѣтъ! Вы знаете и больше этого: вы знаете, отчего фабричный пропивается, вы знаете, и кто его спаиваетъ; вы знаете, что этотъ спаиватель дѣлаетъ еще горшее зло. Ну, вотъ бы вы, какъ пастырь, по златоустовски, выставили бы все это на показъ и указали бы, какое все это страшное, безбожное дѣло...

Но по мѣрѣ того, какъ я говорилъ это, по лицу батюшки забѣгали какія-то грустныя тѣни, и въ глазахъ засвѣтилось что-то очень скорбное.

— Ну да, ну да! Вѣрно!—заговорилъ онъ.—Только, другъ мой, надо, вѣдь, для этого мученикомъ быть!—И вдругъ изъ глазъ его закапали на широкую бороду крупныя слезы...—Что дѣлать?.. Силы Богъ не даетъ...—добавилъ онъ тихо дрогнувшимъ голосомъ.

А между тѣмъ, я былъ убѣжденъ, что идея мученичества крѣпко захватывала душу отца Афанасія... Только не было для этой кроткой, богобоязненной и робкой души простора въ тѣсныхъ рамкахъ опредѣленной жизненной колеи. И вся его любовь понемногу уходила въ привязанность къ маленькой церкви общинѣ и своему храму.

Ради нихъ онъ бѣгалъ, выпрашивалъ помощи, украшалъ чѣмъ могъ, отыскивалъ благотворителей, и его дѣтская, чистая душа по-дѣтски же и радовалась каждому новому украшенію и по-дѣтски искренно прощала все и молилась за каждаго „благотворителя“. Онъ былъ, казалось, за что-то благодаренъ своему маленькому храму...

— Что мнѣ,—сказалъ мнѣ разъ въ откровенную минуту отецъ Афанасій, огорченный холодностью своихъ прихо-

жанъ,—что мнѣ надо?.. Ничего!.. Я вѣдь тебѣ скажу: міромъ и его радостями я не избалованъ. Когда младымъ юношей пріѣхалъ я сюда въ первый разъ... Моя теперешняя попадья тогда дѣвицей была. Куда не показалась она мнѣ! Старая, да некрасивая. Загрустилъ я... Искушался я смятенною душою, запечалился... И пошелъ въ церковь помолиться, молился слезно и такъ мнѣ полюбилась эта церковь тогда, что сразу же и рѣшилъ быть здѣсь попомъ... Ну, а теперь Сеня сынъ, слава Богу, сталъ на ноги, устроился, попадью съ остальными Богъ не оставитъ... А я уйду... Куда Богъ велитъ... Мнѣ пустыня нужна, вотъ что!..

Исключительно питавшій свой кроткій умъ одной церковностью и настроеніями минувшихъ вѣковъ христіанскаго аскетизма, отецъ Афанасій плохо прозиралъ въ современную жизнь и еще болѣе плохо видѣлъ тѣ безчисленные пути, которые пробиваетъ себѣ вѣчное дѣло Христово. При такой исключительности на немъ еще болѣе, чѣмъ надъ другими такими же людьми изъ его среды, отзывалась вся узкость нашего семинарскаго обученія и воспитанія, страшно далекаго отъ истиннаго знанія современной жизни и всѣхъ средствъ борьбы противъ современнаго зла, какъ равно и отчужденность отъ общества вообще нашей духовной среды.

— Что пишутъ-то, что пишутъ-то нынѣ?—говаривалъ добрякъ, волнуясь до глубины души.—Почитайка въ „Душеполезномъ чтеніи“ или „Странникѣ“ объ этихъ писателяхъ.

— Вонъ В... во что ударился: католикомъ, несчастный, сдѣлался, еретикомъ... Ахъ, ахъ, ахъ! Сынъ какого знаменитаго отца и что вышло, что вышло?..—укоризненно качалъ онъ головой...

— Да вы бы, отецъ Афанасій, чѣмъ съ чужихъ-то словъ судить, лучше-бы взяли его книжку, да и прочли сами.

— Стану я читать,—возражалъ онъ.—Зачѣмъ? Чего я тамъ найду?

— Какъ чего? По крайней мѣрѣ, будете судить не по чужимъ словамъ, это будетъ справедливѣе...

— О-о! Ну, ну, дай, дай мнѣ просмотрѣть. Ужъ такъ и быть прочту...

Я далъ ему одну изъ самыхъ популярно изложенныхъ книгъ автора, о которомъ у насъ шла рѣчь.

— Ну, что скажете?—спрашивалъ я послѣ.

— Да, что сказать?..—отвѣчалъ онъ.—Какъ-то все не то... Философія! Ну, да и рѣчь-то совсѣмъ не по нашему...

— То-есть какъ это, не по вашему? Что вы хотите сказать?—допытывался я.

— Ну, да! не по нашему: свѣтская рѣчь, не возвышенная...

— А-а!.. Вы хотите, чтобы всѣ такъ выражались, какъ нѣкоторые наши витіи: вмѣсто танцовщицы—плясавица, вмѣсто театра—позорище и т. д.

— Ну, а что же ты тутъ находишь плохого?—горячился отецъ Афанасій.

— Да какъ-же не плохо,—шутилъ я.—Скоро ужъ и нашу русскую-то рѣчь совсѣмъ забудете, перестанете и понимать насъ грѣшныхъ; да и васъ-то тоже...

— Ахъ, ты, грѣховникъ!—улыбнулся отецъ Афанасій.—Будетъ ужъ тебѣ! Вѣдь это ты все за мои проповѣди меня пилишь...

Мои учительницы, однако, никакъ не могли еще сойтись на короткую ногу съ отцемъ Афанасіемъ. Его церковная простота, какъ онѣ иногда замѣчали съ нѣкоторой улыбкой, право, ужъ черезчуръ проста и даже способна была доводить до нѣкотораго раздраженія. Тѣмъ не менѣе онѣ его уважали и всѣ вмѣстѣ обоюдно вѣдали, что „дѣло Христово узнается по плодамъ“.

Этотъ языкъ у нихъ былъ безспорно общій и достаточно сильный для того, чтобы сочувственно работать и сопровождать эту работу искреннимъ уваженіемъ другъ къ другу и пожеланіемъ всякаго успѣха.

Хорошо было ужъ и это!..

VI.

Всѣ эти добрые люди, да интересы фермы и составляли тотъ маленькій мірокъ, среди котораго я жилъ. Собственно съ хозяйственной стороны дѣла фермы тоже шли очень не дурно: доходы ея съ каждымъ годомъ возростали, и хозяинъ оставался вполнѣ доволенъ; но всетаки было ясно, что въ глазахъ Гарусова эта ферма было только игрушка, мало ин-

тересная по своей скромной доходности. Прошло три года, а онъ ни разу и не заглянулъ къ намъ, постоянно и благодушно отговариваясь то дѣлами, то довѣріемъ къ моимъ распоряженіямъ. Это не мѣшало, однако, почтенному Герасиму Ивановичу подъ часъ задаваться самыми игрушечными сельско-хозяйственными фантазіями со всѣми признаками упрямаго и капризнаго младенца, что, конечно, кромѣ убытковъ и лишнихъ непріятныхъ столкновеній съ фабричной администраціей ничего болѣе не приносило. Между тѣмъ, мои отношенія или вѣрнѣе, отношенія моей фермы къ фабрикѣ все усложнялись, и вскорѣ я убѣдился, что насъ просто тѣснятъ, фабрика выживаетъ земледѣліе со своихъ задворковъ. Съ одной стороны разыгравшееся воображеніе хозяина потребуетъ вдругъ разведенія льна. Приходиться подчиниться, полагаясь на обѣщаніе сдѣлать всѣ необходимыя приспособленія,—но затѣмъ, когда ленъ поспѣлъ—мы тщетно кидаемся съ нимъ во всѣ стороны. Отовсюду фабричная администрація гонитъ насъ самымъ упорнымъ образомъ. Лабазъ, куда мы поставляемъ продукты, ставитъ ихъ вровень со всякимъ гнильемъ, а Гарусовъ, который самъ все это дѣло зачѣмъ-то затѣялъ,—не удосужился хоть разъ взглянуть на него и вникнуть и въ наши недоразумѣнія, ограничиваясь указаніями на то, что ферма играетъ лишь подчиненную роль.

— Фабрика—главное у насъ, Николай Павловичъ,—говорилъ онъ мнѣ съ какой-то выводящей изъ терпѣнія ласковостію.

— Да пощадите вы меня, Герасимъ Ивановичъ!—горячился я.—Съ какой стати я буду посягать на интересы фабрики? Посмотрите же, наконецъ, сами; вѣдь это не трудно.

— Ну, всетаки-же, знаете,—отыгрывался онъ.

Впослѣдствіи я понялъ игру—не фабрики, конечно, и не фабричнаго дѣла, съ которымъ мое скромное дѣло легко могло ужиться, а нѣкоторой части фабричной администраціи, которая прежде, такъ или иначе, извлекала пользу и изъ пустовавшей земли, и изъ лабаза, закупавшаго всѣ предметы на сторонѣ, и изъ многаго другого, чему мѣшала ферма. Самая «простота» этихъ мотивовъ могла уже вывести изъ всякаго терпѣнія, но сюда прибавлялось еще то чисто русское бла-

годушное упрямство, съ какимъ Гарусовъ не хотѣлъ ни понять, ни просто хоть взглянуть на всю эту простую исторію. Наконецъ, примѣшивалась еще и та особенная злая раздражительность, которая всю атмосферу фабричной жизни насыщала злобой, взаимнымъ нерасположеніемъ, гнилой фабричной ругней и сквернословіемъ.

Вся фабрика сквернословила неистово и неутомимо. Съ самаго ранняго утра, напримѣръ, мы уже слышали изъ своего дома, какъ, вмѣстѣ съ гнилымъ туманомъ, неслись прежде всего съ бѣльника и всякія гнилыя слова, которыя способна изрыгать только россійская безстыдная глотка. Эту гниль изрыгало и всякое мелкое начальство, и рабочіе, безъ различія—мущины и женщины и, наконецъ, дѣти, 12-ти или 15-тилѣтіе мальчишки, разстилавшіе на бѣльникѣ миткаль и ситецъ.

На фабрикѣ такая же брань висѣла всюду: помощникъ администратора разносилъ рабочихъ на улицѣ, другіе помощники—въ зданіяхъ; рабочіе разносили другъ друга и съ сердцовъ, и въ шутку; эти звѣриные звуки нерѣдко замѣняли всю человѣческую рѣчь. Ни дѣвушки, ни дѣти не останавливали этого грязнаго потока: всюду неслось гнилое слово—отъ кабака до улицы и мастерской съ утра и до вечера; даже ночью—во снѣ это злое, безстыдное слово носилось въ воздухѣ, словно какой проклятый кошмаръ или призракъ..

Нужно было имѣть большое терпѣніе и привычку, чтобы выносить все это сквернословіе, когда оно насквозь пропитывало и всю фабричную душу, и атмосферу.

Съ народнымъ жаргономъ можно было, если не мириться, то хоть устраняться отъ него, но съ начальственнымъ, конечно, уже ни въ какомъ случаѣ. Приходилось поэтому по неволѣ просить Гарусова прекратить эти безобразія.

Конечно, хозяинъ вспылилъ и разнесъ сквернослововъ, но послѣ счелъ, однако, необходимымъ сдѣлать и мнѣ нѣкоторое поясненіе.

— Видите-ли, Николай Павловичъ,—высказалъ онъ,—раздражительность, мелочность самолюбій, даже, если хотите, невѣжество и грубость — это свойство всякой фабрики, и если вы, замѣтивъ это, стараетесь бѣжать и отдаляться отъ всякихъ знакомствъ и сближеній, то этимъ дѣлаете только

хуже себѣ, потому что всѣ чуютъ тогда въ васъ человѣка осуждающаго, чуть не врага,—что, конечно, вызываетъ еще большее недовольство. Надо какъ нибудь сойтись, просто ради собственнаго спокойствія,—закончилъ онъ.

Злая фабричная система отмежевала этому, въ сущности, доброму и съ хорошими задатками человѣку такой узенькій кругъ для проявленія положительныхъ сторонъ его натуры, что онѣ могли проявляться только въ самомъ ничтожномъ примѣненіи: въ какихъ-нибудь незамѣтныхъ для его кармана подачкахъ, въ благодушно либеральныхъ разговорахъ и такихъ же отношеніяхъ къ людямъ своей же среды, а въ большинствѣ случаевъ тонули и атрофировались въ благодушно россійскомъ пустословіи. За этимъ узкимъ кругомъ нравственнаго обихода сейчасъ же лежала дѣловая сторона, захватывавшая громадную долю живого человѣка, и гдѣ, дѣйствительно, должны были умолкать всѣ гуманныя и добрыя наклонности его: тутъ уже шелъ вопросъ о капиталѣ, процентѣ, рабочей платѣ, рынкѣ, кредитѣ и т. п., и сами живые люди превращались въ какія-то отвлеченности. Въ нравственномъ смыслѣ и, вообще, въ живомъ содержаніи человѣка, поставленнаго въ такое положеніе, эта мертвая точка, гдѣ живая душа превращалась уже въ дѣловую единицу, должна была неизбѣжно представлять ту гнилую язвину, малѣйшее прикосновеніе къ которой возбуждаетъ непріятную боль, выражающуюся у каждаго на свой ладъ, но тѣмъ не менѣе всегда боль, будить которую безнаказанно не дозволялось.

И мнѣ пришлось скоро убѣдиться на дѣлѣ, что благодушіе Герасима Ивановича имѣетъ весьма скромные размѣры. Желая ввести болѣе правильный порядокъ относительно удобренія полей, онъ какъ-то отдалъ распоряженіе, чтобы фабричный ассенизаторскій отрядъ былъ подчиненъ управленію фермы.

Весь отрядъ этотъ состоялъ изъ 25 человѣкъ и помѣщался въ центрѣ самой фабрики, въ отдѣльномъ деревянномъ баракѣ. Уже на площади, издалека можно было догадаться, что за обитатели населяютъ этотъ баракъ, а вблизи такъ и прямо уже было надо затыкать носъ.

Вокругъ зданія тутъ же стояли бочки и черпаки; все это

было, конечно, въ страшно грязномъ видѣ и притомъ очень плохо приспособлено къ своему назначенію; но когда я вошелъ въ самое помѣщеніе, то меня просто ошеломило и стало сейчасъ же мутить. Представьте себѣ казарму съ огромной русской печью по срединѣ; кругомъ стѣнъ тянулись сплошныя нары, а параллельно имъ на одной сторонѣ стояли длинные, обѣденные столы. Около печи, на печи и на веревкахъ, протянутыхъ поперекъ казармы, висѣли и сушились онучи и кафтаны рабочихъ, а подъ нарами ихъ обувь, и все это было неимовѣрно загрязнено и носило на себѣ ясные, еще сырые, отвратительные слѣды ихъ ремесла. Вонь и духота стояли невыносимыя и положительно сдавливали дыханіе. И вотъ въ такой-то казармѣ помѣщалось слишкомъ 40 человѣкъ, такъ какъ многіе изъ рабочихъ жили тутъ съ своими семьями. Малые босоногіе ребята бѣгали по нарамъ и по полу, страшно перепачканному слѣдами ногъ рабочихъ, на нарахъ же, кой-гдѣ завѣшанныхъ разнымъ тряпьемъ въ видѣ занавѣсей, пищали грудныя дѣти; всѣ они были лбѣдны и хилы, нѣкоторыя изъ ребятъ страдали коклюшемъ, а про другихъ говорили матери: «родимчикъ бьетъ».

Это были просто припадки отъ гнилаго воздуха.

Бабы съ такими же блѣдными лицами возились съ ребятами за своими занавѣсками или толклись около печи съ горшками, надъ которыми низко нависли вонючіе онучи и кафтаны; тутъ же за длинными столами и обѣдали. Дверь въ баракъ отворялась прямо съ улицы—безъ всякихъ сѣней. Я тщательно вымѣрилъ кубическое содержаніе казармы и, сравнивъ его съ числомъ ея обитателей, увидѣлъ, что на каждаго изъ нихъ хватало менѣе $^3/_4$ кубич. сажени этого промозглаго отравленнаго воздуха. Словомъ, жить въ такой казармѣ было почти то же самое, что жить въ отхожемъ, да притомъ еще и плохо содержимомъ мѣстѣ.

Этотъ каторжный и пользующійся презрѣніемъ трудъ оплачивался, однако, только 10 рублями въ мѣсяцъ на собственномъ содержаніи рабочаго и съ его же платьемъ. Набирался на эту работу народъ самый бѣдный, которому негдѣ было преклонить голову, и уже негодный ни на какую другую работу. Всѣ эти рабочіе были большею частью люди пожилые и имѣли тоже какой-то чахлый и заморенный видъ. Но имъ

было еще сравнительно сноснѣе, потому что весь день они были на воздухѣ, а каково же было зимой въ этихъ казармахъ ихъ семействамъ? Глубоко возмущенный и растроганный видомъ несчастныхъ дѣтей,—я шелъ съ записной книжкой къ хозяину. Дорогой я съ злостью вспоминалъ его благодушную фигуру, а къ Гиршфельду чувствовалъ положительную ненависть.

— Вѣдь именно эта рыжая, лукавая бестія запихала людей въ такую морильню,—думалъ я по дорогѣ.

У Гарусова, по обыкновенію, уже много толклось разнаго служилаго народа.

— А-а-а! Николай Павловичъ, — встрѣтилъ онъ меня добродушно. —Ну, что скажете намъ хорошенькаго?

Я прямо приступилъ къ дѣлу и объявилъ, что изъ казармы.

— Ага! То-то вы къ намъ и принесли сюда ея специфическій духъ, — расхохотался хозяинъ, поводя брезгливо носомъ.

— Не мудрено,—почти со злостью отвѣтилъ я.—Впрочемъ, если бы вы, Герасимъ Ивановичъ, сами побывали когда-нибудь тамъ, то, можетъ быть, сказали бы и что-нибудь другое.

— Вѣрно, не заглядывалъ, да ужъ избавьте, и не загляну...—опять расхохотался онъ.

— Напрасно,—замѣтилъ я серьезно. — Вы бы тамъ увидали нѣчто интересное... — и я сталъ подробно передавать ему все, что видѣлъ.

Рыжій Гиршфельдъ давно уже навострилъ уши и все время какъ то передергивался, ухмылялся и стрѣлялъ своимъ одинокимъ глазомъ. По мѣрѣ того какъ я говорилъ, и на лицо самого Гарусова тоже надвигались какія-то тѣни и изъ благодушнаго оно постепенно дѣлалось кислымъ и недовольнымъ. Онъ безпрестанно презрительно хмыкалъ при этомъ носомъ—знакъ, что Гарусовъ сердится.

— Ну, да, ну, да!..—перебилъ онъ меня сухимъ тономъ.— Я не совсѣмъ понимаю всетаки, въ чемъ же тутъ дѣло.

— Какъ не понимаете?—возразилъ я.—Развѣ можно людямъ, дѣтямъ жить въ такой обстановкѣ, въ такой тѣснотѣ и заразѣ?

— Что же прикажете, дворецъ для этихъ господъ выстроить?..—съ тихимъ хихиканьемъ замѣтилъ Гиршфельдъ.

— Смѣшного тутъ ничего нѣтъ,—рѣзко замѣтилъ я,—и ваше остроуміе вовсе не великодушно, особенно въ виду тѣхъ данныхъ, которыя вамъ должны быть отлично извѣстны,—и я передалъ записную книжку хозяину.

— Тише, тише, господа?—внушительно обратился по моему адресу хозяинъ...—Ну, что тутъ такое?—тянулъ онъ въ носъ, просматривая мою запись:—кубическое содержаніе 28 сажень, число живущихъ 41... ну да, тѣсновато, конечно... Надо что-нибудь придумать,—обратился онъ къ Гиршфельду.

— Во всякомъ случаѣ на фабрикѣ ихъ оставить нельзя: вонъ эту мерзость!.. Вотъ мы ихъ къ вамъ на ферму и переведемъ,—замѣтилъ онъ, какъ бы желая уколоть меня.—Сообразите, что будетъ стоить,—небрежно сказалъ онъ Гиршфельду и также небрежно кинулъ на столъ мою книжку.

Я уже ясно видѣлъ, что задѣлъ больное мѣсто Гарусова, что оно у него самолюбиво заныло, и потому, хотя любезность и вѣжливость его послѣ этого случая даже усилились, но отношенія ко мнѣ стали холодны, сдержанны и не отличались прежней благодушной игривостью и простотой.

Ясно было, что Гарусову непріятны указанія на темныя пятна его фабричнаго дѣла, что онъ и самъ знаетъ ихъ отлично, и тѣмъ не менѣе не желаетъ ни заниматься ими, ни видѣть ихъ, чтобы не портить своего красиваго благодушія и либеральнаго настроенія.

VII.

Только поздней осенью, ровно черезъ три года, закончилась, наконецъ, постройка новыхъ помѣщеній фермы. Строилъ все по заведенной на фабрикѣ системѣ Гиршфельдъ и вкатилъ за счетъ фермы восемь тысячъ рублей только за жилой домъ изъ 5 комнатъ для меня и двухсвязную избу для рабочихъ. Вся суть заключалась въ невообразимыхъ порядкахъ или, лучше сказать, безпорядкахъ всего строительнаго дѣла фабрики. Напримѣръ, на эти постройки не только не было составлено предварительной смѣты, но даже и за возведеніемъ ихъ не существовало почти никакого наблюденія.

Наблюдалъ за работой и матеріалами самъ же подрядчикъ, который притомъ разсчитывался съ фабрикой не сдѣльно, а поденно, за настоянныя плотниками дни. Матеріалъ тратился тоже безобразно: здѣсь привезутъ кирпичъ въ такомъ количествѣ, что третья часть его остается на мѣстѣ и валяется безъ употребленія, какъ ненужная вещь, пока не превратится въ ломъ и мусоръ; тамъ видишь въ такомъ же положеніи стопы драни, пучки проволоки и разный другой строительный матеріалъ. Словомъ, это была общая фабричная система, которая, безъ сомнѣнія, только и могла выдерживать все это при заботливомъ покровительствѣ и ухаживаніи, какимъ пользуется наше отечественное фабричное производство. Куда проникалъ самъ хозяинъ,—напримѣръ: въ красильню, ткацкую, бѣльни,—тамъ было все чисто и въ порядкѣ; но за то, куда по лѣни или излишнему довѣрію не попадала его хозяйская нога, тамъ всюду гнило и пропадало пропасть цѣннаго матеріала.

Говоря безъ шутокъ, можно было нажить хорошее состояніе энергичному человѣку, еслибы ему только позволили коснуться и порыться въ грудахъ всякой дряни и хлама, которые вываливались за фабрикой по берегамъ отравленной рѣчки. На поляхъ фермы рабочіе находили куски мѣди и свинца фунтовъ по десяти, пучки пряжи и цѣлыя основы; въ кучахъ мусора было пропасть желѣза, обломковъ мѣдныхъ трубъ, гвоздей и проч. Множество бочекъ изъ подъ разныхъ солей или газовой смолы валялись всюду за фабрикой: и вдоль рѣчки, и въ лѣсу, и даже на поляхъ фермы. И все это гнило и разсыпалось въ прахъ. Словомъ, хозяйская система децентрализаціи видимо не годилась никуда. Каждый молчалъ про сосѣда съ условіемъ, чтобы тотъ платилъ тѣмъ же.

Зналъ-ли о такомъ положеніи Гарусовъ — въ точности не извѣстно. Думается, что онъ иногда, и не по одной только лѣни или довѣрію къ людямъ, не попадалъ всюду, куда нужно; можетъ быть, ему отчасти мѣшала въ этомъ и та его болѣзненно-чувствительная ранка, которую такъ легко было разбередить, натыкаясь на неприглядную жизнь рабочаго; наконецъ, мнѣ казалось, что, не будучи никогда жаднымъ къ деньгамъ, Гарусовъ не то, чтобы пресытился своимъ бо-

гатствомъ, а просто утомился отъ постояннаго напряженія силъ, на службѣ этому мамонѣ, который, однако, ревниво, какъ богъ, требуетъ отъ своихъ представителей самой вѣрной и неизмѣнной службы.

Не разъ уже случалось слышать, какъ у Гарусова вырывались фразы:

— Эхъ, господа!.. Еслибы вы только знали, съ какимъ удовольствіемъ я бы отдохнулъ и бросилъ всѣ эти фабричныя дѣла. Вѣдь, около уже 25 лѣтъ я вожусь съ ними. Право, будетъ ужъ...

— Ну, такъ что же?— замѣтилъ я ему однажды на подобное пожеланіе,—возьмите, да и по боку все это дѣло... Кто же вамъ мѣшаетъ?..

— Гмъ! — отвѣтилъ онъ, помолчавъ, словно придумывая, какъ бы удобнѣе выразить свою мысль. — Знаете, Николай Павловичъ, маховое колесо въ нашей паровой? Попробуйте-ка его остановить сразу, когда оно въ полномъ ходу, а въ немъ шесть тысячъ пудовъ,—такъ и все зданіе не устоитъ... Такъ-то и наше промышленное дѣло,—закончилъ онъ и задумчиво опустилъ голову.

Приэтомъ на лицѣ Гарусова выразилось какое-то больное утомленіе, а можетъ быть, и еще что-то изъ того живого уголка хозяйской души, которую облегала и давила со всѣхъ сторонъ мертвая практика жизни, со всѣми ея фабричными интересами.

Наконецъ, не надо забывать и того, что душа эта была рыхлая, славянская, т. е. отчасти варварская, а потому она еще не могла, такъ сказать, культурно впиться въ дѣло наживы: ей требовались поэтому просторъ и отвлеченіе хотя бы даже въ области разныхъ фантазій, но съ красивой или, по крайней мѣрѣ, съ безобидной для ея чувствъ окраской.

Вслѣдствіе этого, почтеннѣйшій Герасимъ Ивановичъ быстро вступилъ въ новую полосу дѣятельности и неудержимо воспылалъ вдругъ неимовѣрной страстью къ сельскому хозяйству.

Невдалекѣ отъ города Гарусовъ живо пріобрѣлъ имѣніе съ очень плохой землей и инвентаремъ, хотя и заплатилъ за него хорошія деньги, и съ увлеченіемъ новичка записался

въ цехъ россійскихъ агрономовъ. Въ большомъ запущенномъ саду разбивались газоны, ставился фонтанъ и заливались известью дорожки; на окраинѣ сада возводилась оранжерея и рылся большой прудъ. Въ задней части усадьбы тоже кипѣла работа: тамъ почти заново ремонтировались всѣ службы и строился грандіозный, на 100 головъ, скотный дворъ съ асфальтовыми полами, съ рельсами для подачи вагончиковъ съ кормомъ. Кругомъ Герасима Ивановича закишѣли, какъ трудолюбивыя пчелы, всевозможные представители нашей ученой агрономіи. Ученые термины такъ и носились по Заболотову, до сихъ поръ мирно дремавшему въ своемъ убогомъ невѣжествѣ.

Недалеко отъ скотнаго двора, въ хорошенькомъ флигелькѣ устроена была лабораторія для анализовъ молока и кормовъ, при ней поселился химикъ изъ молодыхъ петровцевъ; на скотный дворъ были приглашены двѣ ученыя молочницы, а собственно для полевого хозяйства еще петровецъ — управляющій.

И весь этотъ ученый штатъ сидѣлъ только на 200 десятинахъ! Жнея, косилка, молотилка и всевозможныя орудія для обработки почвы — все явилось мигомъ. Скотъ выписывался издалека и все иностранныхъ породъ, такъ что каждая корова обходилась отъ 250 до 300 рублей.

Нечего и говорить, что поля состоящія, кстати сказать частью изъ голой глины, а частью изъ безплоднаго подзола, разбиты были по новой системѣ со введеніемъ корнеплодовъ и травосѣянія. Однако, такъ какъ всей пахатной земли не было и полной сотни десятинъ, а всякаго скота считалось въ имѣніи до полутораста головъ, то впередъ уже можно было видѣть, что корма на это количество далеко не хватитъ. На замѣчанія по этому поводу благодушный хозяинъ отвѣчалъ весьма просто:

— А не хватитъ, такъ мы купимъ. Здѣсь въ округѣ сѣно по 15 коп. за пудъ...

За удобреніемъ остановки тоже не было: изъ города везли голубиный пометъ, съ фабрики суперфосфаты, гипсъ и аміачныя соли, солому прикупали на сторонѣ; оказался недостатокъ въ выгонѣ — сейчасъ же прикупили за дорого еще сотню десятинъ сосѣдней земли, — словомъ, отказа не было

ни въ чемъ. Гарусовъ только и дышалъ, только и жилъ хозяйствомъ. Изъ его устъ ежечасно цѣлыми потоками неслись всякіе ученые сельско-хозяйственные термины, такъ что надо было только удивляться, какъ скоро усвоилъ и запомнилъ онъ ихъ; сыпались любимыя статистическія цифры анализовъ; въ комнатахъ, по столамъ — всюду валялись сельско-хозяйственные альбомы, журналы и газеты; однимъ словомъ, всякій человѣкъ могъ окончательно захлебнуться отъ этой ошеломляющей учености, отъ этихъ цифръ, справокъ и соображеній, а Гарусовъ, возбужденный и счастливый, бодро и сильно, какъ паровозъ, летѣлъ впередъ на всѣхъ парахъ своего агрономическаго экстаза.

— Ну-съ, Николай Павловичъ, — говаривалъ онъ, весело потирая руки,—пожалуйте-ка опять къ намъ въ гости: посмотрѣть есть на что, не раскаетесь.

Конечно, я ѣздилъ и смотрѣлъ. Усердно бродили мы по всѣмъ полямъ, заглядывали во всѣ углы, любовались и на скотный дворъ, гдѣ въ стойлахъ пережевывалъ свою жвачку рослый и породистый скотъ, а по асфальтовому полу бѣгали по рельсамъ ручные вагончики съ кормомъ. Доили скотъ бабы въ чистыхъ платьяхъ и фартукахъ, а посрединѣ зданія, на небольшой площадкѣ помѣщался рядомъ съ вѣсами столъ съ книгами, въ которыя ученая молочница, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, передникѣ, заносила количество удоевъ и кормовъ, тогда какъ другая слѣдила за дачей корма и процессомъ дойки. Вездѣ чистота замѣчательная, воздухъ прекрасный, температура ровная—не выше 10—12° и по стѣнамъ термометры.

Ежедневно отъ каждой коровы посылалась часть удоя въ лабораторію для опредѣленія процента жировъ. Тамъ лаборантъ тоже велъ запись этихъ анализовъ, и изъ этой книги хозяинъ ежедневно же черпалъ матеріалъ для своихъ вдохновеній. Лаборантъ, кажется, былъ подъ стать хозяину. Маленькій, суетливый и юркій, онъ тоже кипѣлъ, такъ сказать, аналитической страстью и скороговоркой, какъ скворецъ, сыпалъ цифрами. Но отъ времени до времени, особенно за столомъ, послѣ добраго стакана вина, лицо его принимало глубокомысленно укоряющее, съ нѣкоторой гражданской скорбью выраженіе, и онъ, поникая въ раздумьи головой, къ мѣсту и не къ мѣсту внушительно произносилъ:

— Да! Все говорятъ теперь: мало дѣла живого... жалуются!.. А вотъ хотя бы всять анализъ молока: какіе замѣчательные результаты!..

Патронъ сочувствовалъ ему отъ всей души, хотя обращаясь заразъ и къ слушателямъ, и къ гражданину оратору, по отечески замѣчалъ:—Ну, анализъ—это любимый конекъ нашего Павла Федоровича...

А послѣ наединѣ пояснялъ слушателямъ:—Замѣчательно преданный своему призванію юноша. Замѣчательно!.. Я очень уважаю его за эту энергію... онъ много обѣщаетъ...

Товарищъ химика—управляющій, однако, вовсе не отличался такимъ пыломъ: онъ все больше молчалъ и даже казался нѣсколько подавленнымъ, когда, бывало, развеселившійся за краснымъ виномъ Гасусовъ воскликнетъ:

— Погодите, погодите, господа! Мы покажемъ, какъ надо вести хозяйство, мы самихъ американцевъ за поясъ заткнемъ!

Такая высокая миссія, видимо, очень тяготила скромнаго молодаго человѣка и заставляла его какъ-то болѣзненно улыбаться и весьма неловко ерзать на своемъ стулѣ.

Обращеніе Герасима Ивановича со своими сотрудниками было самое милое, чисто товарищеское; кормилъ онъ ихъ на убой, а ужъ про гостей и говорить нечего: домъ былъ полная чаша, благодушіе хозяевъ чисто россійское,—словомъ, жаловаться было въ этомъ отношеніи не на что.

— Ну-съ! Что же вы намъ скажете, Николай Павловичъ, на счетъ нашего заболотовскаго хозяйства,—спрашивалъ не разъ на прощанье Гарусовъ.

— Да что же сказать вамъ,—отвѣчалъ и ему.—Повидимому, вездѣ послѣднее слово по этой части: точно учебная ферма; а ужъ скотный дворъ такъ хорошъ, что хоть бы и не для скотовъ,—смѣялся я.—Кстати, Герасимъ Ивановичъ,—спросилъ я однажды, сколько онъ стоилъ вамъ?—И я сейчасъ же замѣтилъ, что мнѣ отнюдь не слѣдовало этого спрашивать.

— До сихъ поръ мы еще не свели всѣхъ счетовъ,—какъ-то небрежно и нехотя протянулъ онъ,—точно сказать не могу; во всякомъ случаѣ не особенно много... Да меня этотъ вопросъ особенно и не интересуетъ, добавилъ онъ тѣмъ же тономъ.

— Какъ такъ?.. Удивился я... Что же еще можетъ интересовать въ дѣлѣ хозяйства?

— Вы забываете, съ нѣкоторымъ даже сожалѣніемъ отозвался Гарусовъ, что помимо доходности. существуетъ еще научная сторона дѣла... Мнѣ именно важны опыты...

Я принужденъ былъ смириться передъ этимъ рѣшеніемъ и его тономъ, хоть ни самъ хозяинъ, и никто изъ его ученыхъ сотрудниковъ, рѣшительно не вѣдали, что это были за опыты.

— Пусть его тратится и платитъ!—съ трескомъ отвѣчалъ мнѣ на тотъ же вопросъ лаборантъ.—Мнѣ даже дѣла нѣтъ до того, что выйдетъ изъ моего труда; я ему отдаю его, онъ купилъ его у меня, и конецъ... Всетаки же, что не говорите, анализъ у насъ дѣло новое и обѣщаетъ впереди многіе плодотворные результаты,—глубокомысленно заключилъ онъ въ видѣ утѣшенія.

Но управляющій, повидимому, смотрѣлъ на плодотворность анализа болѣе скептически. Онъ пожималъ плечами, и, какъ человѣкъ хладнокровный, замѣчалъ:—Конечно, купилъ, такъ плати; но мнѣ думается, что мы не долго заживемся здѣсь, что-то почва не та: прочности и дѣловитости не чувствуется...

Онъ былъ вполнѣ правъ. Помимо преобладанія поэтической, игрушечной стороны въ агрономіи самого Гарусова, вся домашняя обстановка этого дѣла совсѣмъ была не подходящая. У Гарусова состоялъ еще цѣлый штатъ приживальщиковъ, а у жены его—приживалокъ, имѣвшихъ свои взгляды на вещи; существовала еще цѣлая дворня, гдѣ и десятники и даже лакеи имѣли свое мнѣніе. Вся эта орава составляла, такъ сказать, плоть и кровь Гарусовскаго дома: она жила Гарусовымъ, созидала на счетъ его свои маленькія благосостоянія и знала Гарусова насквозь. Очень естественно, что весь заболотовскій ученый штатъ былъ совершенно чуждъ этой обстановкѣ и ея люду; этотъ людъ не могъ его переваривать, втайнѣ завидовалъ ему и ненавидѣлъ его, ибо ученые химики и дѣвицы невольно оттирали, затемняли его, а главное—при нихъ нельзя было тянуть и хапать подъ видомъ преданности и любви къ хозяину.

— Тутъ чортъ знаетъ, что творится,—говорилъ молчали-

вый управляющій:—на каждомъ шагу всякая дрянь ножку ставитъ. Вѣдь, кажется, Гарусовъ очень порядочный и умный человѣкъ, а подите, какъ трудно иногда отдѣлить барина отъ его холуя или приживалки, такъ кругомъ россійскимъ добромъ и несетъ... Увидите, скоро будетъ конецъ, не заживемся; да и игрушка очень ужъ дорогая...

И дѣйствительно, игрушка была очень и очень дорогая. Я узналъ, наконецъ, точно, хотя самъ Гарусовъ никогда не проговаривался и, вообще, не любилъ вопросовъ въ этомъ направленіи, что одинъ только скотный дворъ въѣхалъ ему въ 60 тысячъ рублей. Конечно, о какихъ-нибудь доходахъ смѣшно было приэтомъ и думать, принимая во вниманіе еще ученыхъ молочницъ, лабораторію и проч.

Въ виду этихъ данныхъ, конечно, не я одинъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что повсемѣстный отбой и реакція у Гарусова явится неизбѣжно; оставалось только наблюдать, скоро-ли и въ какой, именно, формѣ совершится вся эта ликвидація — на радость всей дворовой стаи и въ посрамленіе россійской ученой агрономіи.

Первые маленькіе плоды стали оказываться даже раньше, чѣмъ я ожидалъ. Въ ту же осень, когда я спросилъ у Гарусова, каковъ у него былъ умолотъ ржи, онъ презрительно процѣдилъ сквозь зубы: — Почти что нуль. — Какъ такъ?—изумился я.—Это при вашемъ-то удобреніи и обработкѣ?..

— Да-съ...—отвѣтилъ онъ съ раздраженіемъ,—при моемъ удобреніи... Представьте, запахали рожь подъ плугъ. Вотъ вамъ и результаты!

— Какъ подъ плугъ, зачѣмъ это?—спросилъ я.

— Да такъ-съ подъ плугъ, понимаете, сѣяли подъ плугъ, по личному совѣту нашего знаменитаго агронома,—и онъ съ саркастическимъ хохотомъ назвалъ приэтомъ фамилію одного изъ извѣстныхъ сотрудниковъ спеціально агрономическаго журнала.

— Можетъ быть, онъ совѣтывалъ вамъ задѣлать сѣмена многокорпуснымъ плугомъ,—осторожно замѣтилъ я.

— Какимъ тамъ многокорпуснымъ, — раздражился Гарусовъ— самымъ обыкновеннымъ эккертовскимъ завалили вершка на три-четыре.

Я только пожалъ плечами.

Очевидно, Гарусовъ слишкомъ положился на свои познанія и валилъ теперь неудачу на неповинную „науку“.

VIII.

Только къ концу четвертаго года моя ферма успѣла окончательно стать на ноги или, лучше сказать, совершенно создаться заново на той мерзости запустѣнія, которую я засталъ вначалѣ. Кругомъ фабрики, дѣйствительно, все зазеленѣло и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде нельзя было пройти отъ зловонія и глазъ постоянно натыкался только на груды всякихъ свалокъ и разной дряни, теперь или волновалась могучая рожь, или такой-же овесъ, съ широкимъ темно-зеленымъ перомъ, или пестрѣлъ густой и роскошный клеверъ, особенно изумительно удавшійся на десятинахъ, заваленныхъ прежде хлористой известью, которую удалось переработать, съ помощью отбросовъ съ значительнымъ процентомъ сѣрной кислоты, въ гипсъ. Болота всѣ исчезли и были уже подняты подъ пашню; огороды давали до 8 тыс. пудовъ одной только капусты, и всѣ поля, представлявшія прежде сплошную испекшуюся отъ излишней поливки глину, теперь почернѣли и разсыпались пухомъ.

Съ удовольствіемъ вспоминали мы съ рабочими, какъ о прошломъ уже времени, когда на тѣхъ-же поляхъ приходилось разбивать обухами глыбы глины.

— И куда все дѣвалось?—говорили они, запуская широкіе плуга въ рыхлую землю.—Вишь, пахота-то теперь какая легкая, да веселая стала: любо!

Весь инвентарь живой и мертвый былъ тоже въ хорошемъ видѣ и порядкѣ. Скотъ сильно улучшился подборомъ и скрещиваніемъ. Всѣ эти результаты удалось получить только съ затратой 500 руб., заплаченныхъ за альгаузскаго производителя и трехъ коровъ ярославокъ. Остальная скотина была подобрана постепенно изъ обыкновенныхъ мѣстныхъ крестьянскихъ коровъ, выдававшихся по своей удойности.

Я убѣдился, что наша простая крестьянская корова, которую часто величаютъ тасканской породой (отъ тасканья ее весною за хвостъ, когда она валится съ голода), при

внимательномъ уходѣ, подборѣ и скрещиваніи можетъ замѣчательно быстро поправляться и крѣпнуть, представляя всѣ данныя для того, чтобы дать изъ себя стойкую, выносливую и очень выгодную и благодарную породу.

Но было у меня на фермѣ и одно слабое мѣсто—это самое зданіе скотнаго двора.

Поддавшись на соблазнъ красноуфимской школы, я задумалъ, по ея рецепту, „дешево и сердито“ выстроить глинобитный скотный дворъ, весьма почтенныхъ размѣровъ (60 арш. длины и 15 шир.),—на что и успѣлъ склонить хозяина. Главная цѣль тутъ была демонстрировать такія постройки среди крестьянъ. Слава Богу, что я еще побоялся, въ виду солидныхъ размѣровъ зданія, опереть крутую и тяжелую крышу прямо на глиняныя стѣны и положилъ ее на хорошіе деревянные столбы, а то этотъ дворъ постигло-бы неминуемо полное разрушеніе. Дѣло въ томъ, что глинобитныя стѣны до 1 арш. толщины могутъ просохнуть только въ самое жаркое, засушливое и продолжительное лѣто; затѣмъ онѣ даютъ неправильную осадку и опасные прогибы, требующіе перекладки. Можно судить поэтому, какъ пригодны были такія зданія, напримѣръ, въ Пермской губерніи. Что же касается до матовыхъ, пропитанныхъ глиною крышъ, то кто-то совершенно справедливо выразился о нихъ въ спеціальной газетѣ, что если онѣ и не горятъ, то пропускаютъ воду, какъ рѣшето, въ чемъ мнѣ и пришлось, къ сожалѣнію, убѣдиться тогда, когда уже весь дворъ стоялъ подъ такой крышей.

Гарусовъ не пропускалъ, конечно, случаевъ отпускать шуточки на счетъ этой постройки.

— Блеститъ вашъ дворъ, Николай Павловичъ,—острилъ онъ,—только какъ-бы онъ не провалился блистательно?..

— Ну, провалиться-не провалится,—отшучивался я,—а вотъ крышу придется перекрыть непремѣнно. Впрочемъ, помните вашу поговорку: „Тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ“.

— Какъ вы говорите?—переспросилъ онъ.

Я повторилъ.

— Да, да!..—протянулъ онъ съ усмѣшкой.—Только вотъ бѣда, что эти ошибки-то очень по карману, знаете, бьютъ.

Меня-ли онъ хотѣлъ упрекнуть, или вспомнилъ свое Заболотово, такъ и осталось нерѣшеннымъ.

— Взгляните всетаки же на скотный дворъ поближе,— предлагалъ я.—Вообще пора вамъ, Герасимъ Ивановичъ, ознакомиться съ фермой; а то вѣдь 4 года, какъ я веду у васъ хозяйство, а вы хоть бы разъ посмотрѣли на него.

— Что тутъ смотрѣть,—отвѣчалъ Гарусовъ.—Ваша ферма при нашемъ дѣлѣ составляетъ такую маленькую и незамѣтную величину... Притомъ я знаю, что всѣ средства вамъ теперь даны, удобреніе всевозможное и даровое подъ руками, сбытъ обезпеченный и на мѣстѣ самаго производства,—понятно, что все должно идти хорошо,—закончилъ онъ, налегая особенно на слово „*должно*".

Я чувствовалъ, что онъ сердитъ и язвитъ меня за мое мнѣніе о заболотовскомъ хозяйствѣ. Это я видѣлъ еще изъ того, что Гарусовъ уже не приглашалъ меня, какъ прежде, въ свое Заболотово и избѣгалъ при мнѣ говорить о немъ. Между тѣмъ, слухи оттуда все же долетали. Говорили, что тамъ всѣ перессорились, что прислуга и приживалки несутъ разныя сплетни, что агрономы чуть не воютъ, растерялись и опустили руки,—однимъ словомъ, всѣ эти слухи предвѣщали неизбѣжный заболотовскій крахъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы всѣ имѣли удовольствіе услышать, какъ Гарусовъ за завтракомъ, намазывая на хлѣбъ масло, вдругъ изрекъ:—Ну, нѣтъ, Николай Павловичъ, у васъ масло далеко не то, что у меня въ Заболотовѣ наготовилъ въ лабораторіи Павелъ Федоровичъ... Химически чистое-съ. Цѣлые пуды накопились.

— Зачѣмъ же это у него такъ много накопилось? Должно быть неудачныя работы были?—спросилъ кто-то.

— Не-е-возможныя!.. А главное—страшная недобросовѣстность!.. Представьте: ни одной вѣрной записи въ книгахъ, въ анализахъ голое вранье... Конечно, прогнать... Ме-е-рзавцы!..—гнѣвно добавилъ Гарусовъ почему-то уже во множественномъ числѣ и грузно повернулся на своемъ стулѣ.

— Ничего! хорошій дипломъ на званіе агронома отечественной школы Герасима Иванова сына Гарусова,—подумалось мнѣ.

Не долго послѣ того просуществовалъ и ученый управитель.

— Чортъ знаетъ, что за неумѣлость такая,—говорилъ опять Герасимъ Ивановичъ, будучи на фабрикѣ,—что за невѣжество въ дѣлѣ у этихъ петровцевъ?.. Какъ бы вы думали? Всю кормовую свеклу ухитрился поморозить, весь скотный дворъ оставилъ безъ корма...

— А вѣдь помните, я какъ-то говорилъ вамъ, Герасимъ Ивановичъ,—рѣшился вставить я свое слово,—что здѣсь кормовую свеклу сѣять рискованно: или не дойдетъ до полнаго вызрѣванія, или не успѣешь убрать по причинѣ раннихъ морозовъ. Навѣрно, и теперь тоже было: морозы начались очень рано.

— А! не то вы говорите,—раздражительно заспорилъ Гарусовъ. — Нѣтъ-съ, ужъ пожалуйста, Николай Павловичъ, не защищайте этихъ нашихъ милыхъ агрономовъ... Чему они тамъ учатся въ своей академіи?.. Революціи только дѣлать, а знаній ни на грошъ, махнулъ онъ отрицательно головой.

— Вы такъ горячо нападаете на всѣхъ безъ исключенія,— засмѣялся я,—что, должно быть, и мнѣ приходится не забывать, что я тоже агрономъ...

— Да ужъ, какъ знаете, — отвѣтилъ онъ, но спохватившись, что заходитъ уже далеко, онъ быстро перемѣнилъ тонъ и спокойно вѣжливо добавилъ, —я говорю о большинствѣ этой ученой нашей молодежи... Признайтесь, что до настоящаго дѣла ей еще далеко.

— Но и вы признайтесь тоже, что для этого должна быть хорошая практическая школа. Доканчиваетъ ученье жизнь, а гдѣ же у насъ, Герасимъ Ивановичъ, такія хозяйства, гдѣ бы можно было научиться? хоть шаромъ покати; сами теперь, я думаю, знаете по опыту.

Прошелъ еще мѣсяцъ. На вопросъ одного изъ директоровъ; не нужно ли Гарусову управляющаго въ Заболотово, онъ отвѣтилъ:

— Нѣ-тъ! У меня теперь Прохоръ, знаете, мой десятникъ, хозяйничаетъ... И право, я о-очень доволенъ имъ,— продолжалъ онъ съ чувствомъ:—жалованья всего 25 рублей въ мѣсяцъ, распорядителенъ, честенъ, встаетъ вмѣстѣ съ курами, все, что поручишь, исполнитъ аккуратно; а мнѣ больше ничего и не нужно, кромѣ исполнительности и русской сметки: руковожу я самъ.

Такъ, до истеченія двухъ лѣтъ, отцвѣли гордыя сельскохозяйственныя надежды Герасима Ивановича, собиравшагося двинуть безкорыстно россійскую агрономію по пути славы и науки.

И вспомнилась мнѣ приэтомъ бесѣда съ однимъ изъ мелкихъ приказчиковъ на бѣльникѣ по поводу постройки мнѣ дома на фермѣ:

— О-очень ужъ васъ, видно, полюбилъ нашъ хозяинъ,— говорила мнѣ эта продувная бестія, шныряя глазами.—Вишь, какой домъ велѣлъ строить! О-очень, значитъ, расположился къ вамъ... Ну, а знаете, только крутъ онъ у насъ бываетъ подъ часъ... Все это любитъ, любитъ, да сразу, чуть что и отрѣжетъ... Много ужъ бывало такихъ случаевъ-то... Сейчасъ и въ шею-съ!..—закончилъ онъ значительно и плутовски сверкнувъ глазами...—Да-а-съ!..

— Да-а-съ!.. — вспомнилось мнѣ теперь,—„сейчасъ и въ шею-съ“!.. Вотъ тебѣ и россійская агрономія! Надо принять къ свѣдѣнію и подвести итоги.

IX.

Кстати теперь и ферма стала совсѣмъ на ноги, и мнѣ можно было ясно видѣть результаты своего хозяйства, какъ въ смыслѣ его доходности, такъ и въ отношеніи того значенія, которое оно могло имѣть среди окружающаго его крестьянства.

Въ первомъ случаѣ жаловаться было нечего: среднимъ числомъ за всѣ пять лѣтъ, причемъ одинъ годъ былъ вслѣдствіе сильныхъ дождей съ дефицитомъ, чистый доходъ отъ фермы составилъ слишкомъ 5%, причемъ этомъ процентъ былъ бы гораздо выше, еслибы не отчислялось еще на погашеніе всѣхъ заново возведенныхъ дорогихъ построекъ и прочаго инвентаря. Такимъ образомъ, выходило, что еслибы на этомъ клочкѣ, менѣе 100 десятинъ велъ дѣло самъ владѣлецъ, то онъ получалъ бы около 13% дохода ежегодно. Что касается второй стороны дѣла, т. е. того демонстративнаго вліянія благоустроенной фермы на окружающее ея крестьянское хозяйство, о чемъ теперь такъ усиленно хлопочутъ, то,

положа руку на сердце, надо было признать безспорно, что это вліяніе равнялось почти полному нулю.

Правда, крестьяне восхищались роскошными клеверными полями и вліяніемъ на нихъ гипса; любовались могучей пробштейнской рожью, которая такъ сильно кустилась, что они сами же насчитывали иногда отъ одного зерна по 20 колосьевъ; изумлялъ ихъ и псковскій ленъ, и косилка съ другими орудіями; но все это было нѣчто столь недоступное для крестьянина, что не приходилось даже и мечтать.

Цѣлыя толпы собирались первое время смотрѣть на работу косилки, слышались безпрестанныя восклицанія: „смотри-ка, смотри, какъ стрижетъ ловко“, а въ заключеніе явился и приговоръ: „прощай, братцы, теперь гарусовскіе луга, видно не работать ужъ намъ больше на нихъ“. Нравились очень и говардовскія бороны, даже нѣкоторые изъ крестьянъ возгорѣлись было желаніемъ завести ихъ у себя; но когда узнали, что цѣна каждой 40 руб., то только затылки почесали, и я услыхалъ короткое замѣчаніе: „Эхъ, такъ-то ее!.. какъ кусается... Видно, не для насъ она“... Являлось также ко мнѣ не мало крестьянъ съ просьбами промѣнять рожь или уступить фунтика 3—4 льняного сѣмени; я исполнялъ ихъ просьбы, но проходило года два и тѣже крестьяне говорили: „Нѣтъ, Николай Павлычъ, правду ты говорилъ; видно, не на нашихъ мужицкихъ земляхъ водить такіе хлѣба: выродились, вѣдь, совсѣмъ какъ наши стали... Силы, значитъ, въ землѣ нѣтъ.

На счетъ плужной обработки возникли даже споры. „Хорошо твои плуга работаютъ,—толковали мнѣ нѣкоторые хозяева,—хулить нельзя, ну, а самолетъ не уступитъ имъ, а дешевле-то ужъ и говорить нечего...“

Сначала я только улыбался.

„Ну, давай на споръ,—говорили они.—Ты паши своимъ плугомъ на парѣ, а я буду самолетомъ въ одиночку—чья возьметъ“?

Самолетъ—это крестьянское подражаніе плугу. У него есть и ножъ, и отвалъ, только весь станокъ деревянный съ оглоблями; отвалъ тоже деревянный и обивается жестью. Пашется всегда въ одну лошадь съ дугой; регуляторомъ служитъ длина запряжки и черезсѣдельникъ; на ходу онъ до-

вольно стоекъ, и легокъ. Цѣна самолету отъ 6—7 рублей, а самъ крестьянинъ сдѣлаетъ его дома и за 4 руб.

Произвели опытъ, и, дѣйствительно, самолетъ очень мало отставалъ отъ плуга, а пахать имъ можно и до 6 вершковъ; пласты отваливались не такъ правильно, но это легко было исправить, измѣнивъ устройство отвала. Какъ бы то ни было, самолетъ вышелъ изъ испытанія съ честью и, по своей дешевизнѣ, простотѣ ремонта, сбереженію рабочей силы и скорости работы, былъ замѣчательно пригоденъ къ дѣлу, такъ что въ послѣдствіи я половину полей обработывалъ уже ими. Тѣ одиночные плуга подъ названіемъ крестьянскихъ, которые продаютъ разныя механическія заведенія, больше ничего, какъ игрушки въ сравненіи съ самолетами въ смыслѣ скорости и качества работы, хотя стоятъ тоже самое.

Итакъ, скорѣе ферма воспользовалась кой-чѣмъ изъ практики крестьянскаго хозяйства, чѣмъ могла по-сосѣдски послужить на пользу послѣдняго. О какомъ тутъ примѣрѣ можно было разсуждать, когда все крестьянское хозяйство висѣло на ниточкѣ; а кромѣ того, еще и фабрика такъ губительно помогала въ разореніи этого хозяйства, что тутъ же рядомъ съ нею было не мало такихъ крестьянскихъ полосъ, на которыхъ еле прозябалъ какой нибудь чахлый и рѣдкій овсишко, хотя та же фабрика каждому предлагала свои отбросы и золото, да не хватало уже ни времени, ни силъ для этого, потому что и лошадь-то для вспашки выпрашивалась часто у сосѣда.

Не выполнилась и другая задача фермы, о чемъ мечталъ я съ самаго начала. Перерабатывая, по выраженію хозяина, всю фабричную нечисть въ продукты продовольствія, я полагалъ, что ферма будетъ доставлять для фабричнаго населенія свѣжій и дешевый продуктъ; однако, вышло не то: лабазъ, принимая продукты, продавалъ нѣкоторые чуть не вдвое дороже разцѣнки, да притомъ портилъ ихъ еще и подмѣсями. Такимъ образомъ, проигрывалъ и потребитель, проигрывала и ферма, а наживался почему-то только лабазъ.

Когда пришлось указывать Гарусову на такое барышничество и прямо даже на утягиванье доходовъ фермы, хозяинъ опять дѣлался сухъ и недоволенъ.

— Э-э! Николай Павловичъ,- возражалъ онъ какимъ-то брюзгливо небрежнымъ тономъ.—Не стоитъ игра свѣчъ! А кромѣ того, не все-ли равно, лабазъ или ферма даетъ намъ барышъ? Карманъ вѣдь одинъ!

— Но для фермы это не все равно,—старался я доказать.—Вы будете, напримѣръ, видѣть очень скромный доходъ, а въ дѣйствительности отъ нея наживается лабазъ. Интересно же, наконецъ, это видѣть и знать хоть изъ отчетовъ.

— Мы и знаемъ это,—сухо отвѣтилъ онъ.—Вообще не стоитъ говорить объ этомъ: все это пустяки,—отрубилъ Гарусовъ.

Говорить, и въ правду, уже больше ничего не стоило. Видимо лабазъ составлялъ тоже больное мѣсто у Герасима Ивановича. Онъ становился уже не у одного меня въ горлѣ. Всюду слышны были жалобы, что изъ него отпускаются не доброкачественные продукты; а такъ какъ жалобы эти заявлялись не рабочими, а фабричной аристократіей и, наконецъ, въ нѣсколько голосовъ были переданы самому хозяину, то ему, волей не волей, пришлось высказаться опредѣленнѣе.

— А-ахъ, господа! — заговорилъ онъ, протягиваясь въ креслѣ и искусственно зѣвая.—Если бы вы только знали, какъ надоѣлъ мнѣ этотъ лабазъ и какъ бы я былъ радъ развязаться съ нимъ... Но какъ? право, не знаю...

— Устройте потребительное общество,—поймалъ его кто-то на словѣ.

— Потребительное общество?..—переспросилъ онъ.—Что-же!.. я очень радъ... Пожалуй, начинайте,—произнесъ онъ нѣсколько легкомысленно.—Помѣщеніе фабрика, во всякомъ случаѣ, дастъ даровое и даже, можетъ быть, на первое время откроетъ небольшой кредитъ.

Дѣло было выгодное для всѣхъ и потому живо закипѣло. Тотчасъ-же были выбраны члены въ коммиссію для выработки устава. За основаніе было принято сдѣлать непремѣнно дольщикомъ каждаго мелкаго покупателя, т. е. рабочаго; число паевъ на одно лицо было ограничено до трехъ; вообще, дѣло было поставлено въ принципѣ хорошо. Но когда проектъ былъ выработанъ и пришлось приступить къ его осуществленію, то совершенно неожиданно натолкнулись не только

на полное равнодушіе къ нему со стороны благодушнаго хозяина, но даже какъ будто бы и на желаніе его покончить весь этотъ вопросъ изоромъ.

— Вотъ разсмотримъ, вотъ потолкуемъ; надо все сообразить, господа, поосновательнѣе, какъ бы, знаете, не попасть въ просакъ,—отыгрывался хозяинъ.

Наконецъ, поймали какъ-то удобную минуту, и одинъ мрачный техникъ спросилъ у Гарусова объ участи устава.

— Да, знаете, господа,—съ легкимъ тономъ участія заговорилъ Герасимъ Ивановичъ,—къ сожалѣнію, наврядъ-ли онъ можетъ осуществиться; даже можно сказать, что онъ почти навѣрное не пойдетъ... Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ: я говорилъ кой съ кѣмъ изъ имѣющихъ власть, и мнѣ было положительно заявлено, что нынѣче очень неблагопріятно относятся наверху ко всякимъ этимъ потребительнымъ обществамъ. Ну, а поставить все продовольственное дѣло фабрики на такую не прочную почву, согласитесь, крайне рискованно. Понимаете?.. Всѣ, слушая эту рѣчь, отлично понимали, въ чемъ тутъ суть, но тѣмъ не менѣе уличать хозяина во враньѣ не приходилось, и членамъ коммиссіи пришлось ограничиться лишь короткимъ сожалѣніемъ и благородно ретироваться.

— Видно, у нашего Герасима Ивановича ужъ либеральнаго пороха перестало хватать,—грубо сострилъ кто-то по поводу хозяйской рѣчи.

— Конечно, этого было надо ждать, — ораторствовалъ послѣ одинъ скептикъ.—Съ какой стати хозяинъ поступился-бы лабазомъ, когда онъ даетъ 30 тысячъ чистаго дохода? Дѣла-то на фабрикѣ, сами знаете, не больно въ блестящемъ видѣ... Одного товара въ складахъ лежитъ на девятьсотъ тысячъ и съ рукъ нейдетъ... Ну, сболтнулъ на первое время, а послѣ и спохватился... Дѣло понятное.

Дѣйствительно, фабричныя дѣла шли куда не бойко. Товаръ работался, а съ рукъ не шелъ; рабочихъ сокращали, вездѣ заговорили объ экономіи, и самъ хозяинъ нерѣдко жаловался на тяжелый кризисъ и денежный курсъ.

— А что, Герасимъ Ивановичъ,—спросилъ его одинъ изъ юношей-практикантовъ,—когда и прикакихъ условіяхъ по вашему мнѣнію этотъ кризисъ долженъ кончиться?

— О-о! батенька,—отвѣтилъ онъ съ усмѣшкой.—Это болѣзнь хроническая... По моему, очень долго, т. е. все равно, что никогда, ибо мы съ вами не дождемся ея конца.

— Въ чемъ-же причина?—спрашивалъ студентъ.

— Въ чемъ?.. Да очень просто! въ томъ, что у насъ нѣтъ прочнаго покупателя!.. Понимаете, мужикъ розорился, а онъ и есть первый нашъ покупатель. Ну, а какъ вы полагаете, скоро онъ разбогатѣетъ? А?—спросилъ хозяинъ со смѣхомъ самого убѣжденнаго радикала.

Объясненіе было безспорное, но юноша не удовлетворился.

— Однако, сколько я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, на нѣкоторыхъ фабрикахъ не очень-то жалуются на дѣла,—заявилъ онъ.

— Гдѣ это?.. У кого?.. Ужъ не у тепловскихъ-ли, напримѣръ?—презрительно спросилъ Гарусовъ.

— Да, именно у нихъ,—отвѣтилъ тотъ.

— А вы знаете-ли,—возвышая голосъ, продолжалъ Гарусовъ,—сколько эти тепловскіе удерживаютъ ежегодно, напримѣръ, штрафныхъ денегъ съ своихъ рабочихъ?..

— Думаю, что не мало,—отвѣтилъ юноша.

— Ну, нѣтъ, однако, какъ вы думаете?—пыталъ Гарусовъ.

— Ну, тысячъ 30, можетъ быть, 50.

— Пятьдесятъ!..—захохоталъ онъ.—Нѣтъ-съ!.. Болѣе 200 тысячъ! Они всю администрацію оплачиваютъ этими штрафами. Да и то еще безпрестанно телеграммами дѣлаютъ выговоры своимъ директорамъ за слабое поступленіе ихъ... Это фактъ-съ!.. Вотъ вамъ и коммерція тепловская,—презрительно добавилъ онъ,—не всѣ же способны слѣдовать путемъ этихъ негодяевъ и создавать рабочіе бунты!..

Какъ-бы то ни было, а дѣла фабрики не улучшались; тутъ еще сдѣлались какія-то серьезныя поврежденія въ паровой. Пришлось остановить на цѣлый мѣсяцъ работу, пока эти поврежденія исправлялись; а между тѣмъ, рабочихъ нельзя было разсчитать. и имъ платилось жалованье по прежнему. Хозяинъ дѣлался все молчаливѣе и старался всегда поскорѣе уѣхать съ фабрики. Фабрика, видимо, тяготила его, раздражала и визиты его стали дѣлаться туда все рѣже и короче. Такое состояніе хозяйскаго духа отразилось и на его сотрудникахъ: всѣ распорядители стали какъ-то сдер-

жанны и все больше удалялись по своимъ семьямъ. Стали, наконецъ, замѣчаться такія явленія, о которыхъ прежде на фабрикѣ не было и помину.

Рабочіе начали жаловаться на болѣзни желудка. На фермѣ тоже всѣ захворали животами; къ этому присоединилась еще и рвота. Бѣгали, конечно, въ больницу, пили лѣкарства, а болѣзнь не прекращалась. По тщательномъ изслѣдованіи пищи рабочихъ, дѣло тотчасъ-же разъяснилось.

Оказалось, что лабазъ пустилъ въ продажу какую-то свинину по крайне дешевой цѣнѣ, по 3 коп. за фунтъ. Рабочіе накинулись на такое дешевое мясо и отравлялись. Надо было удивляться той наглости и дерзости, съ какою лабазъ рѣшился на такую явную отраву людей. Мясо кишѣло червями и издавало отвратительный запахъ, но лабазникъ присолилъ его, подбавилъ кой-какихъ духовъ, чтобы скрасить товаръ; вареное оно издавало еще большій смрадъ.

— Это, дѣйствительно,—говорили рабочіе.—какъ поѣшь этой свинины, такъ и начнешь кататься отъ живота.

— Зачѣмъ-же вы берете такую мерзость?—спрашивалъ я ихъ.

— Да, вѣдь, мы не знали, что она такая вредная. Такъ, думаемъ, съ душкомъ малость... А больно ужъ дешево... Ну, каждый и нахваталъ побольше, потому лабазникъ говорилъ, что скоро такая цѣна прекратится... А теперь забрались помногу, такъ знаете,—признавались они нѣсколько конфузливо,—какъ-то кидать-то жалко: вѣдь тоже деньги плачены... Думается, съѣдимъ полегоньку...

— Ну, ужъ, какъ вы хотите,—рѣшилъ я,—а свинину сейчасъ-же въ яму. Я постараюсь какъ-нибудь вознаградить васъ за нее...

Отобравъ образцы этого товара, я отправилъ его къ фабричному врачу, пользовавшемуся большимъ кредитомъ у хозяина, съ просьбой сейчасъ-же принять должныя мѣры, т. е. осмотрѣть лабазъ и уничтожить гнилое мясо.

Правда, на другой-же день продажа этой отравы была прекращена, и 250 пудовъ свинины, какъ мнѣ повѣдали съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ рабочіе, были свезены въ лѣсъ и зарыты; но замѣчательно, что послѣ этого ни хозяинъ, ни

докторъ, ни лабазникъ ни единымъ словомъ не обмолвились со мной объ этомъ происшествіи.

Я не утерпѣлъ, однако, и какъ-то спросилъ врача—получилъ-ли онъ мою записку?..

— Да!—отвѣтилъ тотъ холодно.—Все сдѣлано, что нужно.

— Какимъ образомъ лабазъ рѣшился на такое злоупотребленіе?—спросилъ я нарочно, чтобы слышать, что онъ мнѣ на это скажетъ.

Докторъ пожалъ плечами...

— Просто недосмотръ,—отвѣтилъ онъ и вѣжливо раскланялся со мною.

Ой, фабрика, фабрика! думалось мнѣ. Какая въ тебѣ сидитъ дьявольская сила! А между тѣмъ, этотъ же врачъ, я знаю, умиралъ о своихъ больныхъ и таскалъ на своихъ плечахъ по ночамъ изъ деревень опасныхъ больныхъ въ фабричную больницу—словно отмаливалъ этимъ всѣ фабричные грѣхи.

При подобной обстановкѣ пропадалъ, конечно, постепенно и у меня всякій интересъ къ работѣ. Не велико было удовольствіе трудиться для какого-то темнаго барышничанья фабричнаго лабаза, безпрестанно сталкиваться со всѣми мелкими фабричными самолюбьицами и подвохами, оглушаться фабричнымъ сквернословіемъ и въ заключеніе видѣть не только полное равнодушіе къ дѣлу фермы со стороны самого хозяина, но иногда уже и кой-что похуже. Конечно, фабричная администрація скоро подмѣтила это, и всѣ, кто только могъ и хотѣлъ, стали относиться къ интересамъ фермы еще съ большимъ пренебреженіемъ и нахальствомъ. Словомъ, надо было подумать и о своемъ багажѣ.

Обычный годовой отчетъ былъ уже давно сданъ мною на руки хозяина. Этотъ годъ былъ самый неблагопріятный: безпрестанные дожди погубили все сѣно, хлѣба повалились и проростали на корню, а паводки попортили и огороды; кромѣ того, погашеніе дорогихъ построекъ тяжело легло на бюджетъ. и получился дефицитъ. Въ теченіе пяти лѣтъ одинъ годъ неудачный, конечно, не составлялъ ничего особеннаго; но въ связи съ общимъ положеніемъ хозяйскихъ дѣлъ, легко могли видоизмѣниться и взгляды самого Гарусова, такъ легко поддающагося первымъ впечатлѣніямъ. Примѣръ Заболотова у меня тоже былъ на глазахъ.

Прошло уже много времени, а ни объ отчетѣ, ни объ хозяинѣ не было ни слуху, ни духу. Разныя фабричныя власти тоже что-то загадочно покачивали головами и на вопросы о хозяинѣ не менѣе загадочно отвѣчали: у „него слишкомъ много болѣе важныхъ дѣлъ въ настоящее время; наврядъ-ли вамъ будетъ удобно отрывать его отъ нихъ... Да и вообще онъ, кажется еще и не совсѣмъ здоровъ. Повремените“.

Совершенно случайно, однако, будучи въ городѣ, я встрѣтился съ Герасимомъ Ивановичемъ на улицѣ, и онъ зазвалъ меня къ себѣ для передачи какихъ-то образцовъ фабричному химику. Да, правда, Гарусовъ смотрѣлъ совсѣмъ больнымъ человѣкомъ: онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ и даже какъ будто нѣсколько посѣдѣлъ. Вообще, онъ имѣлъ какой-то усталый видъ. Онъ наскоро передалъ мнѣ посылку; видно было, что я ему больше не нуженъ. Прощаясь, я вскользь спросилъ, скоро ли онъ думаетъ быть на фабрикѣ!

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, какъ-то нехотя.—Особенной нужды, кажется, нѣтъ никакой. Развѣ вотъ съ Б. пріѣдемъ,—и онъ назвалъ одного моего хорошаго знакомаго,—Я жду его.

— А-а!—замѣтилъ я.—Ну вотъ и мнѣ будетъ пріятно увидаться съ нимъ.

— Прекрасный человѣкъ, достойный полнаго уваженія человѣкъ,—заговорилъ, вдругъ оживляясь, хозяинъ.—Знаете, нынѣче очень ужъ рѣдко можно встрѣтить такихъ хорошихъ людей. Выдержка, вѣрность своему слову, честность замѣчательная, не говоря уже про его умъ...

— Я всегда зналъ его такимъ,—вставилъ я.

— Да! вотъ въ этомъ-то и суть, Николай Павловичъ, что человѣкъ всегда былъ вѣренъ себѣ,—какъ-то особенно подчеркнулъ Гарусовъ. Вы знаете, разъ онъ былъ мнѣ долженъ... ну, тамъ пустяки какіе-то, что-то тысячъ 7—8 рублей на срокъ. Дѣла его тогда были сильно плохи. Такъ не повѣрите-ли? Онъ чаю не пилъ, женѣ отказывалъ въ новыхъ башмакахъ, чтобы только въ срокъ выплатить деньги, хотя я самъ всячески убѣждалъ его не обращать на этотъ срокъ никакого вниманія... Нѣтъ-таки: лишалъ себя всего и заплатилъ день въ день до копѣйки!.. Вотъ это человѣкъ!—за-

кончилъ Гарусовъ, волнуясь и какимъ-то особеннымъ, приподнятымъ тономъ. Въ этомъ тонѣ слышалось нѣчто совсѣмъ необыденное и наболѣвшее. Я съ удивленіемъ мелькомъ взглянулъ на его лицо. Да! именно боль и тревога отражалась въ его глазахъ, и самъ онъ былъ взволнованъ и тяжело дышалъ.

— Да-съ Николай Павловичъ,—опять заговорилъ хозяинъ, медленно, словно въ раздумьи и провожая меня вдоль залы,— честность, особенно коммерческая—великое дѣло!.. У насъ почему-то привыкли считать ее за ничто и относятся къ ней какъ-то легко, чуть не съ подозрѣніемъ... Ну, нѣтъ-съ!.. опять повысилъ онъ голосъ.—Порядочные люди или вонъ голодомъ морятъ себя, или... пулю пускаютъ въ лобъ!..—И онъ какъ-то нервно сунулъ мнѣ руку и съ короткимъ „до свиданья“ круто повернулъ въ кабинетъ, словно боясь сказать что либо лишнее.

Я вышелъ отъ него изумленный. Его возбужденность, его слова, конечно, уже были не напускныя и даже, можетъ быть, вырвались у него помимо воли. Что-то ужъ накипѣло у Герасима Ивановича на душѣ, и это что-то, безъ сомнѣнія, были его коммерческія дѣла... Неужели-же трещитъ цѣлое состояніе, а съ нимъ, можетъ быть, даже и доброе имя,— подумалось мнѣ съ болью на душѣ... Нѣтъ, бѣдняку легче живется!

X.

Прошло еще съ мѣсяцъ. По фабрикѣ стали ходить сначала тихо, а потомъ все громче и настойчивѣе слухи, что хозяйскія дѣла разстраиваются, даже къ рабочимъ проникало кой-что; среди нихъ были жалобы, что туго разсчетъ стала выдавать контора.

— Какъ бы-дѐ какой заминки не вышло,—толковали они.

А хозяинъ на фабрику все не является.

Какъ-то мнѣ пришлось въ это время зайти въ фабричную контору.

Петръ Петровичъ Крупичатый, бухгалтеръ конторы, въ своемъ родѣ былъ какой-то адамантъ коммерціи. Ученикъ хозяина, всегда свѣженькій, скромный и точный, какъ часы, одѣтый въ темную хорошо сшитую пару, довольно краси-

вый и съ большой плотно выстриженной головой, онъ былъ типичнымъ представителемъ нашего конторско-фабричнаго дѣла. Не видавши ничего, кромѣ уѣзднаго училища, Крупичатый тѣмъ не менѣе, какъ самъ часто выражался, любилъ дѣльную книгу. Вообще, онъ все любилъ, только дѣльное.

Изъ удовольствій, напримѣръ, охоту, потому что это и для здоровья хорошо и, кромѣ того, можно дичь имѣть къ столу; изъ книгъ—отнюдь не романы или что либо изъ изящной литературы, а опять-таки только полезныя, изъ которыхъ можно было научиться трезво-коммерческому образу мыслей или искусству пріобрѣтать капиталъ. Правда, разъ онъ очень остался недоволенъ покупкой К. Маркса, ибо надѣялся найти тамъ нѣчто поучительное по части благопріобрѣтенія; но тѣмъ не менѣе и самая эта ошибка свидѣтельствовала достаточно уже о солидномъ направленіи ума Петра Петровича.

Въ карты Крупичатый не игралъ, вина не пилъ, за то хорошо игралъ на гармоникѣ и копилъ, копилъ деньгу; говорилъ онъ всегда тихо и медленно; въ церковь никогда не ходилъ, потому что считалъ это столь же не дѣльнымъ, какъ и чтеніе стиховъ съ романами; въ заключеніе слылъ знатокомъ своего дѣла и, вообще, твердо былъ убѣжденъ, безъ всякихъ лишнихъ словъ,—такъ говорила это вся его стойкая и спокойно скромная фигура,—что во всякомъ дѣлѣ вся сила въ рублѣ и въ умѣньи обращаться съ нимъ, и что именно онъ—бухгалтеръ Крупичатый—и обладаетъ вполнѣ этой премудростью.

Сознаніе этого умѣнья проглядывало во всей его фигурѣ, какъ спокойная и сама себѣ довлѣющая сила, не нуждающаяся въ рекламированіи.

Глядя на него, такъ и казалось, что со временемъ непремѣнно это будетъ одна изъ нашихъ крупныхъ коммерческихъ звѣздъ.

Вопреки всегдашнему своему дѣловому обычаю, однако, на этотъ разъ онъ пустился со мной въ общія разсужденія и неожиданно задалъ вопросъ: можетъ-ли у насъ, по моему мнѣнію, идти какое либо практическое дѣло по европейскому образцу?

— Я полагаю, что не можетъ,—объяснилъ онъ сейчасъ же за меня съ спокойной улыбкой человѣка, постигшаго всю суть вопроса.

Изъ этого я заключилъ, что моего мнѣнія тутъ и не спрашивалось, а я призванъ былъ лишь проникнуться его собственнымъ.

— У насъ,—продолжалъ онъ также спокойно и наставительно,—или только баловство одно, или любятъ на даровщинку, чужимъ умомъ попользоваться, а настоящихъ работниковъ нѣтъ,—закончилъ онъ и съ презрительнымъ сожалѣніемъ качнулъ своей красивой головой.

— Ну, а нашъ хозяинъ, напримѣръ, развѣ мало работалъ?—спросилъ я съ любопытствомъ, взглянувъ на бухгалтера и подзадоривая его на разговоръ,—развѣ онъ не слѣдилъ и не слѣдитъ усердно за своимъ дѣломъ и всѣми новостями его?

Крупичатый снисходительно улыбнулся...

— Какъ же, какъ же,—заговорилъ онъ, отмѣчая что-то карандашомъ въ лежащей передъ нимъ вѣдомости.—Все по наукѣ, да только изъ чужихъ рукъ... Не прочно-съ это! Много мы ужъ этихъ опытовъ его видали. Я думаю, одна заболотовская агрономія не малую прорѣху сдѣлала въ его карманѣ. А развѣ она одна была?.. По его лицу опять скользнула презрительно-дѣловая усмѣшка, какъ бы говорившая: „развѣ подобные люди могутъ разумно распоряжаться капиталомъ?“

— Ну, что для него эта агрономія,—возразилъ я,—хоть и дорогая на нашъ съ вами взглядъ, а для него она только вѣдь игрушка?..

— Ну, не говорите этого,—замѣтилъ вѣско и поднимая на меня глаза бухгалтеръ.—Этихъ игрушекъ было уже не мало. Да я вамъ скажу,—еще тише продолжалъ онъ,—кажется, и вся фабрика-то для него теперь уже только одна игрушка... Понимаете?..—И онъ многозначительно взглянулъ на меня, точно выжидалъ, чтобы я вполнѣ проникъ въ его „понимаете!“

— Хозяинъ вотъ глазъ сюда не показываетъ,—продолжалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы,—а мы за мѣсяцъ уже рабочимъ и заработка не отдаемъ... Потому платить нечѣмъ! Это какъ,

по вашему, хорошая игрушка?—спросилъ онъ съ улыбкой, въ которой такъ и было написано: „я давно уже, впрочемъ, предвидѣлъ это“.

— Неужели-жъ такъ дѣла плохи,—спросилъ я его, сильно заинтересовавшись слышаннымъ,—что и платить рабочимъ нечѣмъ?

— Вѣрно вамъ говорю... нашъ хозяинъ,—тихо, но четко растягивая слова, проговорилъ онъ,—виситъ на волоскѣ, и если его не поддержитъ кой-кто изъ крупныхъ людей, то дѣло пропало!.. Теперь идутъ переговоры, а чѣмъ кончатся—еще неизвѣстно.

„Да, подумалось мнѣ, если уже бухгалтеръ Крупичатый счелъ возможнымъ и полезнымъ заговорить въ такомъ тонѣ, то, значитъ, хозяйскія дѣла шибко плохи. Дѣйствительно, худые слухи все росли; росли и претензіи рабочихъ на то, что контора задерживаетъ разсчетъ.

Поднимался прямо уже ропотъ... Чтобы сколько-нибудь унять его, контора стала выдавать имъ записки на полученіе запасовъ изъ лабаза. Но, конечно, это было очень убыточно для рабочихъ и притомъ совершенно незаконно, и претензіи съ ихъ стороны стали раздаваться еще сильнѣе.

— За какимъ намъ лихомъ вашъ лабазъ,—говорили они—намъ деньги нужны; что вы неволите своимъ лабазомъ?..

А хозяина все нѣтъ и нѣтъ.

Фабричное начальство посылало телеграммы, таинственно ѣздило къ нему въ городъ, распускало слухи, что онъ будетъ завтра, послѣ завтра, а Гарусовъ все не являлся. Такъ прошло еще съ недѣлю. Наконецъ, толпы рабочихъ, буквально выведенныхъ изъ терпѣнія, просто не выходили ужъ изъ конторы и настоятельно требовали дачки.

Надзиратель, Елизаръ Парменычъ, у котораго только и было страшнаго, что одни рыжіе длиннѣйшіе усы, съ тремя подобными же хожалыми сначала хотѣлъ было поналечь на народъ и показать изъ себя начальство, но при первой-же попыткѣ былъ осаженъ грознымъ окрикомъ.

— Вамъ, пьяницамъ, чего? — кричали въ толпѣ, — вамъ тепло съ чужой водки-то... Ты къ намъ не лѣзь, коли цѣлъ хочешь быть, а ступай въ контору, да требуй, чтобы намъ наше кровное отдали!

Для успокоенія рабочихъ начальствомъ тутъ же, въ конторѣ, на глазахъ всѣхъ, была составлена и послана хозяину телеграмма о присылкѣ денегъ.

Часа черезъ 3—4 былъ полученъ отвѣтъ, что деньги высылаются съ поѣздомъ, а самъ хозяинъ пріѣдетъ завтра. Толпа повѣрила и разошлась. Деньги, дѣйствительно, были высланы, но въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ, что ихъ не хватило и на двадцатую долю всей дачки, и контора совала рабочимъ кому полтинникъ, кому не болѣе рубля; рабочіе брали эти деньги съ злымъ хохотомъ, насмѣшками и шумомъ.

Они не стѣснялись уже гнѣвно выражать свое неудовольствіе.

— Во-о!.. раздавались громко десятки голосовъ.—У Герасима Иванова, братцы, денегъ ужъ не стало; скоро, видно, у насъ занимать станетъ... Смотри-ка: цѣльный полтинникъ отвалилъ, чтобъ ему...—и по адресу хозяина посыпались разныя нескромныя пожеланія.

— Ну, выходите, выходите поскорѣй!—торопили конторскіе.—Не задерживайте другихъ!

— Чего выходите,—огрызались рабочіе,—не гони еще—не расплатился. Какого дьявола мы на вашу дачку-то сдѣлаемъ,—прибавляли другіе, съ презрѣніемъ указывая на полученные ими гроши.

— Эхъ, братцы! Развѣ вы не знаете,—подхватилъ одинъ острякъ,—это намъ хозяинъ на выпивку жертвуетъ, за его здоровье, чтобъ ему, такъ-то его, ни дна, ни покрышки не было... Валяй, ребята, въ кабакъ!..

— И то правда,—послышались многіе голоса,—какого чорта на эти деньги сдѣлаешь? Двигай, ребята!—и толпа, чувствуя себя правой и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяиномъ положенія, съ шумомъ и крѣпкими словцами высыпала изъ конторы.

На дворѣ, у дверей конторы ждали бабы: кто дачки, а кто—своихъ мужей, чтобы урвать у нихъ хоть нѣсколько грошей на семью; но когда узнали суть дѣла, то тоже загалдѣли: шумъ и крики понеслись по всей фабрикѣ, и кучи народа все плыли и плыли по направленію къ кабаку. Неизвѣстно, начальство ли убѣдило заранѣе кабатчика, или ужъ онъ самъ струсилъ, только пронесся слухъ, что водки въ кабакѣ мало, и хотя это не остановило рабочихъ, потому

что сейчасъ же были наряжены послы за ней въ деревню, гдѣ были кабаки, но всетаки же много принести ея было нельзя, и это нѣсколько сдержало разгулъ. Тѣмъ не менѣе всю эту ночь на фабрикѣ слышны были крики и пѣсни. Полицейскіе не смѣли показать уже и носа; директора и всякое начальство тихо сидѣло по своимъ квартирамъ; ночныя работы тоже остановились...

На другое утро дѣвки и нѣкоторые ткачи изъ ближнихъ деревень собрались въ ткацкую и принялись было за работу, но толпа не допустила; грозно набросилась она на нихъ, порвала основу, перебила рамы и разогнала всѣхъ. Отъ страха многія дѣвки повыпрыгивали изъ оконъ и получили ушибы, а солидные изъ окрестности ткачи спѣшили отъ грѣха скорѣе выбраться съ фабрики. Работы вездѣ пріостановились; хозяинъ же все не показывался. Чтобы какъ нибудь наладить дѣло, фабричный инспекторъ, прибывшій еще наканунѣ на фабрику, захотѣлъ повліять на рабочихъ и ихъ пригласили къ хозяйскому крыльцу, съ котораго онъ и повелъ свою рѣчь, всячески убѣждая всѣхъ успокоиться и въ избѣжаніи отвѣтственности, приняться за работу. Сначала толпа слушала довольно внимательно и спокойно, но когда рѣчь зашла объ отвѣтственности, то раздались многіе и рѣзкіе голоса:

— Отъ васъ только это и слышишь; ты вели прежде наши заработки то отдать, а тогда и пужай... Чиновникъ заговорилъ что-то еще; но его уже не слушали и шумъ усиливался.

— Молчать! Крикнулъ онъ, выйдя изъ себя и надѣясь этимъ окрикомъ осадить напиравшую толпу.

— Самъ молчи, красная шапка, заревѣли въ толпѣ, и инспекторъ быстро скрылся. Въ слѣдъ ему понеслись свистъ и ругательства. Толпа росла, все болѣе и болѣе, она то соединялась, то расплывалась по всѣмъ улицамъ и переулкамъ и видимо сознавала себя хозяиномъ положенія. Вмѣстѣ съ этимъ учащались пьяные крики и безобразія. Сшибли въ канаву какую-то старуху и чуть не затоптали ее. Въ сумерки уже пробирался осторожно изъ своей квартиры одинъ изъ молодыхъ директоровъ вмѣстѣ съ беременной женой и неожиданно наткнулся на цѣлую компанію человѣкъ въ пятьдесятъ.

Толпа окружила его и сначала точно не замѣчая, то одинъ, то другой, стали поталкивать и какъ бы нечаянно задѣвать его локтями и черезъ минуту директоръ уже какъ мячикъ перелеталъ среди смѣха и грубыхъ шутокъ, то въ одну, то въ другую сторону.

Блѣдный и не помня себя отъ страха, онъ только жалобно лепеталъ: „братцы, братцы, пустите, простите!“ и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась вся эта игра, еслибы вдругъ со слезами и отчаяннымъ воплемъ о пощадѣ не вмѣшалась жена несчастнаго и не вымолила отпустить ихъ на свободу.

Съ этимъ пошутили только мимоходомъ, а искали другаго, которому хотѣли съ лихвой отплатить за всѣ его прежнія придирки и строгости; но тотъ постоянно перебѣгалъ изъ дома въ домъ и почти преслѣдуемый попятамъ бросился въ квартиру акушерки и на колѣняхъ умолялъ ее спасти его. Та спрятала его въ своей спальнѣ подъ кровать. Почти слѣдомъ ворвалась въ казарму цѣлая толпа и застучала въ дверь акушерки. Но храбрая дѣвушка не растерялась: она смѣло вышла къ толпѣ.

У меня нѣтъ того, кого вы ищите, повела она рѣчь, можете хоть обыскать, если только захотите срамить меня— честную дѣвушку. Но попомните, видалъ ли изъ васъ кто отъ меня худо; не вашихъ ли ребятъ я обмывала да принимала, не за вашими ли женами ухаживала по цѣлымъ ночамъ?.. За что же вы теперь срамить меня хотите на всю фабрику... Побожьи ли дѣлаете?..

Правда, правда!.. Ты мать наша, крикнули многіе голоса... Вонъ ребята отсюда... Все равно тотъ собака, не уйдетъ отъ насъ и толпа быстро оставила казарму.

Совсѣмъ уже стемнѣло, но во всѣхъ рабочихъ казармахъ горѣли огни и окна дрожали отъ сотенъ пьяныхъ голосовъ, пляски, ругани и воплей бабъ и перепуганныхъ ребятишекъ. Въ одной коморкѣ завязалась пьяная ссора изъ-за какого-то сундука, затѣмъ драка и черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ ссорящихся уже валялся на полу съ распоротымъ животомъ и его потащили въ больницу. Жутко становилось на фабрикѣ. Носились уже слухи, что на завтра примутся за лабазъ и разное фабричное начальство.

Въ тотъ же день вечеромъ я зашелъ къ Дубовой провѣ-

дать и подѣлиться всѣмъ, что накопилось на душѣ за это время.

Сверхъ ожиданія тамъ же оказалась и Скороходова, тотчасъ же прискакавшая къ своему другу, какъ только узнала, что творится на фабрикѣ; тутъ же былъ и отецъ Афанасій, заглянувшій къ ней на минуту.

Онъ пріѣзжалъ въ фабричную больницу напутствовать того рабочаго, которому въ этотъ день, во время пьяной ссоры товарищъ пропоролъ ножомъ животъ.

Замѣтно было, что всѣ они находились подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ дней.

Отецъ Афанасій о чемъ-то грустно задумался, Скороходова была блѣдна и сурово молчала, а Дубова ходила по комнатѣ и, сильно разстроенная и возбужденная, горячо говорила что-то.

Это была повѣсть о всемъ пережитомъ ею за это время. Она разсказывала о томъ чувствѣ безсилія и одиночества, которое охватило еще при видѣ всего совершавшагося, о той тревогѣ, чуть не страхѣ не за свое внѣшнее, не за безопасность, а за свое внутреннее, за ту мертвенную непригодность нашего интеллигентнаго человѣка въ положеніяхъ, подобныхъ настоящему. По совѣсти могу сказать, говорила она, я дѣлала на своемъ мѣстѣ все, что могла; я старалась раздуть въ душѣ дѣтей тѣ искры божія, которыхъ не лишена ни одна душа человѣческая. Это былъ непрерывный трудъ нѣсколькихъ лѣтъ и вотъ, только на минуту всколыхнулась почва и я не вижу уже никакихъ слѣдовъ своего дѣла, а напротивъ ясно убѣждаюсь, что оно скользило только по поверхности, что все это была лишь одна только игрушка, одинъ красивый обманъ, который тотчасъ же потонулъ въ морѣ тьмы и тяжкихъ долгихъ обидъ, мрачная сила которыхъ одолѣваетъ все... Ахъ какое это внушительное предупрежденіе всѣмъ намъ, благодушествующимъ просвѣтителямъ, всему нашему эгоизму и барской благотворительности, воскликнула она съ горечью.

— Что подѣлаешь, развелъ сокрушенно руками отецъ Афанасій... Молиться больше надо, почаще къ Богу прибѣгать...

— На фабрикѣ Его уже давно забыли, мрачно вставила Скороходова.

— Ахъ, что ты это говоришь, со страхомъ воскликнулъ тотъ. Развѣ это можетъ быть, чтобы вездѣ и во всемъ безъ вѣры?.. Нѣтъ! есть еще богомольные и усердные люди! Качалъ онъ головой.

— Полноте, батюшка, горячо перебила его Дубова. Я вѣдь не про исключенія говорю. Зачѣмъ мы будемъ обманывать себя. Ваше дѣло терпитъ туже участь, какъ и наше. Ну, скажите, гдѣ, гдѣ вы видите на фабрикѣ эту вѣру? Въ нынѣшнихъ событіяхъ что-ли, горько усмѣхнулась она; въ семьѣ рабочаго, въ его быту и жизни, или во всей постановкѣ фабричнаго дѣла, въ трудахъ хозяина, въ здоровьи рабочихъ, въ растлѣніи дѣтей?.. Тутъ что-ли любовь и свѣтъ христіанства?.. Полноте, полноте, махнула она рукой... Нѣтъ!.. фабрика не добрая почва для дѣла Христова.

— Что же тутъ сдѣлаешь, что нужно тутъ дѣлать людямъ, подобнымъ намъ, горячо обратилась она къ священнику и на глазахъ ея заблестѣли слезы.

— А отъ чего, отъ чего все это?.. воскликнулъ съ горемъ добрякъ. Отъ злого невѣрія лишь...—Я то и говорю ..

Но Дубова уже не слушала его, а уткнувшись головой въ оконную раму, безутѣшнымъ взоромъ смотрѣла въ непроглядную тьму фабричной ночи.

Мы вышли съ отцомъ Афанасьемъ вмѣстѣ и онъ предложилъ довести меня до дома.

Куда пойдешь въ этакую тьму, говорилъ онъ съ тревогой, еще пожалуй на пьяныхъ наткнешься...

Мы двинулись тихой рысцей.

Темная ночь охватила уже всю фабрику. Громадные корпуса стояли не освѣщенные и мрачные, на улицахъ ни одного зажженнаго фонаря; но въ этомъ мракѣ слышались порой пьяная ругань и хриплыя пѣсни; кучки полупьяныхъ рабочихъ появлялись и исчезали въ этой тьмѣ.

Однако, какова, другъ мой сила этого рубля, заговорилъ дорогой послѣ долгаго молчанія отецъ Афанасій. Все было, кажется, тихо и хорошо, а пошатнулся онъ, рубль то въ карманѣ у хозяина и Богъ знаетъ, что сталось!.. Точно осатанѣлъ весь народъ.

Да, правду сказалъ отецъ, думалось мнѣ. Вотъ какова сила этого рубля. Оказывается онъ, только онъ одинъ обезпечивалъ и миръ и трудъ и порядокъ; онъ только давалъ правильный ходъ той громадной и сложной машинѣ, которая завертѣла и перемалываетъ людскую плоть и душу. Рубль и его благополучіе, — въ этомъ вся жизнь, весь ея смыслъ, мораль и порядокъ, и бѣда, если пошатнется этотъ рубль.

XI.

Ферма была, конечно, въ сторонѣ, но тѣмъ не менѣе всѣ рабочіе были сильно заинтересованы ходомъ фабричнаго дѣла. Безпрестанно то тотъ, то другой изъ нихъ уходили на фабрику и возвращались оттуда съ кучами новостей, съ возбужденными лицами и съ горящими глазами, особенно у молодыхъ.

— И что дѣлается на фабрикѣ, страсть, разсказывали они, прислушиваясь къ гулу и взрывамъ пѣсенъ доносившимся къ намъ изъ за рѣки... Разошелся народъ, а сказываютъ скоро еще и не то будетъ, прибавляли они многозначительно...

— Чего добраго, пожалуй, и намъ скоро гостей къ себѣ надо будетъ ожидать, замѣтилъ я поэтому поводу.

— Оч-чень просто, авторитетно отозвался Михаилъ Петровичъ, попыхивая изъ своей носогрѣйки. И препожалуютъ!..

Вы еще не знаете, Николай Павловичъ, какіе изъ нашего брата огарки бываютъ... Такимъ все нипочемъ!..

Чѣмъ же теперь рѣшатъ съ Гарасимомъ Ивановымъ *), приставали ко мнѣ молодые. Слухи ходятъ, будто плохо будетъ ему: слышишь, и всю фабрику у него отберутъ за это?..

А кончится тѣмъ, отвѣтилъ я, что коли не уймутся скоро сами, такъ пришлютъ кого слѣдуетъ и перепорятъ всѣхъ...

Ну, нѣтъ, сомнительно качали головой мои собесѣдники. Можетъ ли это быть? Какъ же такъ?.. Онъ же, примѣрно, денегъ за работу не платитъ, а вы говорите, перепорятъ... Какіе же такіе это права?..

---

*) За глаза рабочіе никаго не величали на „ичъ“.

А оч-чень просто подтвердилъ прежнимъ тономъ и сплёвывая на сторону, Михаилъ Петровичъ. Такъ-то всыплятъ, другъ любезный, что дня три не сядешь послѣ. Это дѣло самое обыкновенное, потому глотку то не дери, да не безобразничай.

На другой день, съ ранняго утра, разнеслась повсюду вѣсть, что ѣдетъ хозяинъ. Дѣйствительно, вотъ прокатила къ станціи хозяйская коляска, а за ней повалила въ слѣдъ и густая толпа рабочихъ, растянувшись по всей дорогѣ.

Вся станціонная платформа и дворъ были запружены народомъ. Тутъ были: и мужчины и бабы, и подростки и даже малые ребята. Толпа держала себя скромно и прилично. Полиція и фабричное начальство все было на лицо и ожидало въ конторѣ начальника станціи.

Наконецъ, вдали протянулъ свистокъ и вскорѣ поѣздъ плавно подошелъ къ станціи.

Директора шмыгнули къ вагонамъ и черезъ секунду въ дверяхъ вагона 1-го класса показалась полная и солидная фигура хозяина. Онъ видимо, старался держаться свободно и спокойно, но его выдавали блѣдное лицо и голосъ, въ которомъ слышались напряженность и тревога, когда онъ отвѣчалъ на привѣтствіе своихъ директоровъ.

При появленіи Гарусова, народъ, молча заколыхался, но когда хозяинъ на ходу приподнялъ шляпу, изъ толпы вдругъ грянуло оглушительное: у-р-ра!.. отъ котораго лицо Гарусова мгновенно сдѣлалось бѣлѣе полотна. Въ этомъ «ура» слышались такое издѣвательство и насмѣшка, такое презрѣніе, которыя сейчасъ же могли перейти въ бурю негодованія. Директора и жандармы какъ-то невольно сдвинулись около Гарусова и онъ чуть не бѣгомъ бросился черезъ станцію на другой подъѣздъ, гдѣ стояла его коляска. Но ѣхать скоро не было никакой возможности: толпа была вездѣ, вплоть до его дома, она тѣснила экипажъ со всѣхъ сторонъ, хваталась за колеса, заглядывала въ лицо хозяина и съ свистомъ, съ хохотомъ и ревомъ выкрикивала свое «ур-ра!» Оглушенный, съ помертвѣвшимъ лицомъ, Гарусовъ, наконецъ, не выдержалъ: онъ выхватилъ свой платокъ и почти задыхаясь, закрылъ имъ лицо.

Такъ онъ доѣхалъ до дому и разбитый, еле переводя духъ,

бросился въ кресло. Онъ однако сознавалъ, что требуется быстрое рѣшеніе и потому, придя немного въ себя, распорядился, чтобы весь народъ собрался на площади къ главному корпусу, куда онъ пріѣдетъ самъ.

Толпа, которая уже стала собираться къ его дому, быстро отхлынула на площадь и запрудила ее... Черезъ полчаса показалась хозяйская коляска; въ ней былъ только одинъ Гарусовъ.

Медленно она въѣхала съ самую середину раздавшейся толпы и остановилась.

Хозяинъ всталъ въ ней, выпрямившись во весь ростъ, по прежнему блѣдный и, видимо, взволнованный и оскорбленный. Народъ молча окружилъ экипажъ.

— Ребята!--заговорилъ онъ громко, и голосъ его дрогнулъ. Скажите мнѣ по совѣсти: обманывалъ-ли я кого-нибудь изъ васъ, обижалъ-ли когда?.. Помните, когда мука была по 2 рубля за пудъ, набавилъ-ли я хоть копѣйку противъ прежней цѣны?.. Когда кто-нибудь изъ васъ бывалъ въ нуждѣ и обращался ко мнѣ за помощью, развѣ я отказывалъ? Развѣ не я понастроилъ вамъ въ деревняхъ школъ; развѣ не я плачу учительницамъ; развѣ я тяготилъ васъ штрафами, какъ другіе, или тягалъ по начальству?.. И вотъ теперь за все это мое добро какъ отблагодарили вы меня!.. Спасибо! Спасибо, братцы!—крикнулъ онъ, и въ его горлѣ что-то заклокотало и захрипѣло...—Вѣдь вы голову съ меня сняли; вы осрамили меня теперь на всю Россію, поймите, осрамили!..—закричалъ онъ какъ-то дико, ударяя себя въ грудь, и слезы гордости и стыда вдругъ выступили у него на глазахъ...

Онъ замолчалъ и, тяжело дыша, выхватилъ платокъ и сталъ обтирать ѣдкія слезы, сверкнувшія у него на глазахъ, и потъ, крупными каплями проступившій на лбу.

Толпа тоже молчала; но черезъ секунду или двѣ въ ней сдѣлалось движеніе, и изъ среды ея выступили впередъ, прямо къ коляскѣ четыре человѣка. На площади совсѣмъ стихло...

— Мы васъ, хозяинъ,—заговорилъ вѣжливо, но твердо одинъ изъ нихъ,—не срамимъ... Это совсѣмъ вы говорите напрасно... А мы народъ бѣдный; намъ ѣсть нечего; у насъ

нужда кругомъ, и мы своего хотимъ, а не твоего, Герасимъ Иванычъ. Тебѣ вотъ стыдно, говоришь ты, у тебя нехватка вышла. Ну, а у насъ-то, хозяинъ, что? Подумай! Выверни карманы-то наши. У кого больше?

Въ толпѣ пронесся одобрительный гулъ.

— Я вамъ вотъ что теперь скажу,—началъ опять Гарусовъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ и понявшій, что пререкаться на этой почвѣ не слѣдуетъ.—Всѣ деньги, какія кому приходятся, вы получите сегодня же; идите въ контору... Ну, а что же вы-то мнѣ скажете, напримѣръ, на счетъ прогула и прочаго...

— Нѣтъ,—хозяинъ,—заговорили вдругъ на это сотни голосовъ,—нѣтъ! На это не пойдемъ, въ прогулахъ мы не виноваты: мы бы работали, кабы ты деньги платилъ. Даромъ никто своего не отдастъ! У насъ капиталы-то одни горбы наши...

И толпа вновь загалдѣла и зашумѣла.

— Ну, ладно, ладно!—громко заговорилъ хозяинъ.—Богъ съ вами! Убытокъ вы мнѣ сдѣлали большой, сраму еще больше. Богъ съ вами! Я все это прощаю. Слышите?—крикнулъ онъ.—Про-о-щаю!.. Но только, чтобы сейчасъ же взяться за работу...

— Намъ больше убытковъ-то было,—кричали въ толпѣ,—а отъ работы мы не отказываемся: плати только!..

— Вотъ что позвольте еще сказать вашей милости,—заговорилъ опять прежній рабочій.—Чтобы все было уже по чести; значитъ, чтобы никакихъ ни съ кого взысканій не было и никого не увольнять за это самое дѣло, потому тутъ виноватыхъ нѣтъ... Такъ-ли, ребята?—обернулся онъ къ толпѣ.

— Никого, никого чтобы!—заговорили всѣ чуть не въ одинъ голосъ,—чтобы всему дѣлу тутъ же и конецъ. Говори теперь же, Герасимъ Иванычъ, а безъ того и на работу не пойдемъ...

Гарусовъ задумался, но потомъ поднялъ голову и проговорилъ:

— Даю вамъ честное слово, что никого судомъ преслѣдовать не стану...

— А увольнять, увольнять не станешь? — неслось изъ толпы.

— Ну, ужъ такъ и быть, не стану,—махнулъ онъ рукой,— Богъ съ вами! Только сейчасъ же за работу! Слышите?— возвысилъ онъ уже по-хозяйски свой голосъ.—И чтобы все было тихо и смирно...—И онъ сѣлъ.—Прощайте!—кивнулъ онъ имъ головой.

Коляска тихо тронулась, а въ толпѣ опять понеслось: „у-ура“...

Опять поблѣднѣло лицо хозяина; на немъ показалась нехорошая, презрительная улыбка, и Гарусовъ велѣлъ ѣхать скорѣе.

Дорого стоило ему это объясненіе. Внутри его такъ и душило, онъ обмахивался платкомъ, а голова трещала отъ страшной боли. Его сильно поломало.

Кромѣ того онъ боялся огласки и суда общественнаго; но боязнь эта была совершенно напрасная.

Наша либеральная пресса, должно быть ради старой памяти, не обмолвилась объ этомъ дѣлѣ ни единымъ словомъ, а консервативная пропустила его мимо ушей на основаніи излюбленнаго ею принципа замалчиванія.

Во всякомъ случаѣ нельзя уже было по прежнему утѣшаться своимъ благодушіемъ, и онъ тоже сталъ прозрѣвать, какъ не прочна связь, образуемая рублемъ. Одинъ и тотъ же рубль ударилъ и рабочаго, и хозяина,—но результаты этого удара были разные. Полуголодный и обездоленный человѣкъ хотя злобился и жестоко терпѣлъ, но внутри себя сознавалъ свою правоту, а съ ней и силу. Совершенно не то было съ хозяиномъ: этотъ ударъ попалъ ему прямо въ сердце, гдѣ былъ воздвигнутъ такой роскошный алтарь этому лукавому божеству, и вдругъ оно уходитъ, и храмъ пустѣетъ, темнѣетъ и колеблется...

Какъ бы то ни было, съ той поры всѣмъ стало кидаться въ глаза, что Герасимъ Ивановичъ уже не такъ громко и самоувѣренно говоритъ, какъ прежде, что онъ сдѣлался торопливъ, точно все куда-то спѣшилъ, еще болѣе похудѣлъ, сталъ ко всему равнодушенъ, и уже либеральныя слова не слетали болѣе съ его устъ...

Не соблюлъ Герасимъ Ивановичъ и своего слова, даннаго рабочимъ.

Черезъ нѣсколько дней уже послѣ этой исторіи онъ высказалъ къ свѣдѣнію своихъ директоровъ слѣдующее замѣчаніе:

— Все это дѣло мерзавцевъ, принятыхъ съ тепловской фабрики; это они и ораторствовали, пояснилъ онъ. Впредь, господа, прошу не брать оттуда ни одного человѣка, а этихъ непремѣнно удалить. Понимаете, при первомъ же подходящемъ случаѣ. И дѣйствительно, вскорѣ были уволены, и не только одни эти, но и всѣ, по мнѣнію начальства, говоруны и неблагодарные элементы. Воспользовались истекшимъ срокомъ ряды и подъ предлогомъ сокращенія работъ, выдали имъ разсчетъ и паспорта.

XII.

Нашу тихую ферму тоже посѣтило свое горе. Бѣдняга Михаилъ Ивановичъ схватилъ крупозное воспаленіе легкихъ, и его свезли въ больницу. Скорбная Наташа исхудала еще больше и на вопросъ о здоровьѣ мужа все тяжко вздыхаетъ, а иногда и тихо плачетъ.

— Ослабѣлъ совсѣмъ, кашель замучилъ, не пьетъ и не ѣстъ,—говоритъ она, тихо всхлипывая.—Что и будетъ, что будетъ ужъ? Одинъ Господь знаетъ!

Всѣ товарищи, не тотъ такъ другой, навѣщали Михаила Ивановича чуть не каждый день. Пошелъ и я какъ-то. Тамъ была уже Наташа, Василій Ефимовъ и Иванъ Васильевъ.

Страшно измѣнился бѣдняга, надежды на поправку, кажется, никакой. Онъ тяжело дышалъ и еле говорилъ.

— Ты бы поѣлъ чего, родимый,—съ сочувствіемъ промолвилъ Иванъ Васильевъ.—а то, вишь, съ лѣкарствъ-то ослабѣлъ совсѣмъ. Съѣшь, вотъ, хоть лепешечку-то,—указалъ онъ на лежавшую на столикѣ ржаную лепешку.

— Охъ! Не могу,—тихо и задыхаясь отвѣчалъ больной.—Совсѣмъ нутро не принимаетъ.

Серьезно и тихо смотрѣли товарищи на Михаила Петровича, и затѣмъ Шипуновъ, жалостливо вздохнувши, вымолвилъ душевно:

— Да, милый другъ, Михаилъ Петровичъ, видно уже не встать тебѣ больше!..

— Гдѣ ужъ встать?..—сочувственно подтвердилъ Иванъ Васильевъ.—Не къ тому ужъ видно дѣло идетъ... Про-о-щай, милый другъ!..

Они говорили это просто и задушевно; просто и смиренно слушалъ ихъ рѣчи и больной. Всѣ они какъ будто отлично сознавали, что сама смерть есть дѣло великое и простое, не допускающее въ своей величественной простотѣ никакого лукавства и укрывательства.

— Прощайте, други! Простите меня грѣшнаго,—еле вымолвилъ имъ вслѣдъ умирающій.

Я тоже простился. Осталась одна Наташа, блѣдная и безмолвно пріютившаяся въ ногахъ на его постели.

Но не долго и ей уже пришлось потрудиться. Прошло 4 дня, и Михаила Петровича не стало. Отецъ Афанасій самъ пріѣхалъ поднять его тѣло, и всѣ обитатели фермы заходили проститься съ покойникомъ. Онъ уже былъ вынесенъ въ часовню, находившуюся тутъ же около больницы. Худенькій съ измореннымъ, но тихимъ лицомъ и въ бѣлой рубахѣ лежалъ покойникъ на столѣ среди часовни. За часовней, впрочемъ, было только одно имя, а въ сущности это былъ просто плохенькій сарайчикъ, сбитый кое-какъ изъ досокъ, съ голыми стѣнами и съ длиннымъ столомъ посрединѣ. Ни образа, ни лампады—ничего не поставилъ тутъ хозяинъ: обо всемъ этомъ предоставлялось заботиться каждому, какъ угодно. Слабая досчатая дверь не только не запиралась, но даже и плохо притворялась; нерѣдко забѣгали туда собаки, заходили куры и вездѣ бѣгали крысы. Большимъ соблазномъ была эта часовня для народа, и изъ устъ рабочихъ часто вырывались горькія фразы:

— Господи, Господи! Словно мы не люди, а собаки какія! Неужто хозяину денегъ жалко, чтобы устроить часовенку по Божьему...

Отецъ Афанасій, кажется, уже могъ привыкнуть къ этому сараю, но и у него при входѣ туда навернулись горькія слезы. За то же и слова панихиды полились послѣ того изъ устъ его такъ торжественно, такъ глубоко благоговѣйно, что сарайчикъ показался какимъ-то свѣтлымъ большимъ храмомъ,

гдѣ дышетъ всеоживляющая вѣра и молитъ и вопіетъ къ Владыкѣ жизни о прощеніи и мирѣ тамъ, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханій...

Тѣ же рабочіе-товарищи снесли покойника и въ церковь, и на кладбище...

— Царство ему небесное и вѣчная память,—говорили они набожно крестясь и отходя отъ могилы...—Безобидный и тихій былъ человѣкъ, царство ему небесное!..

Эта тихая, убогая смерть собственно никого не поразила, не раздавила отчаяніемъ даже и молчаливую Наталью Митревну. Всѣ знали, что это—Божья воля, всѣ знали, что каждый день есть опять день неустаннаго труда, пока и ихъ не успокоитъ Богъ; а тѣмъ не менѣе всѣ чувствовали ту пустоту, которую всегда оставляетъ послѣ себя умершій человѣкъ, и долго были серьезны и молчаливы... Тутъ смерть не пугала, а, напротивъ, какъ-то поднимала и оздоравливала души живущихъ.

Впрочемъ, и помимо этого радоваться было совершенно нечему. Положеніе хозяйскихъ дѣлъ стало что-то замѣтно отражаться и на обывателяхъ фермы. Какъ-то не видно прежней веселости и спокойствія, и рабочіе задумываются. Да какъ и не задумываться?..

Вотъ свелъ было Богъ всѣхъ, пріютились, отдохнули отъ фабричнаго яда; вонъ и ребятишки, поздоровѣли, а теперь, пожалуй, опять на горе горькое, на фабричное, да и то еще какъ Богъ дастъ!

— Правда ли, Николай Павловичъ, — спрашиваютъ они меня,—что на фабрикѣ новый хозяинъ будетъ?

— Не знаю, — отвѣчаю я. — А вы развѣ слышали отъ кого?..

— Да такъ, болтаетъ народъ, будто ужъ очень много задолжалъ Герасимъ Ивановичъ, такъ что, вишь, и кишокъ не хватитъ на расплату.

— Слыхалъ и я это, только, впрочемъ, вѣрнаго еще ничего нѣтъ.

— Да-а!—говорили они въ раздумьи,—плохо и намъ тогда будетъ... Чай прикончитъ новый-то все, говорятъ, куда какъ прижимистъ...

На фабрикѣ тоже унынie. Начальство какое-то вялое и

ходитъ повѣся носъ. Всѣ они какъ-то многозначительно пожимаютъ плечами. Слухъ о громадномъ долгѣ Гарусова точно и подтверждается, называютъ даже цифру этого долга, равную одному милліону. Если все это правда, трудно выпутаться Герасиму Ивановичу. Кажется, однако, болтаютъ много лишняго. Сегодня пріѣхалъ на фабрику Гарусовъ, и всѣ получили на завтра приглашеніе пожаловать на закладку какой-то чудовищной трубы слишкомъ въ 35 саженъ вышины. Говорятъ, что постройка ея обойдется въ 30 тысячъ. Съ какой стати дѣлать такую крупную затрату, если надо расплачиваться съ неотложными долгами? Ясно, что дѣла не особенно плохи, и многіе врали.

Утромъ, часовъ въ 10, собрались всѣ на торжество закладки. Отецъ Іосифъ, приходскій священникъ, отслужилъ молебенъ, фабричные пѣвчіе лѣзли изъ кожи вонъ и ревѣли отъ полноты сердца и глотки; по окончаніи молебствія, Гарусовъ важно положилъ первый кирпичъ, сунувъ подъ него предварительно золотой, то же повторили нѣкоторые изъ высшаго начальства, и, затѣмъ, вся публика была любезно приглашена хозяиномъ на завтракъ. Завтракъ былъ скромный, вино тоже изъ дешевыхъ, но въ изобиліи.

Конечно, толковали много о тѣхъ сбереженіяхъ, которыя сдѣлаетъ эта труба въ топливѣ, доказывали, что при помощи ея горѣніе будетъ совершенно бездымное; любители статистики и самъ хозяинъ разсчитывали размѣры этихъ сбереженій, переводили ихъ на каждый аршинъ ситца, и, по мѣрѣ того, какъ подливалось вино, эти разсчеты все дѣлались полнѣе и нагляднѣе, явилось веселое оживленіе, и съ шампанскимъ начались тосты: и за хозяина, и за преуспѣяніе россійской техники, и за точныя науки и, наконецъ, даже за трубу.

— Господа!—вдругъ громко и весело заговорилъ сильно раскраснѣвшійся и немного охмѣлѣвшій хозяинъ,—Все это отлично!.. Эти будущіе успѣхи... Но только какъ бы намъ черезъ эту самую трубу да не вылетѣть всѣмъ въ трубу!.. Вотъ штука-то будетъ!..—И онъ громко захохоталъ отъ своей остроты, да потомъ вдругъ и утихъ. Вся публика, хотя и порядочно выпившая, тоже смолкла и какъ-то сконфуженно и криво улыбнулась. Сконфузился и самъ хозяинъ отъ

такого экспромпта, а батюшка, отецъ Іосифъ, до сихъ поръ не издававшій ни единаго звука, остро и бѣгло оглянулъ всю публику и затѣмъ, опустивъ глаза въ тарелку, скромно и неожиданно крякнулъ среди всеобщей тишины Кто-то попытался было завести разговоръ о постороннихъ дѣлахъ, другіе схватились было тоже за этотъ якорь, но оживленіе и непринужденность уже куда-то исчезли; хозяинъ сдѣлался молчаливъ, и всѣ съ радостью, наконецъ, поднялись изъ-за стола.

— Господа! Черезъ три часа я уѣзжаю,—объявилъ Гарусовъ.—Если кому что нужно, прошу пользоваться временемъ.

Я именно воспользовался этимъ предложеніемъ и спросилъ объ отчетѣ.

— Право, ничего не могу вамъ сказать относительно его,—отвѣтилъ онъ скороговоркой и смотря куда-то въ сторону.—Я передалъ его въ правленіе. Узнайте тамъ.

Это была новость, такъ какъ прежде мои отчеты разсматривалъ самъ хозяинъ, и я имѣлъ дѣло всегда только съ нимъ.

Наконецъ, я получилъ почтой оффиціальную бумагу изъ правленія по поводу моего отчета. Бумага была подписана не Гарусовымъ, а другимъ лицомъ, и въ ней совершенно голословно ставилось мнѣ на видъ, что въ послѣднее время расходы фермы якобы ненормально возросли, а доходы сильно убавились и т. д. Ясно, что со мной хотѣли поссориться. Конечно, я тотчасъ-же послалъ подробное объясненіе, но оно осталось безъ отвѣта. Правда, и отвѣчать было нечего, ибо дѣло говорило само за себя, но правленіе сдѣлало такой видъ, что оно не желаетъ вступать въ пререканія и, такъ сказать, совершенно игнорируетъ меня. Ну, и прекрасно! Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ одно: надо какъ можно скорѣе складывать свой багажъ и убираться отсюда. Пора, давно пора!.. Какъ только справлюсь съ весенними работами, сейчасъ-же поѣду въ городъ и распрощусь съ своимъ патрономъ, покровителемъ отечественной агрикультуры, а главное—съ этой фабрикой, которая положительно не даетъ мнѣ покоя, доводитъ меня до тоски, до раздраженія и душитъ, просто какъ какой-то кошмаръ.

Тамъ вѣдь, вправду, творится что-то необычайное. Всѣ

работы идутъ неимовѣрно вяло, и общее уныніе переходитъ теперь въ какое-то раздраженіе. Все расшаталось: и начальство, и рабочіе, а постоянное отсутствіе хозяина еще болѣе усиливаетъ это разложеніе. Почти всѣ директора перессорились, и дѣло доходитъ чуть не до драки.

Вчера В... едва не сбросилъ съ подмостокъ вновь строющейся трубы Гиршфельда и объявилъ ему съ пѣной на губахъ, что если тотъ позволитъ себѣ еще разъ явиться на стройку, то онъ спуститъ его внизъ головой.

Гиршфельдъ, конечно, сейчасъ-же помчался жаловаться... Нынѣче встрѣтилъ двухъ молодыхъ, новенькихъ техниковъ, желтыхъ какъ лимонъ; нервы ихъ издергались до невѣроятности.

— Надо бѣжать, бѣжать отсюда... — говорятъ они, задыхаясь и оба въ одинъ голосъ.

— Почему, куда?..—спрашиваю я.

— Хоть къ чорту!—кричатъ они, — потому что тутъ съ ума сойдешь, потому что здѣсь не жизнь, не трудъ, а какое-то самоубійство, безсмысленное, ужасное...

Хотѣлъ было ѣхать въ городъ къ хозяину, закончивши весеннія работы, но чувствую, что не могу дальше тянуть. Весь этотъ фабричный вой такъ и гудитъ въ моихъ ушахъ, такъ и стонетъ и отзывается даже физической болью... А эти праздники! Не дай Богъ, что творится тогда на фабрикѣ!.. Какъ разъ противъ нашего садика, черезъ рѣчку, на томъ берегу стоитъ небольшая еловая роща... Что тамъ дѣлается, такъ и сказать невозможно; но нынѣшній день какой-то исключительный. Съ самаго обѣда тамъ стоитъ невыносимый вой: то пьяныя пѣсни, то дикіе бабьи вопли. Эти вопли, наконецъ, такъ усилились и приняли такой тревожный характеръ, что вызвали на берегъ даже все населеніе фермы. И дѣйствительно, мы всѣ увидали тогда нѣчто невозможное. Изъ лѣса съ дикимъ крикомъ бѣжала совершенно нагая женщина прямо къ рѣчкѣ, а слѣдомъ за ней гнался съ неистовыми ругательствами пьяный фабричный. Онъ нагналъ ее уже на берегу, сшибъ однимъ ударомъ и затѣмъ какъ звѣрь принялся топтать и бить ее сапогами... И онъ билъ и неистовствовалъ, не взирая на всѣ крики съ нашей стороны, до тѣхъ поръ, пока несчастная окончательно не смолкла...

— Слышали, Николай Павловичъ, что дѣлается-то на фабрикѣ, говорилъ мнѣ на утро Шипуновъ. Вѣдь нынче Егору Кузьмину кишки выпустили.

— Какъ, что такое?—спрашивалъ я въ испугѣ.

— А такъ, отвѣчалъ онъ. Къ его дѣвкѣ, видите-ли, одинъ парнишко сватался. Такъ, ледащій такой, да пьяница; ну, отцу то, извѣстно, не хотѣлось дѣвку губить, онъ наотрѣзъ и отказалъ ему; тотъ грозить ему, да слово за слово, парнишко то, паскудникъ, взялъ да ножемъ его въ брюхо и пырнулъ. Вотъ каковъ народъ то нынче, Николай Павловичъ, со вздохомъ заключилъ Шипуновъ.

А черезъ нѣсколько дней слышу опять:

— Ай, ай, какія дѣла нынче стали творится на фабрикѣ.— что то прежде и не слыхивано было такихъ. Какъ вамъ кажется, нынче среди бѣла дня за сараемъ на самой фабрикѣ двое парней дѣвку изнасиловали.—Зачѣмъ, вишь, она манила обоихъ... Чисто осатанѣлъ народъ.

И вспомнилась мнѣ такая же недавняя фраза отца Афанасія: рубль пошатнулся и народъ сатанѣть сталъ.

Тоска просто ѣстъ меня. Сегодня-же ѣду въ городъ. Я пѣшкомъ отправился на вокзалъ и, чтобы не опоздать на поѣздъ, пошелъ черезъ фабрику. День стоялъ такой теплый, благодатный; но стоило только вступить въ границы фабричныхъ построекъ—вся благодать этой прекрасной весны куда-то исчезала. Этотъ воздухъ, пыльный и душный, пропитанный специфическимъ запахомъ фабрики, эти длинныя, темныя казармы, вытянувшіяся въ линію, пыльная мостовая— убивали всю красоту весны. Слава Богу, хоть народу на улицѣ нѣтъ: онъ теперь весь на гуляньѣ, т. е. у трактира; только на широкомъ крыльцѣ одной казармы топчется человѣкъ восемь раннихъ пьяныхъ. Слышна гармоника, нестройная пѣсня... Мнѣ приходилось идти мимо. Изъ-за угла показалась фабричная телѣжка; въ ней сидѣлъ отецъ Афанасій съ дьячкомъ. Телѣжка подъѣхала прямо къ крыльцу, гдѣ толпились пьяные; въ это же время и я подходилъ къ нему, но отецъ Афанасій смотрѣлъ встревоженно на толкущихся пьяныхъ и не замѣтилъ меня. Онъ быстро вылѣзъ изъ тележки и также скоро сталъ подниматься по ступенькамъ. Гармоника, однако, не смолкала. Какой-то шибко

охмѣлѣвшій парень, въ ситцевой разорванной рубахѣ, въ фабричныхъ кумачныхъ штанишкахъ и босикомъ топтался на одномъ мѣстѣ, подбрасывая босыми ногами и взмахивая руками. «А... а! и смерть пришла, помирать надо» дико выкрикивалъ онъ. Вся пьяная кучка рѣшительно не замѣчала священника, и только когда онъ уже взобрался на площадку крыльца и какъ-то торопливо и робко попросилъ посторониться, пьяницы какъ будто немного очнулись.

— Ба-а-тюшка, отецъ А-а-фанасій! Бла а-слови, — замычали двое-трое изъ нихъ и сунулись къ священнику съ сложенными крестомъ ладонями.

— Христосъ съ вами, Христосъ съ вами!—скороговоркой и боязливо заговорилъ онъ. — Пропустите со св. Дарами, Причастить умирающую. Грѣхъ, грѣхъ!.. И онъ, положивъ руку на грудь, старался поскорѣе проскользнуть къ дверямъ.

— Посторонись, пьяницы! — сурово замѣтилъ съ козелъ кучеръ.—Батюшка съ Причастіемъ... Тетка Агафья помираетъ!..

По пріѣздѣ въ городъ я тотчасъ-же отправился къ Гарусову, но уже не засталъ его дома. Сказали, что онъ уѣхалъ въ правленіе. Нечего дѣлать, надо отправляться туда, хотя навряд-ли тамъ будетъ удобно объясняться. Хозяинъ, дѣйствительно, былъ въ правленіи. Меня просили обождать въ пріемной, такъ какъ Герасимъ Ивановичъ теперь занятъ: у него сидитъ Бубновъ—извѣстный коммерческій тузъ, пояснили мнѣ. Пріемная была рядомъ съ кабинетомъ, въ которомъ велъ бесѣду хозяинъ съ своимъ гостемъ. Дверь въ кабинетъ была закрыта очень не плотно, и потому рѣчь бесѣдующихъ доносилась довольно ясно. Я полагалъ сначала, что толкъ идетъ о какихъ-нибудь серьезныхъ коммерческихъ дѣлахъ, но убѣдился, что ошибся. Разговаривали о скачкахъ, о томъ, какъ продулась на нихъ какая-то барыня; безпрестанно слышались остроты и самый веселый смѣхъ. Смѣялся и гость, смѣялся и хозяинъ и притомъ такъ искренно, такъ живо и бойко, что я и самъ усмѣхнулся.

— Ну, можетъ-ли быть,—подумалъ я,—чтобы хозяйскія дѣла были такъ плохи, что онъ не въ состояніи даже платить по векселямъ, какъ мнѣ нынче-же разсказывали даже

здѣсь, въ городѣ. Такъ весело не смѣются и не болтаютъ о пустякахъ люди въ подобномъ положеніи.

Вскорѣ двери отворились, показался именитый тузъ, а за нимъ Гарусовъ, бодрый и съ улыбающимся лицомъ.

— А-а! Вы ко мнѣ?—весело и живо спросилъ онъ, здороваясь со мной.

— Да!—отвѣтилъ я.

— Простите, теперь, право, не могу. Прошу васъ пожаловать въ пять часовъ въ мой домъ...

Все это проговорилъ онъ скороговоркой, на ходу, и, раскланявшись съ гостемъ, прямо изъ передней прошелъ черезъ другую дверь въ контору.

Ровно въ 5 часовъ я былъ у Гарусова.

— Они въ саду гуляютъ,—отвѣтилъ мнѣ человѣкъ.—Пожалуйте туда.

Только что я двинулся изъ калитки по садовой дорожкѣ, какъ на поворотѣ ея, на другомъ концѣ показался Герасимъ Ивановичъ. Я взглянулъ на него и положительно остолбенѣлъ. Ничего похожаго не было въ этой еле двигавшейся фигурѣ съ тѣмъ Гарусовымъ, котораго я видѣлъ только что 4 часа назадъ. Съ опущенной безсильно головой передвигался этотъ новый для меня человѣкъ, словно уничтоженный и раздавленный какимъ-то страшнымъ ударомъ, отъ котораго онъ никакъ не къ силахъ опомниться и подняться. Онъ даже слабо шатался изъ стороны въ сторону; руки его висѣли, какъ мертвыя плети, голова опустилась на грудь, а все лицо страшно осунулось, точно въ тяжкой болѣзни, и казалось старше лѣтъ на десять.

Мнѣ сдѣлалось чрезвычайно неловко, и я остановился. Я ясно теперь понялъ, что утренній его веселый разговоръ и смѣхъ—все это было только одной комедіей, искусствомъ показать людямъ другое лицо; что это невыносимое притворство и борьба самого съ собою идетъ уже у Гарусова не день, не два, а цѣлые мѣсяцы, и что вотъ здѣсь, въ этомъ саду, наединѣ, вся тяжесть этой борьбы выступила наружу, прорвала надѣтую маску, и остался только человѣкъ, какъ есть: разбитый, несчастный и еле дышущій отъ невыносимо уязвленной гордости, отъ невыносимой тоски и тягости своей неблагодарной роли и жестокой комедіи, кото-

рую онъ разыгрывалъ передъ всей публикой съ такимъ ловкимъ притворствомъ.

И зачѣмъ, зачѣмъ все это?..—подумалось мнѣ съ тоской и болью.

Шаговъ за пятнадцать Гарусовъ замѣтилъ меня, и я опять увидалъ въ его лицѣ, въ какомъ-то болѣзненномъ движеніи всей его фигуры, что ему надобно снова надѣть свою проклятую маску и вмѣстѣ страшно непріятно за присутствіе постороннаго человѣка. Онъ присматривался ко мнѣ, и вслѣдъ за этимъ у него пробѣжало какъ будто такое выраженіе: „слава Богу, это не представитель коммерціи... съ нимъ можно не ломать себя“...

И точно подъ вліяніемъ этой мысли, онъ, тихо и медленно подходя ко мнѣ, проговорилъ:

— Ахъ, это вы, Николай Павловичъ! Пойдемте въ кабинетъ...

Я пропустилъ его нѣсколько впередъ, и мы пошли молча. Тяжело и медленно, какъ больной, поднимался Герасимъ Ивановичъ по своей богатой широкой лѣстницѣ. Войдя въ кабинетъ, онъ также тяжело съ задержаннымъ вздохомъ опустился въ кресло. Я сѣлъ противъ него, и опять неловкое молчаніе. Все видѣнное просто отшибло у меня всякую способность говорить о чемъ бы то ни было. Наконецъ, Гарусовъ медленно и тихо проговорилъ свое обычное: „что скажете, Николай Павловичъ?“ Приэтомъ онъ взялъ со стола какое-то иллюстрированное изданіе и прикрылъ имъ свое лицо, дѣлая видъ, что разсматриваетъ гравюру.

Я объяснилъ тогда, что желалъ поговорить съ нимъ по поводу бумаги правленія и всего, что, по моему мнѣнію, должно слѣдовать изъ нея.

— Да, да! Знаю,—отвѣтилъ онъ мнѣ, откладывая въ сторону книжку и точно обрадовавшись, что нашлось, наконецъ, средство прервать это неестественное молчаніе и неловкость, которыя были за минуту назадъ.—Я читалъ ваше объясненіе и долженъ сказать,—растягивалъ онъ слова,—что не согласенъ съ вами... Ферма стоитъ намъ, дѣйствительно...—и онъ остановился, точно пріискивая слово...—Ну, да! дорого,—продолжалъ онъ уже живѣе.—Теперь положеніе дѣлъ во многомъ измѣнилось. Не то, что прежде. На-

примѣръ, вы пишите, что лабазъ ставитъ фермѣ свой овесъ въ ту же цѣну, что и вашъ... Какъ-же еще иначе?..

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Позвольте,—возразилъ я мягко,—но вѣдь вы-же знаете, что это былъ за овесъ, который отпускалъ лабазъ; вѣдь онъ былъ весь гнилой; вы видѣли это сами...

— Ну, что-же дѣлать?..—перебилъ меня Гарусовъ, принимая дѣловой тонъ и видъ:—всетаки же онъ намъ въ покупкѣ стоитъ столько-же, сколько и вашъ. Съ какой стати лабазъ будетъ терпѣть убытки?

— Простите, я васъ не понимаю, Герасимъ Ивановичъ, какъ-же не терпѣть, когда вещь потеряла всякую цѣну?..

Ну-у!..—протянулъ онъ недовольнымъ тономъ,—не всегда же и не весь онъ былъ такимъ. Да, вообще, я удивляюсь, Николай Павловичъ,—заговорилъ онъ какимъ-то непріятнымъ и задирающимъ тономъ, съ видимымъ желаніемъ поскорѣе дойти до развязки,—что это у васъ за манера цѣнить продукты фермы по ихъ рыночной цѣнѣ, добиваться какой-то идеальной разцѣнки отъ лабаза? Ферма принадлежитъ фабрикѣ, а вовсе не какое-нибудь самостоятельное хозяйство. Понимаете?.. А потому она должна и ставить свои продукты туда только по той цѣнѣ, во что обходится ихъ производство... Вотъ и все,—закончилъ онъ властно и съ замѣтнымъ раздраженіемъ.

Какъ ни склоненъ я былъ сначала извинять ему многое, но при видѣ такого задорнаго и неделикатнаго желанія во что бы то ни стало найти виноватаго, я вспыхнулъ.

— Жаль, что вы не говорили мнѣ цѣлыхъ 5 лѣтъ,—началъ я,—о такомъ новомъ способѣ разсчета, тѣмъ болѣе, что и ваша фабрика, кажется, не слѣдуетъ этому правилу, т. е. не продаетъ свой ситецъ по цѣнѣ, что стоитъ ей его выработка; да и лабазу вы сейчасъ-же рекомендовали брать съ фермы за гнилой товаръ даже всѣ убытки, понесенные отъ порчи его... Во всякомъ случаѣ, это было-бы интересное хозяйство...

Гарусовъ тоже вспыхнулъ и хотѣлъ что-то сказать...

— Извините,—перебилъ я его.—По моему, намъ не объ чемъ спорить и вамъ прибѣгать къ такого рода аргументамъ. Вся суть, вѣдь, въ томъ, что я вамъ больше не ну-

женъ... вотъ это и слѣдуетъ только сказать просто и прямо. Вы знаете, что именно это-то вы и хотите сказать мнѣ и понимаете, что и я самъ пришелъ затѣмъ, чтобы проститься съ вами...—И я поднялся съ кресла. Но только что я проговорилъ все это, какъ Герасимъ Ивановичъ совершенно измѣнился: онъ стихъ, какъ-то сконфузился и грустно наклонилъ голову.

— Да, Николай Павловичъ,—промолвилъ онъ тихо,—къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что вы уже не нужны болѣе нашей фирмѣ. Вѣрьте только,—и въ голосѣ его послышалось что-то искреннее и теплое,—что еслибы дѣло зависѣло отъ меня, какъ прежде, мы не разстались-бы никогда. Теперь-же я неволенъ въ этомъ: я уже болѣе не хозяинъ, а самъ только служащій на жалованьи.—Лицо его при этомъ опять затуманилось, онъ вздохнулъ и еще ниже опустилъ голову.

— Въ такомъ случаѣ, простимся съ пожеланіемъ всего добраго,—сказалъ я, поклонившись ему.—Черезъ недѣлю я постараюсь выѣхать съ фермы.

— Николай Павловичъ! Да за кого-же вы меня принимаете?—съ какимъ-то болѣзненнымъ возбужденіемъ и обидой въ голосѣ, воскликнулъ Гарусовъ.—Неужели вы думаете такъ худо обо мнѣ, что я могу поступать такъ съ людьми, чуть не гнать ихъ?.. Напротивъ, — продолжалъ онъ, — я думалъ, я хотѣлъ просить васъ закончить этотъ годъ и только тогда уже...—ему, видимо, было неловко сказать „оставить“, и потому онъ пропустилъ это слово.—Напрасно, напрасно вы говорите такъ... Поймите, не отъ меня инициатива...

Мы разстались дружелюбно. Гарусовъ провожалъ меня до лѣстницы и все просилъ не стѣсняться вопросомъ о времени моего отъѣзда.

Вскорѣ простился я и съ фермой и со всѣми ея обитателями и, напутствуемый ихъ искренними пожеланіями, выѣхалъ въ N...

Мѣсяца черезъ четыре я получилъ отъ Шипунова слѣдующее посланіе:

„Ваше Высокоблагородіе, Милостивѣйшій Государь, Николай Павловичъ!

Увѣдомляю вашу милость, что какъ вы только выѣхали съ фермы, такъ назначенъ былъ на ваше мѣсто смотритель за кучерами Катушкинъ и поселился въ вашей фатерѣ. Вамъ извѣстно, какой ругатель и собака онъ, отъ его ругательства и намъ всѣмъ житья не стало. Меня черезъ 3 мѣсяца, какъ огородъ убрали, отъ должности отставилъ, Акимъ Ивановъ въ отходники ушелъ, а Ивана Васильева тоже прогналъ, и старикъ, съ женой и Дуняшкой, побирается теперь Христовымъ именемъ. Всѣхъ рабочихъ посмѣнилъ, собака; кричитъ, что мы только съ вами лодырничали. Но и ему, ругателю, Богъ попомнилъ. Ваши плуги многолемешные всѣ поломалъ, потому велѣлъ ими лугъ поднимать... Мы было говорили, что при васъ они только на мягкой землѣ работали, да сѣмена задѣлывали, такъ онъ больно ругался, а по осени и ригу спалилъ. Велѣно теперь всю ферму нарушить и Катышкина вонъ гнать. Не долго нацарствовалъ злодѣй. Очень мы просимъ васъ, Николай Павловичъ, не забыть нашу бѣдность и взять куда-нибудь къ себѣ. Больно всѣ хотятъ. Акимъ Ивановъ и старикъ очень просили кланяться вашей милости и пожалѣть ихъ тоже. За симъ, желая вамъ и всему семейству вашему отъ Бога всего на пользу вашу, остаюсь покорнѣйшій вашъ слуга Василій Ефимовъ Шипуновъ“.

КРАЙ БЕЗЪ БУДУЩАГО.

(По заволжскимъ степямъ).

I.

Позапрошлой весной судьба кинула меня изъ Петербурга на Волгу—подъ самый Саратовъ. Мнѣ предстояла интересная работа: изслѣдовать въ торгово-экономическомъ отношеніи очень большой степной районъ, начиная отъ ближайшихъ къ Самарѣ пунктовъ самаро-златоустовской дороги по направленію къ Николаевску и оттуда на Малоузенскъ, Эльтонъ—вплоть до Царицына. Надо было подготовиться къ этой работѣ и предварительно запастись данными, имѣющимися въ печати.

Я поселился въ Покровской слободѣ. До открытія покровско-уральской желѣзной дороги Покровская слобода играла роль довольно заурядной хлѣбной волжской пристани, значительно уступавшей, напримѣръ, Балакову или Ровному; но съ устройствомъ ея она стала замѣтно и быстро перетягивать грузы этихъ и другихъ пристаней, отпускная торговля которыхъ начала съ тѣхъ поръ приходить въ упадокъ.

Покровская слобода растянулась по лѣвому берегу Волги, собственно по ея прорану Сазанкѣ, и смотритъ прямо на Саратовъ, лежащій немного пониже ея. Другъ отъ друга ихъ отдѣляетъ только Волга съ своими рукавами, или по здѣшнему проранами: „Сазанкой“ и „Тарханкой“. Но не веселитъ здѣсь что-то любимая россійская рѣка. Обыкновенно, какъ только сойдетъ водополье, на самой серединѣ ея выставляется, какъ хребетъ какого-то водяного чудовища, бѣлая песча-

ная отмель и затѣмъ быстро начинаетъ расти и расти. Верстъ на 5—7 протягиваются тогда ея бѣло-желтые пески, изрѣдка поростающіе кой-гдѣ лознякомъ, суживаютъ и разбиваютъ рѣку на двѣ части и разрушаютъ все ея величіе. Сазанка въ межень даже почти пересыхаетъ и еле-тянется какими-то лужицами застоявшейся и зацвѣтшей воды; правый песчаный берегъ ея выступаетъ все дальше и дальше, протягиваясь версты на полторы до коренной Волги и придаетъ самый унылый видъ всей побережной линіи. Если бы заросшій мелкимъ лѣскомъ и торчащій противъ самой слободы островъ, да не старыя осокори, уныло задумавшіяся среды сыпучаго песка на томъ же берегу коренной Волги, то человѣческому глазу рѣшительно не на чемъ было бы отдохнуть отъ утомленія, смотря на голые пески, да на блестящую полосу воды, немилосердно закидываемой тѣми же песками. Вода и не радуетъ, а напротивъ, вызываетъ тревожную мысль, что рано или поздно ее проглотитъ это отовсюду надвигающееся на нее мертвое песчаное море.

Если присоединить къ этому страшную, чисто тропическую лѣтнюю жару, накаливающую и воздухъ, и воду, и эти голодные пески; да еще темныя тучи пыли, которыя подъ именемъ саратовскаго дождя несутся со всѣхъ пригорковъ нагорной стороны и виснутъ надъ бѣдной рѣкой въ видѣ какой-то тонкой мглы, то чувство тревоги еще болѣе усиливается, и невольно спрашиваешь себя? Да гдѣ же то широкое раздолье великой рѣки, о которомъ поется въ нашей народной пѣснѣ? Не лжетъ же эта славная пѣсня? Но во всякомъ случаѣ и не сложилась бы она никогда въ настоящія времена этого всеобщаго волжскаго худосочія. Все лѣто нынче торчала у песковъ нескладная посудина, издали похожая на черепаху,—землечерпательная машина. Она высасывала какія-то милліардныя доли песчаныхъ заносовъ и тутъ же вновь выкидывала ихъ на бѣлыя отмели, съ тѣмъ, чтобы слѣдующей весной ихъ опять разнесло водой и отложило гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ: Эта дорогая и нескладная игрушка напоминала мнѣ, блаженной памяти, трубки, банки и прочіе ужасные инструменты покойной кровоочистительной медицины, и потому еще болѣе вселяла унылую мысль объ опасномъ положеніи больной рѣки...

Въ слободѣ, на 25 тысячъ жителей (лѣтомъ гораздо больше), всего только 1440 человѣкъ учащихся и 8 училищъ и нѣтъ даже прогимназіи или какой-нибудь технической школки. Зато въ этой же слободѣ имѣется два банка, страховое агентство, клубъ, въ которомъ много играютъ и очень мало читаютъ, и ни одной публичной библіотеки. Если взглянуть съ рѣки на линію громадныхъ хлѣбныхъ амбаровъ, растянувшихся на полверсты въ три ряда по берегу Сазанки, да на сосѣднюю съ ними площадь, сплошь обставленную каменными зданіями мѣстныхъ тузовъ, то всякій заѣзжій человѣкъ сразу же придетъ къ заключенію, что Покровская слобода изобилуетъ коммерческими людьми и крупными капиталами. Вмѣстимость всѣхъ хлѣбныхъ амбаровъ восходитъ до 20 милліоновъ пудовъ. Изъ этого уже можно заключить, какъ велики обороты Покровской слободы. Почти втеченіе всего года, помимо ея собственныхъ спекуляторовъ на хлѣбъ, она бываетъ полна пріѣзжими покупателями и комиссіонерами. Они пріѣзжаютъ сюда и изъ балтійскихъ портовъ, и изъ Варшавы, Москвы, Нижняго и другихъ мѣстъ. Не мала, конечно, и мѣстная торговля, для удовлетворенія потребностей собственнаго населенія слободы и близкихъ къ ней хуторовъ и селеній, а что касается хлѣбной торговли, то въ ней она перещеголяла даже и столицу Поволжья—Саратовъ. Несмотря на такіе избытки, крупный покровскій обыватель не только не подумалъ до сихъ поръ о лишней школѣ, но даже считаетъ совершенно излишней затѣей замостить свою торговую площадь съ насквозь пропитанною навозомъ и всякой всячиной почвою. Конечно, про какой-нибудь бульварчикъ нечего и вспоминать.

Главное населеніе Покровской слободы составляютъ малороссы; это бывшіе солевозы, поселенные здѣсь еще въ 1-ой половинѣ XVII вѣка и затѣмъ при Екатеринѣ II. При ней же явились тамъ и нѣмцы, такъ что собственно великорусы составляютъ въ слободѣ самый незначительный и, такъ сказать, пришлый элементъ. Интересно было наблюдать тѣ измѣненія, которыя потерпѣли въ Поволжьѣ германское племя и малороссы. Перемѣны эти безспорно бросаются сразу же въ глаза, и далеко не къ выгодѣ тѣхъ и другихъ. Какъ нѣмцы, такъ и малороссы безусловно вырождаются, утра-

чивая тѣ симпатичныя культурныя черты, которыя были свойственны имъ прежде. То добродушіе, мягкость и какая-то особенная поэтическая нѣжность, замѣтная даже въ рѣчи настоящаго малоросса, уже исчезли изъ сердца хохла-переселенца. Онъ заразился сквернословіемъ, пронырливостью и страстью къ безцеремонной наживѣ, маклачеству и всѣмъ соединеннымъ съ ними некрасивымъ пріемамъ. Даже лицо его измѣнилось къ худшему: оно огрубѣло, утратило свой добродушно-лѣнивый, казацкій видъ и обросло бородою; нигдѣ не увидишь цвѣтовъ на головахъ дивчатъ, или малорусскаго костюма; вконецъ сгибла и малороссійская пѣсня. Взамѣнъ ея, каждый вечеръ улицы слободы оглашаются какими-то неистовыми, звѣриными звуками: я долго принималъ ихъ за вопль и визги пьяныхъ бабъ, которыхъ кто-нибудь душитъ. «Нѣтъ, объяснили мнѣ, это парни выкликаютъ на улицу дамъ своего сердца». Пѣсенъ не слышно, а это уже вѣрный признакъ огрубенія. Вообще здѣшній хохолъ утратилъ даже память о своей прекрасной Украйнѣ. Тщетно въ разговорѣ съ нимъ вы будете пытаться вызвать какія-нибудь преданія о томъ, какъ и откуда переселились его дѣды и прадѣды: онъ ничего не знаетъ о прошломъ.

Несмотря на давнюю жизнь среди великорусскаго населенія, да еще подъ самымъ Саратовомъ, хохолъ не утратилъ пока своего языка, на которомъ, хотя и со многими руссицизмами, говоритъ и до сихъ поръ; но зато очень часто онъ весьма плохо объясняется по-русски, а въ женскомъ населеніи, особенно среди пожилыхъ, нерѣдко встрѣтить и вовсе не говорящихъ по-русски. Притомъ у хохловъ какая-то враждебность къ москалямъ. Я говорю, конечно, не объ интеллигенціи.

Не знаю, съ какимъ духовнымъ богатствомъ пришли въ слободу нѣмцы; но, по крайней мѣрѣ теперь, что-то не видно слѣдовъ его. Часть этихъ нѣмцевъ, которая принадлежитъ къ избраннымъ и составляетъ, такъ сказать, нѣмецкую аристократію, занимается главнымъ образомъ торговлей или владѣетъ крупными земельными участками, а другая и, конечно, наибольшая живетъ или въ услуженіи у тѣхъ-же лицъ, или перебивается кое-какъ въ мелкихъ мастерствахъ, или-же, наконецъ, прямо-таки нищенствуетъ. Аристократія

учитъ своихъ дѣтей въ гимназіи и реальномъ училищѣ, а бѣднота—въ своихъ школахъ, въ которыхъ хотя и требуется по программѣ обученіе русскому языку, а всетаки заѣзжій человѣкъ невольно бываетъ изумленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, не говоря уже о старикахъ, и молодые нѣмцы, а въ особенности нѣмки, часто не умѣютъ связать и двухъ словъ по-русски, или говорятъ какимъ-то невозможнымъ языкомъ. Жизнь не соединяетъ, а потому и въ школѣ русскій языкъ изучается какъ мертвый, съ тѣмъ, чтобы по выходѣ изъ школы забыть его или пользоваться имъ лишь настолько, насколько это требуется обыденными и самыми бѣдными сношеніями съ русскимъ элементомъ. И хохлы, и нѣмцы ведутъ свою жизнь совершенно особнякомъ. Они женятся только на своихъ, они и въ гости ходятъ почти только къ своимъ-же; вся ихъ внутренняя жизнь ведется и обмѣнивается только между своими, и потому хохолъ до сихъ поръ смотритъ недовѣрчиво, словно боится, что его задѣнутъ или обидятъ, а нѣмецъ мнитъ себя высшей расой и, усвоивъ весьма основательно россійскія манеры обращенія съ мужикомъ, гдѣ только можно обзываетъ его полной свиньей и невѣждой и съ презрѣніемъ воротится отъ него, если только не видитъ какой-либо выгоды.

Полтораста лѣтъ и болѣе живутъ всѣ эти люди вмѣстѣ въ самой глубинѣ Россіи и за такое долгое время не нажили сообща никакого нравственнаго добра, никакой симпатіи; нѣтъ у нихъ общаго идеала, кромѣ одного: купить, продать и нажить. Нѣтъ у нихъ ни общаго родного языка, а съ нимъ ни общей думы, ни любви и никакого великаго и дорогого для всѣхъ имени человѣческаго; словомъ, нѣтъ никакой общей духовной культуры, а между тѣмъ свое истинно хорошее и культурное они потеряли. Что теперь для здѣшняго нѣмца великія общечеловѣческія имена людей его прежней родины, что значатъ эти имена на почвѣ какого-нибудь Новоузенскаго уѣзда?.. И долго ждать ему, пока русскій человѣкъ возвратитъ ихъ ему обратно, проведя ихъ чрезъ собственную культуру. Что значитъ теперь и для здѣшняго хохла славныя и поэтическія преданія и пѣсни его прекрасной Украйны?—Все сгибло, все озвѣрилось и окиркизилось.

II.

Я поселился въ домѣ одного нѣмца, въ отдѣльномъ особнякѣ, комнаты въ три, на самой тихой улицѣ, и на первое время остался доволенъ. Четыре окна моей квартирки глядѣли на улицу, отъ которой ихъ отдѣляла тоненькая загородочка изъ трехъ поперечинъ, съ торчащими внутри ея тощими, засыхающими тополями. Объ эту загородку съ утра до вечера терлись то коровы, то свиньи, а поросята пролѣзали даже подъ перекладины и обыкновенно тотчасъ же принимались работать своими крѣпкими рыльцами около несчастныхъ тополей, жалобно вздрагивавшихъ отъ этихъ пріемовъ. Выбѣгалъ тогда старый мой хозяинъ и съ страшными нѣмецкими и всякими иноязычными ругательствами изгонялъ свиное стадо, а затѣмъ, если видѣлъ меня, всегда приговаривалъ: «непремѣнно надо положить еще перекладинку, а то эти гадины всѣ тополи испортятъ». Но, должно быть, россійская культура задѣла уже и стараго нѣмца, потому что это «надо» я слышалъ отъ него каждый день, а новой перекладины все не появлялось и тополи чахли и замирали. «Силъ просто никакихъ нѣтъ, говаривалъ онъ въ раздраженіи послѣ какого-нибудь новаго нашествія свиного семейства,—жить съ этими русскими, т. е. хохлацкими мордами, оговаривался онъ,—сами такія-же свиньи: куста нельзя посадить, чтобы не погубили эти скоты»...

Другія два окна выходили въ садикъ, состоявшій только изъ куста акаціи и сирени, между которыми можно было поставить маленькій столикъ и стулъ. Все-же лучше, чѣмъ ничего. По крайней мѣрѣ, надо мной благоухали двѣ вѣтки сирени, или въ другое время щелкали прямо стручки акаціи; иногда даже, Богъ вѣсть откуда и зачѣмъ, залетала сюда какая-нибудь пчела, а рано по утрамъ закомились и шумѣли воробьи, пока ихъ не разгонялъ хозяйскій котъ. Чѣмъ-же не природа?.. Въ этомъ садикѣ обыкновенно я и обѣдалъ, и чай пилъ, а иногда и работалъ; да и сообщеніе было хорошее: прямо черезъ окно шагнулъ — и въ саду. Словомъ, я былъ изъ счастливыхъ: всетаки какая нибудь тѣнь и защита отъ невыносимой жары и пыли, а то во всей слободѣ навряд-ли можно было насчитать съ сотню кустовъ и

тополько въ, безпощадно изувѣченныхъ и засыхающихъ отъ жары, свиней и мальчишекъ.

Такъ какъ я больше проводилъ свое время въ этомъ садикѣ, то хозяинъ и его жена изъ окна своей галереи нерѣдко вступали со мной въ разговоры. Это была довольно типичная нѣмецкая пара, родившаяся и воспитавшаяся на новоузенской почвѣ. Самъ хозяинъ былъ высокій и крѣпкій 60-лѣтній старикъ съ краснымъ въ жилкахъ лицомъ и еще болѣе краснымъ и длиннымъ носомъ, что ясно говорило о любви его къ нѣкоторымъ напиткамъ. Всѣ свои дни — съ утра до вечера, онъ, подвязавшись фартукомъ, проводилъ обыкновенно на своемъ дворикѣ, гдѣ—то подметалъ соръ, то поднималъ какой-нибудь ломаный гвоздь или щепочку и непремѣнно все это пряталъ въ сарай.

— Все пригодится въ хозяйствѣ, пояснялъ онъ,—иногда и ломаный гвоздь понадобится,—глядишь, онъ и есть; а то поди покупай, а они 10 коп. фунтъ.

Въ другое время онъ окапывалъ свои тополь ки, лилъ на нихъ воду, или, розыскавъ какой-нибудь старый хламъ, вродѣ гнилыхъ досокъ, принимался распиливать ихъ какой-то беззубой и ржавой пилой. Работа не спорилась, и старый хозяинъ начиналъ негодовать и весьма скоро разражался ругательствами. Обыкновенно виновата была во всемъ его супруга.

— Вотъ надо-бы давно развести да выточить пилу-то, да никакъ разводки и напильника не могу найти: ужъ навѣрно старуха куда-нибудь засунула, иногда разъяснялъ онъ мнѣ для указанія причины своего гнѣва.

— Ахъ, полно ты говорить, пожалуйста, вставляла ломанымъ русскимъ языкомъ показывавшаяся откуда-нибудь изъза угла старуха.—Я никогда не дотрогиваюсь до твоего; самъ засунулъ куда-нибудь.

— Убирайся ты отъ меня къ чорту, пожалуйста! кричалъ нѣмецъ, у котораго пила никакъ не забирала расщепленную доску.—Только мѣшаешь!..

— Уйду, уйду, обиженнымъ тономъ говорила, махая рукой, блѣдная и заморенная старуха и скрывалась куда-нибудь за дверь.

— Знаете, старый человѣкъ, объясняла она мнѣ гдѣ-

нибудь наединѣ,—ну, а совсѣмъ какъ малый ребенокъ: горячится, сердится. Больно ужъ горячъ; да и тутъ мало, указывала она на лобъ и затѣмъ все покрывала новымъ вздохомъ.

Но онъ не только былъ горячъ, а положительный звѣрь и деспотъ въ своей семьѣ. Разъ, а то и два въ недѣлю онъ обязательно напивался и тогда разносилъ старуху и дочь въ прахъ. Обыкновенно послѣдняя, скрываясь отъ сквернословія и побоевъ родительскихъ, исчезала куда-нибудь въ ночевку къ знакомымъ, а бѣдная старуха, притворивши всѣ двери и окна, терпѣла свою страду.

— Господи, Господи! говарила она мнѣ не разъ послѣ такой передряги.—И какія мы женщины несчастныя!.. Такія ужъ несчастныя, что не знаю, какъ и сказать. Вѣдь у меня, милый мой, 14 человѣкъ дѣтей было... Надо это подумать, какъ легко родить ихъ было, а потомъ кормить и хоронить!.. У меня теперь только трое осталось, поясняла она, вытирая дрожавшія на глазахъ слезы.—А дѣти у меня хорошія, знаменитыя дѣти, прибавляла старуха, очевидно смѣшивая послѣднее прилагательное съ какимъ-то другимъ. — Одинъ—старшій—ужъ начальникъ, женатый... Онъ на русской женился... Конечно, мы нѣмцы любимъ во всемъ порядокъ, экономію; ну, да Богъ съ нимъ!.. А другой — тоже самый первый телеграфистъ... Да вотъ я вамъ сейчасъ карточки ихъ покажу...

И старая, блѣдная женщина приносила мнѣ по десяти разъ карточки своихъ знаменитыхъ дѣтей, вновь разсказывала объ ихъ успѣхахъ до тѣхъ поръ, пока нѣсколько не утоляла своего горя на этихъ отрадныхъ для ея сердца воспоминаніяхъ.

Хозяинъ, особенно при легкомъ зарядѣ, тоже иногда пускался въ розсказни о своихъ жизненныхъ приключеніяхъ, но уже въ другомъ родѣ.

— Я вѣдь терпѣть не могу безъ работы быть; я всю свою жизнь въ дѣлѣ былъ и люблю, чтобы, знаете, оно у меня въ рукахъ кипѣло, разсказывалъ онъ.—И сколько у меня этихъ дѣлъ перебывало—не перечтешь! У родителя при заведеніи кузнецомъ и маляромъ былъ, потомъ трактиръ въ компаніи держалъ, потомъ винную лавку... Охъ, хорошо

торговля шла тогда!.. Пили много больше нынѣшняго... Ну, да и я, знаете,—онъ при этомъ подмигивалъ,—тоже не зѣвалъ... Ну-съ, затѣмъ урядникомъ служилъ... Тоже хорошо! Какія лошади были у меня тогда, поглядѣли-бы вы,—огонь!.. А эти ярмарки еще при такой должности... понимаете?.. Ну, что тамъ говорить, всего было довольно! Послѣ того торговлишкой вздумалъ позаняться. Знаете, — онъ придвинулся таинственно ко мнѣ и понизилъ голосъ,—будто-бы это табакомъ на Ханской *) ярмаркѣ торгуемъ, — а это только для виду... понимаете?.. А на самомъ-то дѣлѣ чайкомъ... персидскимъ... слыхали?..

— То-есть капоркой, что-ли, хотите вы сказать? выяснялъ я.

— Ту-ту-ту!.. ею самой.—Пудовъ по 30—40 спускалъ киргизамъ... Идетъ отлично!.. Только знаете,—съ этимъ товаромъ вѣдь надо быть вотъ какъ осторожнымъ, а то живо влетишь...

— Ну, и что-же? Не влетали?.. Удачно торговля шла? выспрашивалъ я.

— Да торговля-то хороша, отвѣчалъ онъ, нѣсколько уклоняясь отъ перваго вопроса,—рубля по три на рубль случалось выручать. Киргизъ дуракъ, развѣ онъ что разбираетъ? Ему только-бы подешевле... Ну, если пуда три-пять сбудешь кому за разъ, вотъ это выгодно; а мелочами-то и не способно, потому что чай-то не навиду держишь, а онъ тамъ гдѣ-нибудь около палатки въ пескѣ зарытъ... Надо отрывать по ночамъ, да чтобы не только урядникъ, а и свой-то братъ-торговецъ не пронюхалъ... А то живо... Мое почтеніе... Смекаете?..

— Какъ-же, отзывался я,—отлично смекаю.

— Да-а!.. заканчивалъ старый нѣмецъ. — Люблю работать... Теперь, конечно, силы уже не тѣ, такъ дома сижу,— и то, видите, не сложа руки: безъ работы мнѣ просто смерть!..

Впрочемъ, и теперь даже у моего хозяина все какія-то юридическія дѣла: то онъ старыя претензіи взыскиваетъ, то съ жильцами за квартиры тягается.

---

*) Очень крупная ярмарка въ Букеевской ордѣ. Бываетъ въ маѣ мѣсяцѣ.

Такого рода собесѣдованія однако не особенно тяготили меня, потому-что были не часты. Большую часть своего времени я проводилъ тихо и мирно за своей работой. Вечеромъ въ садикѣ, подъ кустомъ сирени, отдыхая отъ удушливой жары накалившейся за день комнаты, слушалъ монотонные хоровые напѣвы сосѣдей-нѣмцевъ, которые каждый вечеръ пѣли цѣлой компаніей священные гимны и псалмы. Часто пѣніе это тянулось по часу и болѣе.

— Богомольные, должно быть, у васъ сосѣди, обратился я къ хозяевамъ,—Что это, сектанты, что-ли?..

— Какіе такіе сектанты? отвѣчали мнѣ.—Они тоже изъ нашихъ... Всѣ хорошій народъ. Они, конечно, очень бѣдные. пояснила хозяйка,—но хорошіе люди, собираются вмѣстѣ помолиться и общество такое устроили, даже шульмейстеръ съ ними, значитъ, чтобы помогать другъ другу чѣмъ возможно.

— И это удивительно, вставилъ хозяинъ.—Я вамъ скажу, такой сбродъ, такіе пьяницы, даже развратныя бабы идутъ къ нимъ—всѣхъ принимаютъ... Ну, и что-же бы вы думали?.. Куда-что дѣнется!.. Шабашъ! Ни пьянства, ни дебоширства, какъ рукой сняло!..

— Что-же?.. Вѣдь это очень хорошо!.. Ну, а сектаны-то у васъ здѣсь есть? допытывался я.

— Да какіе это такіе сектанты? Какъ кулугуры, что-ли?.. У насъ вѣдь такихъ нѣтъ..

— Ну, анабаптисты, штундисты, напримѣръ, поясняю я.

— Не-е-знаю!.. Просто есть, значитъ, такіе богомольные люди, говорила хозяйка,—ну, а кто про Бога, милый мой, часто думаетъ, развѣ можетъ быть дурнымъ человѣкомъ? Читаютъ библію, помогаютъ другъ другу, стараются жить, какъ Христосъ велѣлъ... Они хорошіе люди, какіе-же они сектанты?..

Словомъ, мои хозяева, въ своемъ духѣ протестантизма, имѣли, очевидно, свою мѣрку для оцѣнки людей и ихъ вѣрованій.

Значитъ, я черезчуръ поверхностно отнесся на первыхъ порахъ къ покровскимъ нѣмцамъ, даже къ моимъ хозяевамъ, думалось мнѣ... Живой огонекъ теплится тихо, но свободно, и не всѣ идутъ подъ общее ярмо мамоны... Хорошо и это,

ибо этотъ огонекъ не даетъ спать и другимъ, заставляя каждаго, кого это только касается, выносить изъ своей сокровищницы все, чѣмъ богатъ: и хорошее и дурное.

III.

Время моего отъѣзда наступило, и я наспѣхъ оканчивалъ свои подготовительныя работы.

Для того, чтобы заполучить статистическія свѣдѣнія о той или другой мѣстности или губерніи, помимо общихъ оффиціальныхъ и частныхъ изданій, у насъ имѣются, какъ извѣстно, еще два источника, откуда возможно ихъ почерпать, это—или статистическія бюро земства, или губернскіе статистическіе комитеты. Что касается послѣднихъ, то если они никогда и прежде не отличались полнотою, а главное точностью своихъ данныхъ, то въ настоящее время ужъ положительно можно прійти въ изумленіе предъ ихъ дѣятельностью и вообще выпускаемыми ими на свѣтъ Божій трудами, именуемыми обыкновенно справочными или памятными книжками. Очевидно, земская статистика совершенно обезкуражила эти комитеты. Нынѣ вы уже не встрѣтите ничего подобнаго тѣмъ «Трудамъ», которые въ былое время издавали, напримѣръ, хоть Архангельскій, Нижегородскій или Тверской комитеты, гдѣ нерѣдко заключались очень цѣнные историческіе или экономическіе обзоры и другія изслѣдованія; а въ справочномъ отдѣлѣ помѣщались очень полныя и подробныя свѣдѣнія, касающіяся многихъ сторонъ мѣстной жизни. Все это теперь отошло въ вѣчность; а между тѣмъ земства, преслѣдуя свою спеціальную, хозяйственно-экономическую цѣль, тоже не могутъ давать такихъ всесторонніхъ свѣдѣній; кромѣ того, въ статистической дѣятельности земствъ встрѣчаются то какіе-то внезапные перерывы, то измѣненія въ самой системѣ собиранія данныхъ, что, конечно, составляетъ громадный ущербъ для всякаго статистическаго изслѣдованія.

— Ну, ужъ извините, говорилъ одинъ почтенный старецъ, въ отвѣтъ на мою просьбу—познакомиться съ трудами комитета, котораго онъ состоялъ секретаремъ.—Повѣрьте, я-бы съ полнымъ моимъ удовольствіемъ, да видите-ли, мы недавно

только-что перебрались на новую квартиру, такъ знаете, теперь въ библіотекѣ и архивѣ самъ чортъ ногу сломаетъ... Когда-нибудь уже въ другое время, вотъ какъ разберемся понемножку... Да, впрочемъ, успокоилъ онъ,—я навѣрное знаю, этихъ изданій у насъ нѣтъ: они еще не получены...

— Нѣтъ, они есть, вдругъ раздался изъ сосѣдней комнаты голосъ письмоводителя.

— Ну, гдѣ-же, гдѣ?... Что вы говорите, возражалъ старецъ.

— Да у васъ на столѣ они ужъ больше недѣли лежатъ.

— Ну, что вы вздоръ говорите, гдѣ тамъ еще на столѣ? А-а! Дѣйствительно есть!.. Скажите, а я, по правдѣ, еще ихъ и въ глаза не видалъ... Ну, очень радъ, что могу служить, прибавилъ онъ, передавая мнѣ книжки.

Въ другомъ комитетѣ прямо-таки посовѣтовали мнѣ лучше записать, что нужно, «а мы у исправниковъ спросимъ. Это скоро будетъ, такъ черезъ мѣсяцъ или два, не больше», успокаивали меня...

— Да вы хоть позвольте мнѣ порыться въ вашей библіотекѣ; можетъ быть, я тамъ что-нибудь и найду подходящее, упрашивалъ я.

— Да тамъ и рыться-то нечего, съ улыбкой отвѣчали мнѣ.—Вотъ она вся къ вашимъ услугамъ.—И мой собесѣдникъ открылъ стоявшій рядомъ съ его кресломъ маленькій шкафчикъ.—Это вотъ, какъ видите, сводъ законовъ, а это—послѣдняго изданія справочная книжка, одинъ экземпляръ которой съ удовольствіемъ могу вамъ даже подарить, любезно предложилъ онъ;—а болѣе ровно ничего!..

IV.

Мнѣ предстоялъ путь по очень своеобразной мѣстности, какъ въ ея бытовомъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Всю самарскую губернію въ этомъ смыслѣ можно раздѣлить на двѣ совершенно разнохарактерныя полосы: меньшую—сѣверную, и гораздо большую—южную. Пограничной линіей ихъ можно принять рѣку Самару, или, что почти то-же самое, часть самаро-златоустовской дороги, идущей параллельно теченію этой рѣки. Такимъ образомъ, въ первую

входятъ цѣликомъ три уѣзда: Ставропольскій, Бугульминскій и Бугурусланскій, большая часть Самарскаго и небольшая Бузулукскаго. Почти вся мѣстность этой части имѣетъ холмистый характеръ и болѣе лѣсиста, чѣмъ южная; она-же обладаетъ и лучшимъ, мягкимъ климатомъ въ сравненіи съ южной и, наконецъ, болѣе заселена, съ преобладаніемъ въ ней частнаго и дворянскаго землевладѣнія. Наоборотъ, южная—представляетъ почти совершенно открытую равнину, безлѣсную, маловодную и подверженную дѣйствію сухихъ и рѣзкихъ вѣтровъ. Встрѣчающіяся здѣсь очень отлогія, небольшія и притомъ совершенно оголенныя возвышенности или сырты — суть послѣдніе отпрыски отроговъ Общаго Сырта.

Почва Самарской губ.—суглинистый и изрѣдка песчаный легкій черноземъ, а большею частью чистый суглинокъ. Черноземная толщина достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ прирѣчныхъ долинахъ, отъ 2-хъ до $2^1/_2$ арш. глубины; но въ направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку она все болѣе утончается, такъ-что въ Бузулукскомъ и Бугульминскомъ уѣздахъ глубина ея въ общемъ составляетъ уже отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ арш., а на буграхъ тамъ-же встрѣчаются уже и такія мѣста, гдѣ только одинъ песокъ да камень. Находящіяся тамъ крестьянскія поля постепенно засыпаются пескомъ. Въ пяти волостяхъ Бузулукскаго уѣзда на крестьянскихъ земляхъ въ сухое время вѣтры не только заносятъ хлѣба пескомъ, но и выворачиваютъ ихъ съ корнемъ.

Вообще въ почвенномъ отношеніи южная часть губерніи несравненно бѣднѣе. Въ Николаевскомъ уѣздѣ черноземъ встрѣчается еще мѣстами тонкими пятнами, но въ Новоузенскомъ онъ совсѣмъ исчезаетъ, смѣняясь плодороднымъ суглинкомъ (вродѣ лесса). Побережья Волги представляютъ или пески, или супесчаный черноземъ, подвергающійся однако постепенному заносу песками. Затѣмъ, начиная съ Бузулукскаго уѣзда и далѣе на югъ и юго-востокъ, площадь все болѣе и болѣе испещряется солонцами, которые или совершенно ничего не производятъ, или поростаютъ полынью, клоповникомъ, дикимъ укропомъ и прочими несъѣдомыми травами. Впрочемъ, на такъ-называемыхъ красныхъ солончакахъ крестьяне пытаются даже сѣять хлѣбъ, который

иногда въ дождливые годы удается, но вообще это дѣло очень рискованное.

Сѣверо-западная часть губерніи обводнена гораздо лучше южной. Вся юго-восточная часть Бузулукскаго уѣзда уже сильно страдаетъ отъ безводья: ея единственная рѣчонка Мóча совершенно пересыхаетъ лѣтомъ; на громадной площади Николаевскаго уѣзда Большой и Малый Иргизъ и Караманъ—единственныя рѣчки, почти никогда не выходящія изъ своихъ береговъ; въ Новоузенскомъ-же уѣздѣ орошеніе еще бѣднѣе. Ерусланъ, а главное Большой и Малый Узени еле двигаются въ своихъ берегахъ и представляютъ изъ себя мѣстами просто рядъ бочаговъ, связывающихся между собою мало замѣтными протоками, а то такъ и вовсе разобщенныхъ. Вода въ нихъ, конечно, очень плохая, застоявшаяся, солонцеватая и, вообще, вредно отзывающаяся на здоровьѣ людей, употребляющихъ ее для питья.

Очень естественно, что сѣверная часть, какъ болѣе производительная и пріятная, должна была своевременно и скорѣе вызвать къ себѣ вниманіе со стороны людей, наиболѣе культурныхъ, а потому частное землевладѣніе, попреимуществу дворянское и удѣльное, преобладаетъ въ ней гораздо въ большей степени, чѣмъ въ южной части губерніи. Такъ, въ 4-хъ уѣздахъ первой полосы это землевладѣніе составляетъ слишкомъ 40% изъ всей площади; а въ 3-хъ уѣздахъ второй—лишь только 28%, да и то оно находится почти исключительно въ рукахъ мѣстныхъ купцовъ и разбогатѣвшихъ крестьянъ.

Вообще, чѣмъ болѣе мы станемъ подвигаться отъ сѣвера къ югу, т.-е. съ хорошей земли на плохую, тѣмъ болѣе и болѣе будетъ выдвигаться почти исключительнымъ хозяиномъ мужикъ, и, главнымъ образомъ, мужикъ надѣльный, оставаясь подъ конецъ полнымъ господиномъ солонцовъ и всѣхъ произрастающихъ на нихъ продуктовъ.

V.

Въ 7 часовъ утра я пріѣхалъ на пароходѣ въ Самару. День былъ сильно облачный и на западѣ собирались небольшія тучки на радость всѣхъ поволжцевъ, такъ-какъ дождя

всѣ ждали, какъ манны небесной. Его не было уже около пяти недѣль, и поволжскіе землевладѣльцы и крестьяне приходили въ очень возбужденное состояніе. У крестьянъ оно было не изъ веселыхъ, а у хозяевъ, которые сумѣли попридержаться съ своимъ прошлогоднимъ хлѣбомъ, напротивъ— бодрое и приподнятое. Цѣны на биржѣ росли, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ, и надо было теперь только ловко угадать моментъ, когда эти цѣны достигнутъ верхней своей точки, и тогда выпустить на рынокъ свой хлѣбъ. Толками объ этихъ цѣнахъ и связанныхъ съ ними вожделѣніяхъ прожужжали мнѣ уши еще на пароходѣ. Тамъ только и слышно было: „почемъ въ Балаковѣ, въ Самарѣ и другихъ пристаняхъ? были-ли дожди? каковы виды на урожай?“ и т. под.

Что сказать про Самару? Если уже сама столица Поволжья способна уложить въ два-три года въ гробъ человѣка, то Самара тѣмъ и пуще: еще болѣе сугубая вихревая пыль, которая здѣсь называется уже самарскимъ дождемъ; двѣ-три удобо-проходимыя чистыя улицы и множество такихъ, гдѣ сломаешь ногу или задохнешься отъ пыли и вони, — вотъ и все съ внѣшней стороны.

Остальное въ Самарѣ, какъ и во всемъ Поволжьѣ: та-же бойкая торговая жизнь, та-же мѣстная пресса, порывающаяся занять свое должное мѣсто въ этой жизни и непрестанно умѣряемая въ своихъ порывахъ.

Благодаря одному самарскому дому, представителей котораго я зналъ прежде, я имѣлъ возможность весьма скоро перезнакомиться со всѣми нужными мнѣ лицами и получить отъ нихъ нужныя свѣдѣнія. Домъ этотъ составлялъ какое-то исключеніе изъ нравовъ и обычаевъ нынѣшняго россійскаго обывателя. Всякій порядочный человѣкъ могъ тамъ быть радушно принятъ, всякій изъ такихъ людей могъ встрѣтить другихъ, нужныхъ ему лицъ, получить черезъ нихъ справки и все нужное для знакомства съ мѣстною жизнью; словомъ, этотъ домъ представлялъ какой-то живой центръ мѣстной жизни, гдѣ могли сходиться добропорядочные люди на почвѣ самаго мирнаго знакомства, лишеннаго притомъ всякой исключительности. Нечего уже и говорить, какія неисчислимыя и серь-

езныя удобства можетъ доставить такой домъ для заѣзжаго и вообще пришлаго человѣка.

Благодаря именно этимъ счастливымъ обстоятельствамъ я очень скоро освоился съ самарской жизнью и ея представителями. Въ губернской земской управѣ мнѣ очень любезно было предложено все, что только годилось для моей работы. Одно только можно было пожалѣть, что въ статистической дѣятельности самарскаго земства не было надлежащей послѣдовательности. Труды его статистическаго отдѣла за 1885—89 гг., именно за время завѣдыванія И. М. Красноперова, были, безспорно, очень цѣннымъ вкладомъ въ дѣло даже не одного только статистическо-экономическаго изученія губерніи, но давали обстоятельную и цѣльную характеристику ея въ отношеніи почвовѣдѣнія, климата и проч. Но затѣмъ настала другая пора: статистика была заподозрѣна, земства охладѣли къ ней, а самарское и совсѣмъ забросило ее на нѣсколько лѣтъ, и только въ послѣднее время, въ виду необходимости для земства въ оцѣночныхъ данныхъ, статистическій отдѣлъ его вновь ожилъ и взялся за работу, хотя далеко уже не по той широкой программѣ, какъ прежде. Такимъ образомъ, въ статистикѣ самарскаго земства не только имѣется рѣзкій пробѣлъ за цѣлыя 8 лѣтъ, но измѣнена и сама система въ собираніи данныхъ, что, конечно, часто дѣлаетъ невозможнымъ сравнительное пользованіе ими.

Все въ томъ-же благодѣтельномъ домѣ я встрѣтился съ давнишнимъ своимъ пріятелемъ и здѣшнимъ хозяиномъ— Сергѣемъ Петровичемъ Шелеховымъ. Оригинальная и поучительная въ исторіи россійскаго землевладѣнія и вообще хозяйничанья была судьба этого пріятеля. Членъ аристократической фамиліи и съ университескимъ образованіемъ, когда-то онъ имѣлъ въ средней Россіи очень хорошее имѣніе, стоимостью около 100 тысячъ рублей. Во время этого изобилія Сергѣй Петровичъ, однако, всегда отличался самыми скромными потребностями, всегда былъ врагомъ всякихъ излишествъ и чуть-ли даже не враждебно относился къ своему избранному происхожденію. Искренній и правдивый, онъ отличался кромѣ того великой добротой. Постояннымъ желаніемъ его было отрѣшиться отъ привилегированной исключительности; словомъ, какъ называлось прежде, — „опро-

ститься". И вотъ въ какія-нибудь 10—12 лѣтъ; послѣ различныхъ житейскихъ передрягъ, онъ такъ успѣлъ опроститься, что все имѣніе его улетѣло какъ дымъ. Тогда онъ рѣшился окончательно отрясти отъ ногъ своихъ всякій помѣщичій прахъ и рѣшительно стушеваться и исчезнуть изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ и ему, и крестьянамъ все напоминало еще о прежнемъ его барскомъ положеніи. Онъ перекочевалъ въ самарскую глушь и на послѣднія оставшіяся у него крохи заарендовалъ казенный участокъ и взялся за хозяйство.

Понемногу, да полегоньку, живя сначала въ избѣ изъ сырцовыхъ кирпичей и перетерпѣвъ съ своей семьей, которая прибывала съ каждымъ годомъ, всякія лишенія и болѣзни, онъ, наконецъ, сталъ на ноги. Втеченіе своей 20-ти-лѣтней работы онъ достигъ того, что арендуетъ теперь уже у казны участокъ въ $2^1/_2$ тысячи десятинъ, обстроился на немъ, завелся всѣмъ нужнымъ для большого хозяйства и окончательно сложился въ особенный, совершенно, однако, уже не дворянскій типъ мѣстнаго степного хозяина.

Крайне интересно было поэтому взглянуть на его хозяйство своими глазами, да и собственное мое дѣло было тоже въ той сторонѣ. Сергѣй Петровичъ пріѣхалъ въ Самару продавать свою рожь, которая въ количествѣ 15 тысячъ пудовъ лежала на храненіи въ здѣшнемъ элеваторѣ. Рожь эта была сборная, легковѣсная и, вообще, плохая; но цѣны на хлѣбъ такъ росли, что и на нее находилось много охотниковъ. Каждый день мой пріятель съ своимъ подручнымъ, съ пробами въ карманахъ, ходили на биржу или, попросту сказать, на хлѣбный базаръ.

— Ну, какъ дѣла, продалъ? спрашивалъ я его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, тихо усмѣхаясь и поглаживая свою длинную бороду.

— Что-же такъ?

— Да представь, просилъ 36 к., даютъ 35, часа два ломались. Я плюнулъ и пошелъ, а въ догонку за мной посолъ: согласны за 36. Ну, вы, согласны, говорю, зато я теперь не согласенъ: завтра больше дадите,—такъ и ушелъ

Назавтра опять та-же исторія... Даютъ ужъ 37 к., къ концу биржи 38, и тоже не продалъ. Наконецъ, на третій день — 39 и въ заключеніе продалъ за $39^1/_2$ к. И такъ въ два дня

получилъ на повышеніи по 3½ к. съ пуда, да еще при такой партіи, это значило положить 525 лишнихъ рублей въ карманъ.—Это вѣдь чуть не годовое содержаніе двоихъ дѣтей въ гимназіи, говорилъ Сергѣй Петровичъ, укладывая въ бумажникъ деньги...

— Сколько-же ты заработалъ на этомъ хлѣбѣ? спрашиваю я.

— Да немного, отвѣчалъ онъ. — Почти-что вотъ только этотъ излишекъ. Вѣдь эта рожь была сборная; ну, затѣмъ перевозка ея, храненіе и очистка въ элеваторѣ, все это почти и составляло тѣ 36 к., которыя я просилъ за нее прежде... Чисто картежная игра эта биржа: иногда посчастливитъ, а въ другой разъ хоть волкомъ вой. Были такіе года, что однажды осенью я всю пшеницу въ уплату за извозъ отдалъ... Не назадъ-же ее было 150 верстъ везти или не складъ-же нанимать въ Самарѣ, когда храненіе чуть не въ одной цѣнѣ съ хлѣбомъ было; да наконецъ, и разсчитаться-то было почти нечѣмъ... такъ за извозъ и отдалъ.— Однако, любезный другъ, хлопотливо добавилъ онъ, намъ надо непремѣнно выѣхать съ тобой нынче-же. Пшеница шибко крѣпнетъ: со вчерашняго дня на 4 к. поднялась, а у меня ея еще отъ прошлаго года 20 тысячъ пудовъ лежитъ дома.

— Неужели не продавалъ еще ничего? удивился я.

— Да какъ-же было продавать, когда она 40 коп. здѣсь была, отвѣтилъ онъ, пожимая плечами.—Вѣдь одна доставка стоитъ до 12 коп. Прямо въ убытокъ. Ну, и рискнулъ ждать. Пролетать-то, думаю, все равно, что осенью, что весною. Не даромъ-же я писалъ тебѣ тогда, что мѣста ужъ ищу... Вѣдь у меня шестеро ребятъ еще на рукахъ.

— Ну, зато теперь хорошо поправишься...

VI.

Уже совсѣмъ подъ вечеръ мы выѣхали съ Сергѣемъ Петровичемъ по желѣзной дорогѣ. Погода стояла удушливо жаркая, но на небѣ бродили густыя облака, собиравшіяся въ тучи, и хотя порой налеталъ вѣтеръ и разгонялъ ихъ, но онѣ опять настойчиво наплывали все большими массами: въ воздухѣ чувствовалась какая-то мягкая влажность,— дождь видимо висѣлъ надъ нами.

— Какъ бы цѣны не упали на биржѣ съ этимъ дождемъ, замѣтилъ серьезно Шелеховъ.—Удивительно чувствительна эта биржа ко всякимъ перемѣнамъ. Надо торопиться продавать.

Цѣлую станцію влѣво отъ насъ мелькала Самарка, тихо подвигающаяся къ Волгѣ среди своихъ яркозеленыхъ луговъ. Тутъ по ея берегамъ все дышало свѣжестью и тучностью: близость рѣки оживляла все. Но по правую руку на подъемъ бѣжали все поля и поля, и видъ ихъ очень не радовалъ: рѣдкія, низкорослыя и заморенныя, они уныло мелькали въ окнахъ вагона.

— Ну, братъ, такіе хлѣба и дождь ужь не поправить, сказалъ я, показывая Шелехову въ окна.

— Не вездѣ вѣдь такіе, отвѣчалъ онъ.—Эти на мягкихъ земляхъ, должно-быть, крестьянскія; ну, а у насъ на крѣпкихъ или на оборотѣ, тѣ гораздо лучше... Теперь самое время налива, дождь—благодать... Да, торопиться, торопиться надо съ продажей, опять заботливо прибавилъ онъ.

Пріѣхавъ на слѣдующую станцію, мы наняли лошадей и тронулись въ дальнѣйшій путь. А путь предстоялъ не малый, что-то около сотни верстъ. Было уже 10 час. вечера; надвинувшіяся отовсюду тучи заволокли небо и было такъ темно,—хоть глазъ выколи. Съ запада еще что-то надвигалось тяжелое и черное, и тамъ изрѣдка погромыхивало и и сверкала тихая и широкая молнія. Точно громадный глазъ вдругъ раскроется и блеснетъ на мгновеніе тихо, таинственно но зорко, и опять молча закроется темной тучей, какъ исполинскимъ вѣкомъ; а черезъ минуту что-то глухо, не то заговоритъ, не то вздохнетъ съ непонятнымъ рокотомъ, и этотъ вздохъ наполнитъ и небо и землю, а затѣмъ опять нѣмая тишина и тьма до новаго взгляда и вздоха.

— Ну, и прохватитъ-же насъ съ тобой нынче дождемъ знатно, говорилъ Сергѣй Петровичъ, кутаясь въ чепанъ (родъ чуйки). — А ты что-то очень налегкѣ; на-ко, бери мой кожанъ, предложилъ онъ, вытаскивая его изъ-подъ сидѣнья.

Предложеніе сдѣлано было совершенно своевременно, потому-что лишь только я успѣлъ принять его, какъ пошелъ тихій дождь.

Не велико удовольствіе клевать носомъ въ узенькой и короткой телѣжкѣ, ежиться отъ брызгъ дождя и чувствовать какъ то одна, то другая капля забирается тебѣ за жесткій неуклюжій башлыкъ и скользитъ дальше по тѣлу. Скоро дождь забарабанилъ такъ часто, что смолкъ и мой пріятель, уткнувшись съ бородой и носомъ въ свой чепанъ. Мы ѣдемъ самой легкой рысцой верстъ пять или шесть, а впрочемъ, кто-же ихъ знаетъ!.. Въ такую пору, вѣдь, каждая верста тянется за три... Спать сильно хочется... я стараюсь вглядѣться, что-нибудь разсмотрѣть кругомъ; но передъ глазами только однообразная темная пелена; тарантасикъ покачиваетъ изъ стороны въ сторону, и кони тянутъ да тянутъ его въ какую-то скучную, непроглядную даль.

— Этотъ дождь, какъ говорятъ крестьяне, вдругъ зафилософствовалъ Сергѣй Петровичъ, вынырнувъ изъ чепана,— все равно, что милліоны сыплетъ съ неба.

— Ну, и радуюсь, коротко и сердито отзываюсь я.

— Э-хе-хе!.. усмѣхнулся пріятель и опять зарылся въ свой чепанъ.

И мы опять трусимъ молча. Самая полночь пришла, и сонъ такъ и лѣзетъ на глаза, такъ и ломаетъ человѣка. Эхъ! Хорошо-бы теперь протянуться какъ-нибудь въ этой телѣжкѣ, и обо что-нибудь опереть голову... И вотъ меня какъ-то накось клонитъ и клонитъ: голова упирается въ мокрую рогожу, прикрывающую чемоданъ; къ щекѣ прижимается холодный и мокрый башлыкъ... Голову начинаетъ колотить... Скверно!.. И опять выпрямляешься и клюешь носомъ.

— Э-ге!.. Куда-же это ты, другъ, забралъ?.. заговорилъ задремавшій было Шелеховъ.—Вѣдь ты какъ разъ къ станціи опять ѣдешь... Эхъ!.. а говорилъ еще, ѣзжалъ!..

— Да развѣ это Марычевская дорога? удивился тотъ.

— Ну, а какая-же еще больше? ворчалъ мой пріятель.— И какъ далеко прохватилъ... Ворочай назадъ...

— Какъ тутъ не сбиться въ такой тьмѣ, вмѣшался я.— Да и степь ваша дурацкая; все гладко, все одно и то-же, хоть-бы кустъ какой торчалъ для примѣты...

— Погоди, не кустъ, а цѣлая ветла еще придетъ; недалеко за ней и поворотъ, обратился Шелеховъ къ ямщику:—смотри, не проспи...

А все-таки хороши эти степныя дороги: во-первыхъ, ихъ немного въ этомъ раздольѣ, а во-вторыхъ, ровны и гладки онѣ какъ скатерть; вотъ только въ дождь не хорошо: сырая земля начинаетъ навертываться на колеса, какъ новая еще— вторая шина, а затѣмъ и пойдетъ отскакивать и лѣпить въ сѣдока всюду, не исключая, конечно, и его физіономіи: выходитъ и грязно, и даже больно...

— На свѣту-то попадемъ мы къ Мурашевымъ на хуторъ? спрашивалъ я у Шелехова съ нѣкоторымъ сдержаннымъ интересомъ.

— Нѣтъ, мы уже не на хуторѣ будемъ, а въ селѣ, отвѣтилъ онъ.

— Какъ-же такъ? Вѣдь они-же на своемъ хуторѣ жили, развѣ продали или раздѣлились, что-ли? заинтересовался я.

— Не продали и не раздѣлились, а пожалуй, что скоро раздѣлятся, объяснилъ Сергѣй Петровичъ.—Тѣхъ стариковъ, которыхъ ты зналъ, уже давно нѣтъ: всѣ вымерли; это ужь внуки ихъ хозяйничаютъ теперь: помнишь, молоденькіе парни были?..

Я познакомился съ этими Мурашевыми лѣтъ 15 назадъ, когда вздумалъ однажды посѣтить Сергѣя Петровича на его новомъ пепелищѣ. Съ тѣхъ поръ я не бывалъ уже здѣсь.

Шелеховъ писалъ мнѣ передъ этимъ: „На половинѣ дороги вели ямщику остановиться кормить у Мурашевыхъ, ихъ всѣ знаютъ. Это прекрасные люди. Скажи, что ѣдешь ко мнѣ: этого будетъ довольно".

Когда-то еще прадѣдъ этихъ Мурашевыхъ забрелъ въ здѣшнія глухія и привольныя мѣста, вольной волей или спасаясь отъ крѣпостной нужды,—это осталось неизвѣстнымъ, и занялъ небольшой участокъ земли, которую тогда пахали гдѣ хочешь. Никѣмъ не тревожимый онъ сталъ работать надъ нимъ, какъ слѣдуетъ, по-мужицки, не жалѣя горба. Конечно, труды пошли впрокъ, разросталась семья, а съ ней прибывали силы, прибывала и земля. Въ старинныя времена она здѣсь нипочемъ была, особенно у башкиръ. Когда я познакомился съ Мурашевыми, семья ихъ состояла изъ двухъ старыхъ дѣдовъ-братьевъ; у каждаго были и сыновья, и дочери, и внуки. Они владѣли, какъ здѣсь называютъ, вѣчнымъ, въ 500 десятинъ, участкомъ, т. е. на пра-

вахъ собственности, да арендовали еще у казны вдвое больше. Жили всѣ въ одномъ домѣ съ пристроенными къ нему двумя избами, и всего у нихъ было вдоволь: и садъ съ яблонями и вишнями рядомъ съ большимъ прудомъ, и пчельникъ, и птицы всякой и скота—всего довольно.

Братья-дѣды жили душа въ душу, а по нимъ и всѣ молодые. Тихіе, богомольные и благочестивые, какъ бываютъ иногда именно только крестьяне-труженики, они дѣйствительно составляли одну живую и цѣльную семью, всю проникнутую трудомъ и благочестіемъ. Въ привѣтливости и простотѣ ихъ слышалось что-то скромно величественное и библейское, и въ этой широкой степной обстановкѣ мужественно-серьезные и молчаливые сѣдые дѣды дѣйствительно напоминали древнихъ патріарховъ.

Какъ теперь помню, пріѣхалъ я тогда на Мурашевскій хуторъ въ самую полночь. Ямщикъ тронулъ ворота, намѣреваясь поднять стукъ; но отъ его легкаго толчка они заскрипѣли и тихо распахнулись сами.

— Вона, простота-то хуторская, что значитъ, замѣтилъ ямщикъ:—и ворота не на запорѣ!

И онъ подъ уздцы ввелъ лошадей во дворъ.

Никто изъ людей и не шевелнулся въ отвѣтъ на этотъ шумъ. Гдѣ-то вблизи дыхнула корова, слышно было, какъ подъ навѣсомъ жевали сѣно лошади, тихо загоготали потревоженные гуси—и опять все смолкло. На просторномъ дворѣ обдавало здоровымъ запахомъ навоза вмѣстѣ съ ароматомъ свѣжаго сѣна; къ этому примѣшивался еще мягкій букетъ вродѣ легкаго мускуса и парного молока отъ дойныхъ коровъ; откуда-то изъ-подъ навѣса навѣвало еще тонкимъ деготькомъ. Все это сливалось вмѣстѣ и создавало атмосферу живительную и удивительно успокоивающую... Такъ и навязывалось само собой представленіе о здоровьѣ, добромъ трудѣ и душевномъ равновѣсіи. Всю эту здоровую, отдыхающую жизнь какъ-то тепло покрывало тоже безмолвное, почти черносинее небо съ своими міріадами тихихъ и мерцающихъ звѣздъ.

— Куда-же тутъ идти? тихо спросилъ я у ямщика, не разъ уже бывавшаго здѣсь.

— А вонъ крыльцо, указалъ онъ направо.—Войдите, тамъ сейчасъ-же дверь въ горницу будетъ.

Поднявшись на ступеньки, я скорѣе ощупалъ, чѣмъ увидалъ передъ собой какія-то двѣ спящія поперекъ хода фигуры. Недолго думая, я перешагнулъ черезъ нихъ, отыскалъ дверь и вошелъ въ горницу. Комната была пуста. Тогда, не вдаваясь въ дальнѣйшія изслѣдованія, я тотчасъ-же легъ на стоявшій тутъ-же по стѣнѣ деревянный диванчикъ, раза два зѣвнулъ и заснулъ тѣмъ крѣпкимъ сномъ, какимъ спитъ усталый и здоровый человѣкъ.

— Гость! А гость!.. Вставай-ка, батюшка, чай пить, ужь не рано, услыхалъ я надъ собой чей-то добродушный голосъ и тихое потрогиванье за плечо.

Я открылъ глаза. Передо мной стояла невысокаго роста, съ добродушнымъ, въ морщинахъ, лицомъ, какая-то старушка, повязанная платкомъ и въ темномъ сарафанѣ. Это была сама бабушка и большуха въ домѣ.

— Извините, бабушка, заговорилъ я, быстро поднявшись.— Вчера вы всѣ спали, и я никого не хотѣлъ тревожить. Я ѣду къ Сергѣю Петровичу—это мой пріятель.

— Ну, что-жъ! отвѣтила съ спокойнымъ добродушіемъ бабушка.—У насъ всѣ останавливаются, кто къ нему ѣдетъ... Умыться, что-ли дать тебѣ?..

— Ну, пойдемъ теперь чай пить, говорила послѣ старушка.—Мы въ сараѣ пьемъ, тамъ попрохладнѣе, да и муха не такъ одолѣваетъ.

Тамъ, на столѣ, накрытомъ чистой цвѣтной скатертью, шумѣлъ уже самоваръ, рядомъ съ нимъ стояли масло и бѣлый домашній хлѣбъ. По длинной стѣнѣ этого сарая тянулась полка, сплошь заложенная караваями ситнаго хлѣба.

— Больно ужь у васъ просто, бабушка, говорилъ я за чаемъ.—Вчера, какъ мы въѣхали во дворъ, даже никто не шелохнулся: хоть все выноси, да выводи.

— Э-э, батюшка! возразила она. —Тутъ худыхъ людей у насъ, слава Богу, нѣтъ, да и никогда не бывало, Мы такъ-то всю жизнь свою живемъ. Какой проѣзжій человѣкъ заѣдетъ, ну, отдохнетъ, чайку попьетъ, скажемъ, вотъ какъ ты теперь, да и съ Богомъ въ путь. Мы и не знаемъ, кто такой: видно только, что человѣкъ хорошій.

Во время нашего чаепитія раза четыре къ отвореннымъ воротамъ сарая подходили рабочіе люди съ котомочками за спиной. Они останавливались въ воротахъ и отдавали молчаливый поклонъ. Бабушка брала съ полки каравай, рѣзала его пополамъ и передавала половину тоже съ молчаливымъ поклономъ въ руки стоявшаго. Сначала я подумалъ, что она одѣляетъ своихъ рабочихъ; но оказалось, что это подается милостынька прохожему народу, бредущему куда-нибудь на базаръ для наёмки на уборку хлѣба.

— Неужели это у васъ все на подаяніе наготовлено? удивился я, указывая на длинную полку, но тотчасъ-же остановился, почувствовавъ, какъ неумѣстенъ мой вопросъ.

— Батюшка, мы не считаетъ, по-прежнему добродушно отвѣтила старуха.—Это дѣло грѣшное... Какъ-же прохожему человѣку не подать?.. Идетъ, сердешный, съ дальней стороны, прохарчится: у иного и хлѣбушка-то въ котомкѣ нѣтъ.

Когда я передъ отъѣздомъ благодарилъ ее за угощеніе и ласку, она совершенно съ тѣмъ-же выраженіемъ, съ какимъ подавала хлѣбъ и кланялась прохожему народу, поклонилась и мнѣ.

— Не за что, не за что, голубчикъ, счастливый тебѣ путь, говорила она.

Словомъ, всѣ прохожіе и проѣзжіе, въ глазахъ бабушки, составляли просто странниковъ, нуждающихся въ ночлегѣ или пищѣ, и она ко всѣмъ имъ относилась одинаково.

Нечего уже и говорить, что помимо нравственнаго своего значенія, подобные люди и ихъ уголки, раскиданные на этомъ безлюдьи, представляютъ чистый кладъ, особенно зимою, для каждаго странника или путешествующаго человѣка, предлагая ему съ такой безъискусственной сердечной простотою и теплый кровъ, и радушно поданный кусокъ.

Но эти люди уже быстро сходятъ со сцены.

— Старики давно уже спятъ на погостѣ, объяснялъ мнѣ Сергѣй Петровичъ,—а молодые, хотя и хорошіе люди, но все уже не то, что было: гляди, скоро и хуторъ раздѣлятъ все врозь ѣдетъ. Старые люди сложились на прежнемъ просторѣ, когда къ землѣ доступъ былъ, а теперь тѣснота ужъ началась и другая порода пошла...

VII.

Мы переночевали у Мурашева. На утро за чаемъ пошла обычная бесѣда: каковы цѣны, былъ-ли дождь, и т. п.

— Ну, и слава Тебѣ, Господи, замѣтилъ Мурашевъ, когда узналъ, что пшеница чуть не въ одинъ день выросла на цѣлый пятакъ.—Надо будетъ, значитъ, везти въ Самару.

— А много у васъ ея? спросилъ я.

— Да развѣ онъ скажетъ? вставилъ, усмѣхаясь, Сергѣй Петровичъ.—Ты, пожалуй, еще сглазишь или позавидуешь...

— Отчего не сказать, коли дѣло есть. А то что-жъ такъ, попусту-то... спокойно отозвался тотъ. — Тысячи полторы, гдяди, наберется.

— Ну, а на земское собраніе поѣдешь? обратился къ нему Сергѣй Петровичъ, беря въ то-же время съ угольнаго столика печатные протоколы его.—Вѣдь оно скоро будетъ...

— Богъ съ нимъ совсѣмъ, что намъ тамъ дѣлать?—отозвался Мурашевъ, накрывая чашку.

— Вотъ извольте, строго замѣтилъ Шелеховъ. — Его выбрали въ гласные, а онъ и носа туда не кажетъ... Нужно, нужно бывать, внушительно обратился онъ къ нему.

— Э-э, Сергѣй Петровичъ! возразилъ тотъ, махнувъ рукой.—Что намъ тамъ дѣлать?.. И безъ насъ обсудятъ: мало-ли тамъ умныхъ людей?..

— Нельзя-же такъ разсуждать, продолжалъ строго внушать Сергѣй Петровичъ.—Мало-ли тамъ дѣлъ до крестьянства касается?.. Какой-же это толкъ, если за васъ все другіе будутъ рѣшать... Надо и своимъ умомъ шевелить, Митрофанъ Егорычъ... Нѣтъ, поѣзжай непремѣнно... тебѣ довѣріе оказали: въ гласные выбрали, а онъ отлыниваетъ...

— Да что тамъ дѣлать-то нашему брату, Сергѣй Петровичъ? оправдывался Мурашевъ.—Говорить мы складно не умѣемъ, законовъ и дѣловъ не знаемъ... Только время проведешь... а у насъ свои дѣла... къ тому-же я вѣдь церковный староста, здѣсь тоже служба... Да нѣтъ, — онъ опять махнулъ рукой, — съ перваго-же раза не полюбилось мнѣ тамъ: все начальство; сидишь да молчишь... Нѣтъ, въ присяжныхъ въ судѣ много лучше.

— А тамъ обвинять приходится... Что-же тутъ занятнаго? замѣтилъ я.

– Зачѣмъ обвинять? тихо и серьезно отвѣтилъ хозяинъ.— Обвинитель Господь Праведный одинъ у всѣхъ; Онъ и найдетъ всѣ вины; а наше дѣло оправдать человѣка...

— Тебѣ, братъ, Митрофанъ Егорычъ, засмѣялся мой пріятель,—я вижу, надо только на печи съ бабой сидѣть, да около своего хозяйства ходить; а для общественныхъ дѣлъ ты не годишься...

— Зачѣмъ-же такъ, нѣсколько конфузливо улыбаясь замѣтилъ хозяинъ.--У насъ тоже дѣла не мало... Вотъ хотябы церковнымъ старостой тоже, опять сослался онъ на свое служеніе.

— Да ужъ нечего тутъ, подтрунивалъ Сергѣй Петровичъ.— Куда ужъ не боекъ!.. Признавайся прямо, что робѣешь на собраніи.

— Да что-жъ, это вѣрно, Сергѣй Петровичъ... Рѣчей у насъ умныхъ нѣтъ, дѣловъ не знаешь; ну, и опасаешься, какъ-бы чего лишняго или пустого передъ начальствомъ не сказать... Это вѣрно, кротко сознался Митрофанъ Егорычъ.

— Вотъ, говорилъ Шелеховъ, уже выѣхавъ отъ Мурашева,—какой хорошій и честный человѣкъ Митрофанъ; ну, а что въ томъ толку, что онъ гласный?.. Бѣжитъ, прячется отъ всякаго засѣданія... И никогда не будетъ никакого прока въ этихъ заугольникахъ, пока образованіе не расширитъ ихъ кругозоръ и не внушитъ имъ, что къ общественнымъ обязанностямъ надо относиться такъ-же серьезно и строго, какъ они относятся нынче, ну, скажемъ, хоть къ соблюденію постовъ, что ли... Это сдѣлаетъ именно только образованіе; даже не свобода, потому-что плохо она цѣнится.

— А что-же, какъ не желаніе этой свободы заставляетъ, хоть тѣхъ-же Мурашевыхъ, дѣлиться и каждому жить своимъ хозяйствомъ? замѣтилъ я.

— Ну-у?.. потянулъ онъ весьма скептически. — Просто грошъ. У насъ теперь нажива около мужика стала очень легка, потому-что мужикъ тоже переходитъ на денежное хозяйство. Съ грошомъ около него можно много сдѣлать, т. е. набить себѣ легкимъ путемъ карманъ. Эти хищниче-

скіе аппетиты такъ усиливаются, съ каждымъ днемъ можно сказать, что и хорошій человѣкъ быстро затягивается въ это дѣло; словомъ, аферистъ на аферистѣ.

Между тѣмъ солнце начинало подпекать все сильнѣе и сильнѣе. Нигдѣ не было видно ни дерева, ни кустика, никакихъ слѣдовъ тѣни: всюду эта гладкая и ровная степь, залитая жаркими потоками солнечнаго свѣта. Впрочемъ, изрѣдка, верстъ за 12—15 одно отъ другого тянутся по дорогѣ или вблизи отъ нея большія селенія, тысячи по полторы и по двѣ душъ и нѣсколько разнообразятъ эту утомительную равнину. Въ селахъ кой-гдѣ зеленѣютъ около запрудъ рѣдкія ветлы или тощіе садишки; но поля, особенно крестьянскія, очень не радуютъ: колосъ тощій и рѣдкій, съ сильнымъ захватомъ отъ жары по окрайкамъ; плохи вездѣ и покосы, поросшіе рѣдкой и зачахлой травой.

— Да, нынче крестьянамъ опять будетъ плохо, заговорилъ Шелеховъ,—опять скотину начнутъ переводить; просто бѣда такъ и ходитъ за мужикомъ. Только что немножко отъ прежней голодухи поправляться сталъ,—опять новая впереди.

Зато хлѣбъ дорогъ будетъ на утѣшеніе многихъ ученыхъ петербуржцевъ: — по ихъ мнѣнію это общее благо, отозвался я.

— Да,—помолчавъ немного, опять заговорилъ Шелеховъ,—иногда просто глазамъ не вѣришь, читая обо всѣхъ этихъ столичныхъ препирательствахъ. Точно эти люди на лунѣ живутъ. Вѣдь какъ-бы ни былъ дешевъ хлѣбъ, хотя-бы даже онъ совсѣмъ былъ безъ цѣны и давался даромъ, во всякомъ случаѣ крестьянинъ и бѣднякъ насыщались-бы имъ тогда въ волю, да и скотина ихъ не голодала-бы. Говорятъ, что мужику все равно нужно всегда продавать свой хлѣбъ, и при дешевизнѣ его онъ продаетъ его за грошъ; но во-первыхъ, ужъ во всякомъ случаѣ, на свой-то прокормъ у него всегда-бы оставался этотъ хлѣбъ; а ему пока только этого и нужно. Конечно, совсѣмъ другое дѣло, еслибъ тотъ-же крестьянинъ всегда имѣлъ большіе излишки хлѣба; словомъ, если-бы производилъ его, какъ и крупный землевладѣлецъ, почти исключительно для продажи; но вѣдь кажется, всѣмъ извѣстно, что нашъ мужикъ тащитъ на базаръ свой хлѣбъ поневолѣ и притомъ въ самую невыгодную пору,

что онъ почти постоянно вынужденъ прикупать его весною; что времена, когда у мужика бывали запасы, отошли уже въ вѣчность; слѣдовательно о чемъ-же тогда споръ?.. Я понимаю, ради эгоистическихъ интересовъ можно запутывать этотъ вопросъ; но людямъ ученымъ препираться и доказывать выгодность дорогого хлѣба, забывая о положеніи крестьянскаго хозяйства, гдѣ въ этомъ хлѣбѣ всегда нужда, это уже непростительно. Трудъ мужика на собственномъ его надѣлѣ стоитъ столько, сколько стоитъ его собственное содержаніе, да еще прокормъ его рабочей скотины; а при дешевизнѣ хлѣба и корма все это составляетъ самую ничтожную цѣнность; ну, а въ хозяйствѣ крупномъ и денежномъ, гдѣ весь трудъ наемный,—дѣло совсѣмъ другое. Надо при изобиліи урожая ловить время и народъ, который тогда болѣе дорожится съ своимъ трудомъ; слѣдовательно, надо и платить рабочему дороже, да и всѣ расходы въ видѣ лучшаго инвентаря и управленія ложатся тогда уже болѣе высокимъ процентомъ на полученный дешевый продуктъ. Для такихъ хозяйствъ дешевый хлѣбъ, конечно, обида, потому-что онъ имъ нуженъ не на собственное продовольствіе, а въ обмѣнъ на другіе товары или на уплату банковыхъ процентовъ... А впрочемъ, нашему крестьянину и при дорогомъ и при дешевомъ хлѣбѣ все приходится плохо. Кажется, „Московскія Вѣдомости“ проповѣдывали, что крестьянскій надѣлъ есть только необходимый фондъ, обезпечивающій за крестьяниномъ правильное выполненіе имъ своего государственнаго призванія. т.-е. какъ платежной единицы... Такъ даже и съ этой точки зрѣнія слѣдовало-бы относиться повнимательнѣе къ его хозяйственному положенію и не заставлять его по осенямъ за безцѣнокъ тащить свой хлѣбъ. Ты знаешь, по чемъ нынче зимой, напримѣръ, рожь скупали у мужиковъ? Да по 14 и по 15 коп. и самое большое по 20 коп., а теперь ей цѣна вонъ уже 40. Скажутъ, пожалуй, что прошлый годъ былъ урожайный; но погоди, увидишь нынѣшней зимой, что будетъ и въ неурожайный. За ту-же почти цѣну потащутъ осенью на базаръ. Зернохранилища, элеваторы настроили, кредитъ подъ хлѣбъ открыли, а мужикъ и крохой не попользовался изъ всѣхъ этихъ вашихъ благъ... Все только въ руку хлѣботорговцевъ съиграли, даже

не землевладѣльцевъ, а, прямо говорю, скупщиковъ и спекуляторовъ. Не вѣришь, такъ просмотри по отчетамъ, кто больше пользуется банковыми и желѣзнодорожными ссудами, чей хлѣбъ въ элеваторахъ?.. Вѣдь въ порта нашъ землевладѣлецъ свой хлѣбъ отправлять не станетъ. А ужь чего-бы, кажется, проще поступить съ этими зернохранилищами и кредитомъ. Устрой ихъ во всѣхъ торговыхъ селахъ и открой при нихъ кредитъ подъ крестьянскій хлѣбъ въ такихъ-же широкихъ границахъ, напримѣръ, 80%—95%, какъ это дѣлаютъ нынѣ нѣкоторые частные банки по отношенію скупщиковъ. Кажется, убытка ни для кого не было-бы, кромѣ кулака, если-бы крестьянинъ продавалъ свой хлѣбъ за 40 коп., ну, даже за 35 коп. вмѣсто нынѣшнихъ 15 коп.

Время подходило къ полдню, и уморившіеся кони плелись самой тихой рысцой, ежеминутно отмахиваясь отъ назойливо злыхъ мухъ, которыя этимъ лѣтомъ что-то рано стали кусаться.

Впереди, верстахъ въ 7-ми, въ небольшой лощинѣ забѣлѣло передъ нами огромное село Землянки—крупный хлѣбный и скотный рынокъ для цѣлой округи верстъ на 70. Тутъ и въ сосѣдней деревнѣ Антоновкѣ живетъ довольно много молоканъ, о которыхъ Сергѣй Петровичъ разсказалъ мнѣ исторію, нынѣ уже знакомую изъ газетъ, но тогда еще мало кому извѣстную,—о томъ, какъ въ нѣсколькихъ семействахъ отобрали было дѣтей. Говорятъ, что по разнымъ монастырямъ развезены, такъ сами родители разсказывали... пояснилъ Шелеховъ, тяжелое впечатлѣніе произвела эта исторія на весь здѣшній народъ!.. Да и что за мѣра?.. продолжалъ онъ, развѣ такой жестокостью возможно внести Христовъ миръ въ души преслѣдуемыхъ и преслѣдующихъ?..

— Что же, удалось ли родителямъ розыскать своихъ дѣтей, спросилъ я.

— Мать нашла свою дѣвочку въ одномъ монастырѣ, но свиданія не дали. Разсказываютъ, что дѣвочка то увидала свою мать случайно—въ дверь... Да такъ съ крикомъ и бросилась на шею къ ней, такъ и замерла... Ну, ихъ сейчасъ же и развели. „Уходи, говорятъ, съ Богомъ, а то и намъ изъ за тебя бѣда будетъ“.

Одинъ изъ отцовъ, бывшій солдатъ, продолжалъ разска-

зывать Сергѣй Петровичъ, въ Петербургъ кинулся къ большимъ людямъ, гдѣ онъ въ полку прежде служилъ. Такъ не вѣрятъ... Ты что нибудь врешь и путаешь, возражаютъ ему... Не можетъ этого быть, что бы малыхъ дѣтей отнимали у родителей... Обѣщали разузнать, да такъ ничего и не вышло... Вотъ тебѣ и не можетъ быть, закончилъ онъ.

— Такъ ты говоришь, что это тяжело отразилось на народѣ, переспросилъ я.

— Ну, понятно, всѣ возмущены и напуганы, отозвался онъ пожавъ плечами. Представь, теперь даже ребята у православныхъ-то, какъ услышатъ колокольчикъ, такъ всѣ, какъ воробьи и разлетятся кто куда прятаться въ солому... Я знаю, что у нашего пристава есть предписаніе сдѣлать подобную же выемку и въ селѣ К....ѣ, но тамъ жители уже предупреждены здѣшней исторіей, и встрѣтятъ его, кажется, не ласково. А потому онъ и самъ до сихъ поръ не рѣшается привести въ исполненіе эту мѣру... Да и вообще носятся слухи, добавилъ онъ, что возникли какія-то сомнѣнія и въ оффиціальныхъ уже сферахъ [1]).

— Во всей этой печальной исторіи, замѣтилъ я, я не понимаю самаго главнаго, а именно — какая причина могла вызвать на подобную мѣру? Вѣдь здѣсь издавно живетъ множество сектантовъ и понятно, что родители воспитываютъ дѣтей въ духѣ своей же вѣры, т. е. такъ, какъ велитъ имъ ихъ религіозная совѣсть. Почему же это вдругъ разразилась такая бѣда?..

— Духъ времени, съ усмѣшкой отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ. И что всего поразительнѣе, продолжалъ онъ, такъ это то, что никто изъ общества, даже никто изъ исполнителей этихъ мѣръ ни крошечки вѣдь не вѣритъ въ дѣйствительную полезность ихъ: всѣ пожимаютъ плечами или прямо относятся отрицательно... и все таки же дѣлаютъ!.. Удивительно мертвое время... Ну, я понимаю возвысилъ онъ голосъ, въ вѣкъ пламенной борьбы, когда горѣлъ этотъ всесокрушающій непримиримый огонь вѣры... А то теперь-то? захотѣли всеобщаго равнодушія такими мѣрами раздувать этотъ потухшій пламень?..

[1]) Послѣ по распоряженію высшихъ властей дѣти были возвращены родителямъ.

— Ну, что же, вставилъ я вскользь, ты можешь, значитъ, только радоваться этому съ своей точки зрѣнія: скорѣе къ концу.

— Я?!.. удивился онъ, пожимая плечами, съ какой стати?.. Чему же тутъ радоваться, когда растетъ одичаніе, злоба и фанатизмъ; развѣ эти опасныя страсти хорошее поле для дѣла жизни; развѣ это завѣтъ Христа?..

— Да ужъ ты самъ не записался-ли въ какую секту, полушутя спросилъ я; съ нѣкоторымъ любопытствомъ заглядывая ему въ лицо.

— Я вовсе не шучу, серьезно и тихо отозвался Сергѣй Петровичъ. Я живу здѣсь среди множества разновѣровъ вотъ уже 20 лѣтъ и могу по совѣсти сказать, что въ большинствѣ случаевъ все это народъ крайне мирный, трудолюбивый и за рѣдкими исключеніями искренно религіозный. Чего же ты хочешь отъ меня?.. Я вѣдь тоже живой человѣкъ. Ежедневно я сталкиваюсь съ этими людьми, вхожу съ ними въ живыя нравственныя отношенія. Такъ что же, развѣ не обязанъ я по человѣчески и справедливо относиться къ нимъ? Смѣло могу сказать тебѣ, что большинство изъ этихъ разновѣровъ честнѣе, разумнѣе, а главное практически болѣе христіане, чѣмъ многіе и многіе правовѣры... Кому же и чѣмъ могли помѣшать они? Тѣмъ, что живутъ трезво и нравственнѣе другихъ что-ли; или что ревнивѣе и горячѣе относятся къ тому, что бы ихъ жизнь по возможности не расходилась съ ихъ вѣрованіями?.. Логика фактовъ навязываетъ подобное заключеніе; но думать такъ вѣдь уже черезъ чуръ тяжело, закончилъ Сергѣй Петровичъ съ какой то скорбной ноткой въ голосѣ и опустилъ внизъ свою голову.

— Однако, ты не забывай, пытался я возражать, — что истина можетъ быть только одна, что, наконецъ, практическія послѣдствія разнотолковъ могутъ быть опасны для цѣлаго порядка...

— Поди ты!.. горячо перебилъ онъ меня.— Живую душу человѣческую сбереги... ея свѣтлая жизнь и есть порядокъ... это-же и единственное средство борьбы и защиты. „Живите такъ, чтобы и язычники, увидя добрыя дѣла ваши, прославили Бога“, процитировалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

На нѣсколько минутъ мы замолкли, и я дивился про себя

тѣмъ перемѣнамъ, какія произошли съ моимъ пріятелемъ... Не мало времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлся съ нимъ, и пережито имъ тоже, должно быть, не мало.

— Такъ ты, значитъ, думаешь, что въ дѣлѣ вѣры должна быть полная свобода, спросилъ я его...

— А какже еще иначе?.. удивленно взглянулъ онъ на меня. Развѣ вѣчно живого Бога, источника истинной свободы, сыщешь внѣ своей свободной совѣсти?.. Ты пойми, пойми это, опять горячо заговорилъ Сергѣй Петровичъ. Вѣдь и Самъ Богъ никого не насилуетъ спасеніемъ, а люди берутся за это?!. Свободой, наконецъ, только обличается злое и узнается доброе. Помнишь плевелы и пшеницу... Самому Предателю развѣ не Онъ же сказалъ: „Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“... Нѣтъ! Къ Источнику свободы надо человѣку идти свободно и искренно. И, конечно, тѣ простые и лишенные духовнаго хлѣба люди, которыя сами искренно и свободно ищутъ въ своей совѣсти живого Бога, безъ сомнѣнія, ужъ болѣе жизненны чѣмъ тѣ, которыя спятъ мертвымъ сномъ подъ покрываломъ знамени истины.

— Ты сейчасъ замѣтилъ мнѣ,—скромно продолжалъ Шелеховъ, что-то о порядкѣ, объ укладѣ. Да развѣ всякій такой укладъ не требуетъ для своего существованія живой и нравственно религіозной основы; словомъ того, что помимо страха и сыска должно свободно связывать людей... И если это вѣрно, такъ ради Бога не творите же себѣ кумира изъ этого уклада. Христіанство есть жизнь и жизнь непрерывная—вѣчная. Бодрствуйте, говоритъ Учитель. Такъ чего же бояться тогда человѣку—носителю такой жизни... Какой сектантъ можетъ нарушить эту жизнь?.. Нѣтъ, дѣло не въ томъ. мой другъ, заговорилъ онъ какъ-то особенно мягко. За такую жизнь бояться, конечно, нечего,—да никто и не боится; а боятся за то, что само въ себѣ не вѣчно, и боятся тѣ люди, которые несовершенны въ любви Спасителя. Вѣрные послѣдователи не боялись ни креста ни мукъ всякихъ; а Іудеи—представители мертваго порядка, вотъ тѣ боялись и потому кричали: „распни“!..

И какъ часто мы видимъ, опять заговорилъ онъ, послѣ нѣкоторой передышки, что люди смѣшиваютъ этотъ человѣческій укладъ съ укладомъ вѣчнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего

лучше для лѣниваго раба, увѣрившись, что онъ въ истинѣ, кричать, и требовать, особенно еще когда ему тепло на свѣтѣ, самыхъ строгихъ мѣръ къ охраненію этого уклада, до полиціи включительно. Загналъ всѣхъ подъ одну крышу, а затѣмъ и спи спокойно!.. Но только наврядъ-ли такими мѣрами удовлетворится народная совѣсть, тихо покачалъ головою Сергѣй Петровичъ.

— Неужели ты думаешь, вдругъ повернулся онъ ко мнѣ, что для борьбы со зломъ, а тѣмъ болѣе заблужденіемъ, да еще добросовѣстнымъ, необходимо бороться злыми, насильственными средствами?.. Допусти на минуту только, что всѣ требованія и пріемы нынѣшняго уклада перенесены въ давнопрошедшія времена, когда только-что загаралась заря вѣчной жизни человѣчества... Что же, всѣ великіе и святые люди тоже пошли бы тогда бить и колоть?.. Такъ, что-ли?.. Посмотрѣлъ онъ мнѣ прямо въ глаза.

— Я не знаю, что было-бы тогда, отвѣчалъ я,—но нынче иной строй... Развѣ можно рисковать добрыми плодами жизни: судьбами общественности, національности, культуры...

— Ну, такъ ты извини меня, тихо перебилъ Сергѣй Петровичъ,—если я прямо скажу, что ты просто атеистъ и ровно ничему не вѣришь, кромѣ того только, что держишь въ своихъ рукахъ. Какъ! Ты, значитъ, думаешь, что нельзя умирать такъ, какъ завѣщалъ Богочеловѣкъ, а не иначе, какъ только съ поднятой къ удару рукой! Ты думаешь, что въ совѣсти народной не хранится глубоко правда крестной жизни и смерти?.. Да цѣлые вѣка русскій народъ заявляетъ о ней, часто даже въ уродливыхъ порывахъ какого-то отчаянія, онъ ужъ не виноватъ въ этомъ. Эта жажда мученичества и у старинныхъ самосожигателей и т. д.—вплоть до потрясающей тираспольской исторіи... Боже мой, Боже мой, какой страшный расколъ душъ, какое тяжкое недоразумѣніе!

— Да ты самъ-то къ какому толку принадлежишь? спросилъ я полушутя.

— А я просто-таки одинъ изъ многихъ милліоновъ—слабый и грѣшный человѣкъ, но не потерявшій еще ни совѣсти, ни потребности живой вѣры въ вѣчную Божью правду. Да, я вѣрю въ эту правду, я хочу ея... Я ежеминутно ошибаюсь,

грѣшу; но и мучаюсь за это, и искренно не желаю повторять этихъ ошибокъ...

— Ну, а дальше что?

— Чего-же тебѣ еще? отозвался онъ.— Если-бы я смѣлъ сказать, что я христіанинъ, то я-бы сказалъ это тебѣ... Но тѣмъ не менѣе, я вѣрую въ Него, но только не смѣю назвать себя Его вѣрнымъ послѣдователемъ. Я вѣрю въ Его ученіе; вѣрю, что оно есть благая вѣсть жизни и что въ немъ нѣтъ и тѣни насилія и фанатизма... Скажу еще большее: я вѣрю въ церковь Его, во всѣ ея догматы; я молюсь въ храмѣ; я, грѣшный и слабый человѣкъ, знаю, какія неисчерпаемыя благодатныя сокровища даетъ эта вѣчная и единая для всѣхъ мать тѣмъ, кто истинно вѣритъ... Но относительно людей и всѣхъ человѣческихъ толкованій и дѣлъ, кто-бы эти люди ни были, я оставляю себѣ полную свободу судить по совѣсти отнюдь не руководствуясь ни какими практическими соображеніями о временныхъ людскихъ укладахъ, мнѣніяхъ и выгодахъ, какъ-бы не старались пріурочить ихъ къ вѣчному. А затѣмъ судъ Христовъ надъ всѣми, тихо закончилъ онъ.

Ямщикъ давно уже повернулся къ намъ лицомъ и съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ тихую рѣчь моего пріятеля. Лошади тоже брели нога за ногу. Но Сергѣй Петровичъ до самаго дома не сказалъ уже больше ни одного слова. Молчалъ и я.

Какая громадная и глубокая перемѣна произошла съ этимъ человѣкомъ,—неотступно думалось мнѣ.—Гдѣ этотъ прежній самоувѣренно-спокойный и изящный интеллигентъ, строившій свою жизнь на данныхъ науки; гдѣ этотъ слегка насмѣшливый послѣдовательный матеріалистъ въ теорія и усердный поклонникъ всякой красоты, до женской включительно, на практикѣ, всегда самонадѣянный и неуступчивый въ своей правдѣ и мнѣніяхъ... Ничего не осталось отъ этого человѣка, кромѣ его всегдашняго, искренняго и честнаго сердца, всегда сознававшаго свой неоплатный долгъ передъ народомъ... А теперь, вонъ онъ, сгорбленный и худенькій, уткнулся въ свою длинную сѣдую бороду и тихо-тихо задумался о чемъ-то... На его свѣжемъ, отъ постояннаго труда и скромной жизни,

добромъ лицѣ разлито что-то смиренно-грустное, но вмѣстѣ съ тѣмъ тихо-спокойное и твердое.

Да! 20 лѣтъ трудовой жизни и всякихъ тяжелыхъ испытаній, перенесенныхъ среди простого русскаго люда, пытливаго къ Божьей правдѣ и съ незаснувшей и отзывчивой совѣстью, сдѣлали, видно, свое дѣло. Они отучили его отъ школьной и привилегированной исключительности, они заставили его полюбить людей уже не во имя своихъ теорій, а во имя самой жизни и ея вѣчной правды... Эти люди открыли передъ нимъ свою простую, но живую народную душу, и этотъ хорошій человѣкъ свободно и тихо нашелъ тутъ Бога живого, призналъ Его и поклонился Ему... Оттого-то онъ такъ тихъ, спокоенъ и ласково грустенъ теперь...

VIII.

— Ну, вотъ, наконецъ, и мой хуторъ, заговорилъ Сергѣй Петровичъ, когда мы только-что взобрались на очень длинный, но еле замѣтный подъемъ.

Въ верстѣ отъ насъ, въ небольшой лощинкѣ, блестѣлъ прудъ, прикрытый густой зарослью изъ молодыхъ ветелъ и тополей, а немного въ сторонѣ отъ него ютился подъ тесовой кровлей небольшой домикъ, съ протянувшимися отъ него въ рядъ разными хозяйственными постройками.

Когда мы спустились уже на плотину, изъ-за ближнихъ ветелъ бойко выскочило что-то штукъ съ пять дѣвочекъ маленькихъ и подростковъ и съ веселыми криками кинулись къ нашей телѣжкѣ. Это все были дѣти Сергѣя Петровича.

Ямщикъ придержалъ лошадей, и бойкая молодежь прямо на ходу поскакала къ намъ въ телѣжку, налету здороваясь съ отцомъ и усаживаясь какъ попало: кто на облучокъ, кто прямо къ отцу на колѣни. Всѣ они выглядѣли такими здоровыми и загорѣлыми крѣпышами, всѣ въ перепачканныхъ платьяхъ, съ запыленными и потными лицами; вообще, видно было, что на степномъ просторѣ имъ жилось весело и привольно.

На крыльцѣ насъ встрѣтила жена Сергѣя Петровича, здоровая и свѣжая еще женщина, никогда не покладывавшая рукъ и не бѣгавшая ни отъ какой черной и тяжелой работы.

Усадивъ насъ тотчасъ-же за чай, она весело переговаривалась съ нами въ промежутки между бѣготней по хозяйству и усердно угощала всякими явствами.

Сергѣй Петровичъ, какъ я уже упоминалъ прежде, арендуетъ у казны два участка, а всего 2.932 десятины на 12-ти лѣтній срокъ по 1 р. 20 коп. за десятину и додерживаетъ землю уже послѣдніе три года.

Согласно общимъ установленіямъ, Шелеховъ имѣетъ право пахать ежегодно только $^1/_{12}$ всей земли, которая составляетъ залежь или такъ называемую крѣпкую, и оборотъ, т.-е. прошлогоднюю пашню и можетъ быть засѣваема рожью или русской пшеницей и овсомъ, вся остальная должна отдыхать подъ выгонами или покосами и, разбитая на карты чередуется постепенно въ обработкѣ, такъ-что каждый участокъ или карта поступаетъ подъ пашню послѣ 12 лѣтняго отдыха. На основаніи тѣхъ-же правилъ объ арендѣ, сѣять можно только зерновые хлѣба, а отнюдь не масличныя растенія, какъ сильно истощающія почву. Поэтому на своемъ участкѣ Шелеховъ сѣетъ только яровую пшеницу, на крѣпкой землѣ—высшій сортъ ея—бѣлотурку, а на оборотѣ—русскую.

Въ виду постоянныхъ толковъ и жалобъ, раздающихся у насъ изъ всѣхъ угловъ, на какой-то хроническій кризисъ, поразившій наше сельское хозяйство, изъ котораго, несмотря на всякія банковыя льготы, оно якобы никакъ не можетъ высвободиться, будетъ не лишнимъ привести здѣсь въ сжатомъ видѣ весь бюджетъ Шелеховскаго хозяйства за прошлые 1896—1897 гг.

Какъ было сказано, онъ арендуетъ у казны 2.932 десятины за ежегодную сумму въ 3.274 руб. 50 коп. и, согласно положенію, изъ всего этого количества онъ пашетъ только 490, изъ которыхъ 90 сдаетъ въ аренду крестьянамъ. Живой инвентарь состоитъ: изъ 311 штукъ крупнаго скота (рогатаго и лошадей), 11 верблюдовъ и 120 молодняка (телятъ и жеребятъ), всего на сумму 11.950 руб. Обыкновенно ранней весной (постомъ) покупается еще отъ 80 до 100 быковъ по цѣнѣ отъ 35 до 40 рублей и отъ 1.000 до 1.500 овецъ; тотчасъ-же послѣ бороньбы быки пускаются на нагулъ вплоть до осени, когда и продаются вмѣстѣ съ нагульными-же

овцами на мясо. Мертвый инвентарь въ орудіяхъ хозяинъ оцѣниваетъ въ 6.370 р. Тутъ было и 4 жнейки, столько-же косилокъ и сѣялокъ, 2 конныхъ молотилки, сѣнной прессъ и т. под. Постройки цѣнились въ 4.500 рублей. Кормовыхъ запасовъ считалось 4 тысячи возовъ сѣна и 10 тыс. возовъ мякины и соломы, на сумму до 16 тысячъ рублей.

Постоянныхъ рабочихъ при имѣніи числилось 10 мужчинъ и 2 женщины; на жалованье и содержаніе ихъ выходитъ 1.300 руб. въ годъ; кромѣ того 2 приказчика—600 руб.; съ весны до осени прибавляется еще 8 человѣкъ, съ расходами на нихъ,—550 руб.

Весь расходъ на 1 десятину какъ по обработкѣ, такъ и уборкѣ хлѣба, считая тутъ-же и доставку на рынокъ, составляетъ—29 руб. 83 к. или на 400 десятинъ—11.932 руб., что вмѣстѣ съ уборкой сѣна и арендной платой даетъ расхода до 16.956 рублей.

Побочныя отрасли хозяйства составляли овцы и быки. И тѣ и другіе, какъ уже было упомянуто, покупаются ранней весной и, послѣ нагула, осенью продаются на убой. Та и другая статья дали въ расходѣ—10.099 руб. и въ приходѣ—11.625 рублей.

Весь-же приходъ въ отчетномъ году выразился: отъ пшеницы бѣлотурки и русской—16.500 пуд. на 16.025 р., отъ сѣна 1.500 возовъ — на 3.000 рублей, отъ продажи овецъ и быковъ — 1.526 руб., отъ аренды 90 дес.—540 р.; итого 21.561 руб.; расходъ 16.956 руб. 30 коп.; чистая прибыль—4.704 руб. 50 коп.

Слѣдуетъ замѣтить, что эта прибылъ понижена, во-первыхъ, потому, что хозяинъ совсѣмъ не считаетъ доходовъ отъ громадныхъ запасовъ имѣющихся у него кормовыхъ средствъ, которыя обыкновенно продаются въ неурожайные года; во-вторыхъ, прибыль отъ 30 штукъ молочнаго скота, отъ 20 штукъ свиней и разной птицы, отъ огорода, а также отъ услугъ рабочихъ и пользованья лошадьми собственно для нуждъ хозяина и, наконецъ, цѣну квартиры. Все это, взятое вмѣстѣ, составитъ въ годъ никакъ не менѣе 1.500 рублей. Такимъ образомъ, чистая прибыль должна выразиться не менѣе какъ въ суммѣ—6.200 рублей, и это значитъ, что на 40 тысячъ, затраченнаго въ хозяйство капи-

тала (основного и оборотнаго), она составитъ $15^1/_2\%$. Положимъ, что отчетный 1897 годъ былъ особенно благопріятенъ въ смыслѣ высокихъ цѣнъ на пшеницу; но зато и урожай ея былъ плохъ; въ предыдущемъ 1896 году Шелеховъ потерпѣлъ до 10 тысячъ убытка на выжиданіи цѣнъ; но зато онъ съ лихвой вернулъ его, продавъ большой запасъ прошлогодняго хлѣба по высокой цѣнѣ слѣдующимъ лѣтомъ, такъ-что и прошлый годъ далъ вслѣдствіе умѣнья выждать до 5% прибыли. Такимъ образомъ, два такихъ типичныхъ года какъ 1896 г., урожайный и дешевый, и 1897 г., неурожайный и дорогой, въ своемъ среднемъ могутъ служить довольно точнымъ выразителемъ нормальной прибыли, составляющей, какъ видно изъ вышеприведеннаго разсчета, около 10% на весь затраченный капиталъ.

Кажется, въ виду этихъ данныхъ, дѣйствительность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, жаловаться на невыгодность хозяйства или на гнетъ какого-то экономическаго кризиса, совсѣмъ уже дѣло грѣшное. Конечно, если сравнить результаты этого хозяйства съ такими-же въ обыкновенномъ помѣщичьемъ россійскомъ хозяйствѣ, которое прибавляется на $2^1/_2$ и 3%—то картина выйдетъ рѣзкая и поучительная. Не надо вѣдь забывать также, что Шелеховъ хозяйничаетъ не на собственной, а на арендной землѣ и, слѣдовательно, переплачиваетъ ежегодно свыше 3.000 рублей аренды, и всетаки-же получаются такіе внушительные результаты и въ доходности и въ самой постановкѣ хозяйства, оборудованнаго такъ обстоятельно, какъ не часто можно встрѣтить въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Въ чемъ-же тутъ вся суть? Да она въ томъ, что Шелеховъ давно уже отрясъ весь родовой прахъ отъ ногъ своихъ, что онъ окончательно переродился и сдѣлался простымъ трудящимся человѣкомъ. Не соблазняемый никакими мечтами и надеждами ни на банковыя облегченія, ни на государственную службу и вообще какія-либо привилегированныя положенія, онъ твердо помнитъ одно, что долженъ надѣяться только на себя и жить согласно той умной пословицѣ, которая требуетъ „по одежкѣ протягивать ножки“.

Онъ и живетъ въ тѣсномъ домикѣ рядомъ съ скотнымъ дворомъ, онъ почти не вылѣзаетъ изъ телѣжки или саней,

и его увидишь всюду: и на сельскихъ базарахъ, и при сгонѣ гурта, и съ пшеницей въ Самарѣ. Онъ-же самолично разъѣзжалъ по степнымъ хозяйствамъ съ своей молотилкой, самъ возилъ на своихъ верблюдахъ чужой хлѣбъ; мерзъ, голодалъ и не разъ даже рисковалъ своею жизнью, застигнутый въ пути злыми степными метелями; словомъ, ни онъ, ни жена его не бѣгали никогда отъ работы, да и какой работы?.. Утомительной, скучной и тяжелой, которая тянулась безпрерывно не одинъ десятокъ лѣтъ... Оттого, наконецъ, дѣти его бѣгаютъ лѣтомъ замарашками и босикомъ и не умѣютъ болтать по-французски, хотя это не мѣшаетъ имъ хорошо учиться въ гимназіяхъ...

Настойчивая энергія и непокладливый трудъ, соединенный съ умѣньемъ неприхотливо жить и терпѣливо сжаться во всѣхъ своихъ потребностяхъ, словомъ, привычка жить за свой собственный счетъ, вотъ тѣ условія, которыя спасаютъ и излѣчиваютъ самымъ радикальнымъ образомъ отъ злой болѣзни, слывущей у насъ подъ именемъ землевладѣльческаго, хозяйственнаго и всероссійскаго кризиса.

Шелеховское хозяйство отнюдь не исключительное по своимъ результатамъ, оно можетъ быть въ любомъ углу Россіи, а въ самарскихъ степяхъ, гдѣ сгрудились непривилегированные землевладѣльцы или крупные арендаторы, оно болѣе или менѣе вездѣ такое-же. Но хотя хозяйство моего пріятеля и не представляло ровно ничего особеннаго въ здѣшнемъ краѣ, всетаки-же слѣдуетъ замѣтить, что подобная прибыль можетъ быть только у такихъ лицъ, которыя въ состояніи выжидать хорошихъ цѣнъ и часто даже не годъ, не два, а и больше; словомъ, которыя владѣютъ достаточнымъ запаснымъ капиталомъ и при помощи его занимаются не исключительно полеводствомъ, но и другими, связанными съ нимъ, отраслями, какъ, напримѣръ, нагуломъ скота и проч. Нечего уже и говорить, какъ сильно выростаютъ эти барыши у тѣхъ изъ хозяевъ, которые, помимо своего земледѣльческаго дѣла, занимаются еще скупкой хлѣба и перепродажей его. Такіе господа обыкновенно по осени, т.-е. въ самое дешевое время, скупаютъ хлѣбъ у мелкихъ посѣвщиковъ и крестьянъ, запираютъ его въ свои амбары и спокойно ждутъ, когда имъ дадутъ весною рубль на рубль,

а то и выше. Всѣ волжскія пристани застроены громадными амбарами такихъ скупщиковъ, считающихъ свое состояніе сотнями тысячъ, а иногда и въ нѣсколько милліоновъ.

До какой степени выгоденъ этотъ способъ наживы, всего лучше видно на исторіи образованія поземельной собственности въ степномъ районѣ Самарской губерніи. Владѣнія въ 20—30 тысячъ десятинъ здѣсь отнюдь не считаются рѣдкостью, а есть и такіе хозяева, которые владѣютъ 50-ю и даже свыше 100 тысячъ десятинъ. И всѣ эти степные лендъ-лорды отнюдь не какіе-либо родовитые люди, а прямо-таки выходцы изъ мѣстныхъ и пришлыхъ крестьянъ, и на памяти всѣхъ, у нѣкоторыхъ изъ такихъ лордовъ еще ихъ отцы торговали косами, странствуя въ своихъ телѣгахъ по деревнямъ. Земли пріобрѣтались ими постепенно изъ такъ-называемыхъ жалованныхъ, т. е. такихъ, которыми въ былое время правительство щедро награждало разныхъ чиновныхъ людей, отъ роду иногда и не видавшихъ своихъ степныхъ угодій. Непризванные пропріетеры обыкновенно только и мечтали о продажѣ этихъ земель, потому спускали ихъ часто чуть не за грошъ прямо въ умѣлыя и цѣпкія руки умственныхъ мужичковъ.

Быстрое выростаніе этихъ богатствъ очень ярко показываетъ, что дѣлаетъ у насъ съ одной стороны капиталъ, а съ другой, что терпятъ отъ него рѣшительно ничѣмъ не защищенныя отъ его натиска мелкія и крестьянскія хозяйства. Нечего и говорить, что желѣзныя дороги и тѣсно связанный съ ними и усиливающійся заграничный экспортъ еще болѣе развязали въ этомъ отношеніи руки, вызвавъ учрежденіе разныхъ комиссіонныхъ банковъ, выдачу ссудъ подъ хлѣбъ и т. под. Все это, вмѣстѣ взятое, дало сильнѣйшій толчокъ въ спекулятивной торговлѣ и создало ту хлѣбную лихорадку, которая охватила нынѣ весь заволжскій степной край. Эта лихорадка заставляетъ безпрестанно многихъ малосостоятельныхъ лицъ бросаться на аренду казенныхъ, городскихъ и частныхъ участковъ и, какъ при очень дешевомъ хлѣбѣ, такъ и при сильномъ неурожаѣ, быстро пролетать въ трубу или при удачѣ наживаться. Такъ, въ 1896 году, хотя и урожайномъ, очень много подобныхъ посѣвщиковъ разорилось окончательно, вслѣдствіе слишкомъ дешe-

выхъ цѣнъ на хлѣбъ и отсутствія запаснаго капитала, побудившаго ихъ продавать свой хлѣбъ въ дешевую пору въ убытокъ. Краткосрочныя банковыя и желѣзнодорожныя ссуды еще болѣе разорили ихъ, обременивъ процентами и уплатой за храненіе. Въ концѣ концовъ весь такой хлѣбъ задешево не минулъ рукъ крупныхъ скупщиковъ, которые нажили на немъ въ 1897 году болѣе чѣмъ рубль на рубль, а мелкіе посѣвщики хозяева пошли съ сумой.

— Не повѣрите, разсказывали мнѣ, — нынче у насъ съ этимъ дешевымъ хлѣбомъ братъ съ брата рубаху снимаетъ... Это истинный фактъ-съ!.. Тутъ вотъ двое братьевъ Х... были (рѣчь шла о Новоузенскомъ уѣздѣ): одинъ изъ нихъ хлѣбный торговецъ, а другой-то—посѣвщикъ, участокъ снимаетъ. Такъ не повѣрите, первый-то, самъ вотъ какъ плачетъ, а брату-то все-же говоритъ: „Что-же дѣлать, милый ты мой и ро́дный братецъ, вотъ-же крестъ, не могу больше 40 коп. дать, а то самъ по міру пойду“. Такъ вѣдь и пустилъ того въ трубу: ничего не подѣлаешь—торговля!

Бывали и такіе случаи, что прогорающій посѣвщикъ поскорѣе за безцѣнокъ спускалъ свой инвентарь и на послѣдніе гроши бросался въ хлѣбную спекуляцію, и ничего—скоро оправлялся.

Вообще, въ здѣшнихъ мѣстахъ явленія этого быстраго прогоранія или такой-же наживы очень часты и никого не удивляютъ. Возможность очень легкаго благопріобрѣтенія около крестьянскаго добра, барыши, перекупка, закладываніе хлѣба въ банкъ и вообще полученіе разныхъ ссудъ подъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы занять деньги и опять бросить ихъ въ ту-же спекуляцію, все это такъ возбуждаетъ аппетиты, такъ поднимаетъ пульсъ этой наживной горячки, что зачастую побуждаетъ людей, даже совсѣмъ незнакомыхъ съ торговымъ дѣломъ или хозяйствомъ, кидаться или на аренду участковъ, или въ хлѣбную торговлю и также лихорадочно скоро прогорать, какъ и наживаться.

Здѣсь не рѣдко увидишь, какъ захватываетъ эта страсть то какого-нибудь бывшаго полицейскаго, то адвоката и т. под.

— Что, батюшка, объясняетъ подобный господинъ,—махнулъ рукой я, знаете, на эту службу. Чортъ-ли въ ней

толку! И рѣшилъ лучше настоящимъ, живымъ дѣломъ заняться... Думаю, что тутъ успѣешь больше, коли посчастливитъ; авось и дѣтишкамъ на молочишко останется...

Одинъ только настоящій пахарь—мужикъ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ этой заразы, т.-е. я хочу сказать, не играетъ въ ней никакой активной роли, а всегда лишь роль жертвы и притомъ единственно лишь потому, что этому мѣшаетъ его вѣчная скудость. Внутренно онъ всей душой радъ былъ-бы устремиться, конечно, на подобный путь, и умъ его постоянно настроенъ тоже въ этомъ направленіи; но для него уже нѣтъ живого объекта для этихъ вожделѣній, нѣтъ, такъ сказать, еще другого подмужика, который былъ-бы предоставленъ въ его исключительное пользованіе; для него существуетъ только крестьянскій надѣлъ, да черные заработки, на которые не оказывается охотниковъ изъ людей болѣе широкаго размаха, а на этихъ крыльяхъ не взмахнешь ни въ высь, ни въ ширь.

Кто знакомъ съ широтою самарскихъ степей и вспомнитъ, что населеніе этой губерніи еще такъ рѣдко, что на 1 кв. версту приходится только около 21 человѣка; кто вспомнитъ тѣ недавнія еще времена, когда на эту губернію смотрѣли какъ на непочатый край, куда стремились всѣ, кому было тѣсно и душно на старыхъ насиженныхъ мѣстахъ; кто знаетъ, наконецъ, что туда и до сихъ поръ еще малороссійскія губерніи высылаютъ переселенцевъ, которые и селятся на отведенныхъ имъ казенныхъ и удѣльныхъ участкахъ,—тотъ, безъ сомнѣнія удивится, услыхавъ, напримѣръ, изъ крестьянскихъ устъ, что на этомъ просторѣ жить и хозяйствовать мужику приходится тѣсно и туго, и что этотъ самый мужикъ давно уже мечтаетъ въ свою очередь о переселеніяхъ куда-то за Уралъ, въ далекую Сибирь, на молочныя воды...

Однако это недоумѣніе очень скоро разсѣивается, и крестьянскія мечты становятся весьма понятными и просто объяснимыми при болѣе внимательномъ и детальномъ изученіи всѣхъ условій вообще здѣшняго и крестьянскаго хозяйства. Не говоря уже о томъ, что изъ всей площади Самарской губерніи надѣльная крестьянская земля составляетъ только 40%, или иначе, на каждую мужскую душу приходится

среднимъ числомъ всего 4,7 десятинъ, *) надо принять въ разсчетъ еще то немаловажное обстоятельство, что въ 4-хъ степныхъ уѣздахъ ея: Самарскомъ, Бузулукскомъ, Николаевскомъ и Новоузенскомъ, надѣльныя крестьянскія земли составляютъ свыше 72% изъ надѣльныхъ земель во всей губерніи, и на всей этой громадной степной площади, за исключеніемъ лишь незначительныхъ клочковъ въ Самарскомъ и Бузулукскомъ уѣздахъ, (напримѣръ, земли при свеклосахарномъ заводѣ), нигдѣ не примѣняется удобреніе, а существуетъ такъ-называемое переложное хозяйство.

Однако давно уже минули тѣ времена, когда въ частныхъ хозяйствахъ земля могла-бы отдыхать послѣ 2-хъ лѣтней пашни по 12 или по 10 лѣтъ, т. е. такой именно срокъ, когда она густо поростала могучимъ ковылемъ, свидѣтельствовавшимъ своимъ появленіемъ, что она вполнѣ возстановила свои производительныя силы. Ясное дѣло, что на крестьянскомъ надѣлѣ, который въ степной полосѣ составляетъ 5,45 на мужскую душу, никоимъ образомъ невозможно дать отдыхъ этой землѣ, не только что на 6 лѣтъ, но даже и на 3, на 2 года, а потому она паруетъ только годъ, и безъ примѣненія удобренія, конечно, безпощадно выпахивается и тощаетъ.

Между тѣмъ населеніе съ каждымъ годомъ прибываетъ, и почти повсемѣстно теперь уже мы видимъ, какъ быстро исчезаютъ крестьянскіе выгоны, распахиваясь этими прибылыми душами, и затѣмъ тонутъ, какъ капля въ широкомъ морѣ крестьянскаго оскудѣнія. Но съ исчезновеніемъ выгоновъ исчезаетъ для крестьянъ возможность хотя нѣсколько обезпеченнаго продовольствія своего скота, и такимъ образомъ и съ этой стороны наносится еще новый ударъ крестьянскому хозяйству.

Степной характеръ всей этой мѣстности и полное отсутствіе древеснаго и минеральнаго топлива заставляетъ не только крестьянъ, но и во всѣхъ богатыхъ частныхъ хозяйствахъ пользоваться навозомъ и почти всей соломой исключительно для приготовленія такъ-называемыхъ кизяковъ для отопленія, а потому при этомъ условіи не можетъ уже

*) Памятная книжка Самарской губерніи, стр. 77—83.

быть и рѣчи о пользованіи навозомъ, какъ удобрительнымъ средствомъ.

Объ отощаніи крестьянскихъ земель отчасти свидѣтельствуетъ сравненіе арендныхъ цѣнъ на эти земли по отношенію земель частныхъ владѣльцевъ. Такъ, въ періодъ 1895—1896 гг. *) арендная цѣна крестьянскихъ земель была на 31% ниже частновладѣльческихъ. Но этотъ процентъ именно только отчасти выражаетъ это отощаніе, а въ дѣйствительности его надо считать въ 50% и болѣе, потому-что крестьянская нужда создаетъ сильную конкурренцію даже и на эти земли и потому повышаетъ самую аренду.

Рядомъ съ истощеніемъ надѣльныхъ земель и вообще невозможностью вести на нихъ сколько-нибудь оплачивающееся хозяйство, сильно ростетъ у крестьянъ запросъ на прибавочную землю, которую можно получить только въ видѣ аренды на сторонѣ; а соотвѣтственно этому ростутъ сильно и арендныя цѣны. Средняя арендная плата въ 1895—1896 г. была за твердую землю 8 р., оборотъ—6½ руб. и мягкую—4 р. 40 к.; но есть не мало мѣстностей, гдѣ она доходитъ уже до 12—15 и даже 20 р. за десятину.

Очень естественно, что при подобномъ положеніи хозяйства на надѣльной землѣ, крестьянину позволительно жаловаться на тѣсноту и мечтать о переселеніяхъ на какія-то невѣдомыя и далекія молочныя воды.

IX.

Сергѣй Петровичъ на обратномъ пути довезъ меня опять до Мурашева; но по дорогѣ раза два останавливался еще на мѣстныхъ базарахъ—въ попутныхъ селахъ. При его помощи я познакомился съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ хозяевъ и хлѣботорговцевъ. Но всякій дѣловой разговоръ подъ конецъ непремѣнно переходилъ у насъ на тему, составлявшую, такъ сказать, злобу дня, а именно по поводу отобра-

*) См. сельскохозяйственное обозрѣніе Самарской губерніи за 1895—1896 года, изданіе Самарской губернской земской управы. 1897 годъ, стр. 148.

нія дѣтей. Всѣ были въ какомъ-то возбужденномъ настроеніи, чего-то ожидали и съ глубокимъ интересомъ выспрашивали, не слышно-ли чего новенькаго?..

Самарская губернія переполнена всевозможными сектантами и разновѣрами, которыхъ, по свѣдѣніямъ полиціи, въ 1895 году считалось тамъ 102837 человѣкъ *), въ дѣйствительности-же ихъ, конечно, гораздо больше, такъ какъ многіе изъ совратившихся, въ виду отвѣтственности, не обнаруживаютъ свою принадлежность къ той или другой сектѣ. Всѣхъ-же иновѣрцевъ, считая въ томъ числѣ и раскольниковъ, числилось по тѣмъ-же источникамъ 632007 человѣкъ обоего пола, т.-е. свыше 23% всего населенія губерніи. Уже одно это отношеніе должно наводить на мысль, что въ силу лишь только безпрестаннаго столкновенія между собою людей съ столь разнообразными воззрѣніями, религіозное возбужденіе у нихъ должно быть сильно приподнято. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ отъ людей, различныхъ по своимъ вѣрованіямъ, но столкнутыхъ близко самой жизнью другъ съ другомъ, требовать, чтобы они въ самыхъ существенныхъ и основныхъ вопросахъ ихъ совѣсти, въ вопросахъ спасенія жизни, оставались людьми мертвыми и совершенно безучастными. Пусть они ошибаются; но вѣдь они и ошибаются по доброй совѣсти и своему разумѣнію, а потому весьма естественно желать, чтобы и борьба съ ними построена была только на почвѣ этой-же совѣсти и истиннаго просвѣщенія.

Интересовались, впрочемъ, не одними дѣтьми; много было толковъ еще объ одномъ дѣлѣ, разразившемся въ концѣ зимы надъ многими изъ людей, очень видныхъ по капиталу въ здѣшнихъ мѣстахъ. Называли даже одного крупнаго капиталиста. Лица эти обвинялись въ учрежденіи какого-то новаго варіанта хлыстовствующей секты, послѣдователи которой были разсѣяны въ окрýгѣ и даже въ самомъ губернскомъ городѣ. Нѣкоторыя изъ привлеченныхъ къ этому дѣлу лицъ одно время были арестованы, но послѣ опять освобождены.

*) См. Памятную кн. Самарской губ. за 1897 годъ, стр. 75. Странно, что по свидѣтельству той-же книжки, изд. въ 1900 г., къ 1 января 1899 г. всякихъ раскольниковъ считается уже только 99345 чел. Въ точности этой цифры заставляютъ сомнѣваться и обычный приростъ населенія, и отсутствіе сколько-нибудь крупныхъ обращеній въ православіе за это время.

— Что-же вы, Митрофанъ Егоровичъ, плохо смотрите, подшучивалъ Сергѣй Петровичъ, сидя за чайкомъ у Мурашева.— Какъ-же это такъ?.. Вы—церковный староста и вдругъ просмотрѣли въ своемъ селѣ цѣлый монастырь... Вѣдь, говорятъ, у васъ тутъ цѣлый монастырь съ радѣньями завелся... Правда?..

Но Митрофанъ Егоровичъ, кажется, вовсе не былъ расположенъ поддерживать шутку: онъ только усиленно завздыхалъ и, тряхнувъ головой, молча уткнулся въ свое блюдце.

— Такъ какъ-же; а?.. все не унимался Сергѣй Петровичъ.— Что-же это за монастырь такой, съ братіей обоего пола?.. Разскажите.

— Богъ ихъ знаетъ, отозвался, наконецъ, очень скромно Мурашевъ...—Не наше дѣло судить, каждый за свою душу самъ передъ Богомъ отвѣчаетъ... Богъ съ ними!.. Мало-ли что люди болтаютъ. Не наше дѣло...

— Да, чудакъ вы, Митрофанъ Егорычъ, сами-то вы какъ думаете объ нихъ? Что за вѣра такая?..

— Да что-же намъ думать-то, отвѣчалъ тотъ.—По насъ, какъ-будто всѣ люди хорошіе: обиды отъ нихъ не видалъ никто, а души другого не видать... Господь съ ними, не наше дѣло, сказалъ онъ съ видимымъ желаніемъ покончить этотъ разговоръ.

Скромный и религіозный былъ человѣкъ Митрофанъ Егоровичъ, совершенно во вкусѣ тѣхъ странныхъ и безотвѣтныхъ россійскихъ тружениковъ, которые искренно полагали главнымъ дѣломъ своей религіозности отсутствіе засужденія ближняго. Это былъ совершеннѣйшій младенецъ, весь проникнутый притомъ изстари аппробованнымъ правиломъ россійскаго человѣка по возможности утекать отъ всякой лихой бѣды и непріятности, а въ случаѣ невозможности, переносить всѣ житейскія невзгоды съ смиреннымъ терпѣніемъ. Оттого-то чуть не силкомъ попалъ онъ и въ земскіе гласные, оттого выбранъ былъ и въ церковные старосты; словомъ, россійскій міръ за его смиренство и терпѣніе, постоянно выпихивалъ его на общественную тѣсноту и неволю.

Эти душевныя качества Митрофана Егоровича въ сущности обусловливали великую терпимость съ его стороны ко всякимъ другимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, и люди такого

типа вообще даютъ возможность жить и дышать другимъ.— Да, думалось мнѣ, несмотря на всю свою простоту, Митрофанъ Егоровичъ никогда не подложитъ въ святомъ усердіи благодушной старушки пылающую головню подъ костеръ, воздвигнутый непримиримымъ фанатизмомъ.

Нѣсколько иной взглядъ на это дѣло имѣлъ мой возница, подрядившійся доставить меня верстъ за 20 въ сторону отъ села гдѣ жилъ Мурашевъ и гдѣ я простился надолго съ своимъ пріятелемъ Шелеховымъ.

Везъ меня самъ содержатель сельской почты, тощій обыватель, съ нѣсколько испитымъ и выцвѣтшимъ лицомъ. Маленькіе голубые глазки сверкали на этомъ лицѣ иногда довольно бойко и принимали порой даже какое-то испытующее выраженіе; но скоро опять потухали и стушевывались въ общей безцвѣтности.

Село, гдѣ жилъ Мурашевъ, было не особенно велико, однако не изъ бѣдныхъ: по его раскиданному въ разныя стороны порядку, то тутъ, то тамъ виднѣлись подъ зелеными желѣзными кровлями деревянные двухъ-этажные дома, а на самомъ выѣздѣ высился большой кирпичный домъ, съ такими-же амбарами, обнесенный плотнымъ заборомъ и съ зеленою рѣшоткою по лицу.

— О, о!..какой домъ! не утерпѣлъ я высказаться вслухъ.— Чей это? обратился я къ почтодержателю.

Тотъ обернулъ ко мнѣ въ профиль свое лицо и, мотнувъ тощей бороденкой по направленію каменныхъ хоромъ, тихо проговорилъ съ какимъ-то прикровеннымъ смысломъ:

— Терентьича!..

И затѣмъ молча, но многозначительно взглянулъ на меня испытующимъ окомъ. Но такъ-какъ на моей физіономіи это око могло уловить только полное недоумѣніе, то онъ вновь повторилъ еще болѣе тихимъ и многозначительнымъ голосомъ, словно сообщалъ мнѣ какую-то государственную тайну:

— Евлапъ Терентьевичъ!.. Самый этотъ, который недавно сидѣлъ со своими-то...

Я начиналъ нѣсколько понимать, о комъ и о чемъ идетъ рѣчь, но тѣмъ не менѣе отозвался полнымъ невѣдѣніемъ.

— Гдѣ сидѣлъ, за что?.. спрашивалъ я.

— А-а!.. Боже мой... Неужели не слыхали?.. уже не заго-

ворилъ, а какъ-то прикровенно и укорливо зашепталъ мой собесѣдникъ, совсѣмъ повертывая ко мнѣ свое лицо.—Въ острогѣ... за свою вѣру!.. Новую вѣру объявилъ, слыхали?..

— Какую вѣру?..

— Богъ ее знаетъ, повелъ онъ свободной отъ вожжей рукой... Больше, ничего, значитъ, хлыщу, хлыщу—своего Бога ищу... Вотъ тебѣ и все!.. Слѣдствіе бо-ольшое было... членъ пріѣжалъ, слѣдователь, а больше всего попъ, министіонеръ—значитъ, пояснилъ онъ, ужасти какъ донималъ ихъ!.. Я въ ту пору сотскимъ былъ: тоже при этомъ слѣдствіи находился, такъ все слыхалъ...

— „Какая такая вѣра ваша? пытался разсказчикъ воспроизвести тонъ министіонера—„Какъ это такъ хлыщу—Бога ищу?.. Ну, а они опятъ, значитъ свое: „больше ничего: молъ: хлыщу, своего Бога ищу". А батька то имъ: Какого же такого особеннаго Бога вы ищите?.. У насъ у всѣхъ, говоритъ, полагается единъ Богъ на небесахъ, значитъ, отъ самого Святѣйшаго Синода утвержденный; а у васъ еще какой такой?..—сдѣлалъ при этомъ самый строгій видъ бывшій сотскій. Ужасти, какъ слѣдствовалъ, перешелъ онъ затѣмъ въ болѣе повѣствовательный тонъ. Это народу изъ ближнихъ мѣстъ сколько перебралъ: человѣкъ по 15 таскалъ... Ну, а Терентьича и эту еще самую Машу изъ К... посадилъ: съ полгода никакъ сидѣли, а теперь выпустилъ... не знаемъ, что дальше будетъ... А жену его оправилъ, добавилъ онъ. „Я, говоритъ, за ней ничего вреднаго не нахожу".

— А Машу-то за что посадили?..

— Да, вишь, она была у нихъ самая главная: ей и кланялись всѣ...

— Богородицей, что-ли, была? подсказалъ я.

— А-а-а!.. Она самая!—Ужъ что-нибудь, значитъ, да было,—подстегнувъ лошадей, опять обернулся онъ ко мнѣ.—Вы то возьмите въ толкъ, хотя-бы этотъ самый Терентьичъ? Былъ до прежде того самый бѣдный мужичонка, работнишко, какъ есть вниманія не стоющій... И вдругъ, здравствуйте: въ торговлю вошелъ, а тамъ и лавка и домъ!.. Что это означаетъ?.. Около него все старшіе сыновья богатыхъ мужиковъ трутся, компанію ведутъ; не то чтобы середніе, али

меньшіе, а старшіе, у которыхъ, значитъ, всѣ дѣла на рукахъ. Поѣдетъ, примѣрно, такой за дѣломъ, а выходитъ—только лошадей прогонялъ... Какъ это понимать надо? А тутъ вдругъ богатство—купецъ большой; ужъ не Евлашка, а Евлапъ Терентьичъ! У него гамазинъ вонъ какой!.. Тамъ хлыщу, хлыщу—Бога ищу, а онъ вонъ что хватаетъ ужъ?.. Какъ все это, говорю, понимать должно? вдругъ уставился онъ на меня строго, точно я и самъ уже оказался причастнымъ къ винѣ Терентьича.—Отъ того-то самаго начальство и взялось за него; значитъ, не моги мужика обирать, положилъ онъ свою резолюцію.

Столь своеобразно положенная граница между хлыстаньемъ и хватаньемъ безспорно была очень поучительна и не требовала уже никакихъ дальнѣйшихъ поясненій.

— Ну, заговорилъ неожиданно и по какой-то странной ассоціаціи идей бывшій сотскій,—а всетаки-же позавчера я становому лошадей не далъ...

— Какихъ лошадей? спросилъ я совершенно машинально.

— Да своихъ... Мнѣ что?.. Я полторы пары по кондыціямъ держать долженъ. Лошадей взяли писарь да сборщикъ; а я сельскій, а не земскій поштарь... Ужъ и ругалъ-же!.. И... И!.. потянулъ онъ какъ-то меланхолично.—И подлецъ, и мерзавецъ, и сгною тебя въ арестантской!.. Сколько угодно, говорю, а лошадей не дамъ, по кондыціямъ... Тутъ ужъ батюшка вступился (онъ у него останавливался). Надо дать, говоритъ, Ефимъ, потому-что это есть какъ-бы тайная полиція... Понимаешь?.. Давай, говоритъ, хоть одну лошадь... Ну, одна-то была у меня. думаю, надо дать... Такъ на одной и отвезъ.

— Можетъ, что въ головѣ было? спросилъ я.

— Такъ, самую малость, пустяки, отвѣтствовалъ сотскій, нѣсколько пониженнымъ тономъ.—Одначе пужалъ, пужалъ, а не посадилъ-же... Ну, и къ чему это пылить-то?.. перешелъ онъ уже въ кротко-наставительный тонъ. — Онъ долженъ мужику-дураку все явственно изъяснить по кондыціямъ. Вотъ, смотри-де, с... сынъ, понимай!.. На первый разъ прощаю, а только чтобы впредь... А то сразу — безъ всякихъ объясненьевъ: подлецъ, мерзавецъ, сгною!.. Нешто это порядокъ?..

— А вѣръ-то много разныхъ у васъ здѣсь? спросилъ я моего собесѣдника съ желаніемъ отвлечь его нѣсколько отъ непріятныхъ воспоминаній.

— Много! отвѣтилъ онъ.—Вотъ въ одной нашей волости 4 общества: значитъ, первое мы, русскіе, потомъ мордва, потомъ субботники и молокане.

— Да вѣдь мордва-то православные-же, въ церковь-то вѣдь ходятъ они? поправилъ я его.

— Ходятъ, какже... ну, все-же она мордва; значитъ, не наша.

— Православныхъ, слѣдовательно, на-половину?

— Нѣтъ, пожалуй, поменьше будетъ, отвѣтилъ онъ.

— А у васъ никого не трогаютъ изъ нихъ?..

— То-есть, какъ это? спросилъ сотскій.

— Ну, да вотъ, какъ въ Землянкахъ, пояснилъ я.

— Нѣтъ! Никакихъ такихъ дѣловъ не было... Да вѣдь они что-жъ? какъ-то успокоительно произнесъ онъ, кидая на меня загадочный взглядъ,—они никакого вреда не дѣлаютъ; вотъ хоть-бы и субботники тоже: народъ смирный. — И затѣмъ, точно вспомнивъ, онъ добавилъ: —У нихъ и у молоканъ вѣдь тоже вѣнецъ есть; только значитъ, у насъ въ церкви, а у нихъ дома, вполнѣ какъ слѣдуетъ, съ молитвой тоже...

Разговоръ видимо совершенно исчерпался, и мы долго ѣдемъ молча. Вдоль дороги бѣгутъ то заморенныя крестьянскія поля, то надолго потянулась отдыхающая изъ-подъ оборота земля; кой-гдѣ вдали на ней мелькали рѣдкіе косцы.

— И-и!.. заговорилъ опять сотскій.—Сколько у этого Ш... земли, страсть! это все вѣдь его теперь пойдетъ, показалъ онъ кнутовищемъ вправо... Ну, строгъ-же... до ужасти!.. Гусь крестьянскій зайдетъ,—хлопъ изъ ружья, поросенокъ—опять хлопъ, за большую скотину штрафъ... Тѣснота отъ него мужикамъ большая, а милости никакой... Вонъ монастырь застроилъ! . Ну, что въ томъ? Ты бѣднаго-то человѣка пожалѣй, вотъ что!.. А Богу молиться вездѣ можно...

— А вы сами никакой другой вѣры не придерживаетесь? спросилъ я его.

— Нѣтъ!.. Мы что-же, мы какъ есть православные, объяснялъ онъ.—Да только вѣдь я правду говорю, баринъ, не

такъ-ли?.. Вотъ, хоша-бы, давеча я разсказывалъ про станового. «Подлецъ, мерзавецъ!..“ Нѣтъ, ты коли начальство, по кондыціямъ разбери, а не пыли... Правда вѣдь?

— Правда, правда, успокоилъ я его, и мы опять замолчали, на этотъ разъ уже вплоть до самой остановки.

X.

Въ К... куда именно я пріѣхалъ, и гдѣ по слухамъ полиція должна была сдѣлать еще выемку, всѣ были возбуждены, но это возбужденіе было какое то сдержанное и сосредоточное: точно люди уже что то надумали и рѣшили. И православные и сектанты всѣ относились къ этому факту совершенно одинаково: всѣ укоризненно покачивали головами и кратко замѣчали, что такихъ дѣлъ здѣсь еще никогда не бывало. „Смута будетъ, говорили нѣкоторые очень серьезно. Попробуйка, сунься теперь, возьми у насъ. Ни за что не отдадутъ... Лучше самимъ рѣшиться, чѣмъ дѣтей отдать... Вишь, вѣдь какое дѣло это... заварили“.

Тяжело, должно быть, подумалось мнѣ, жить священнику въ такомъ приходѣ и еще тяжелѣе ему же быть при такихъ условіяхъ проповѣдникомъ любви и кротости христіанской.

Хотя и съ частыми остановками, но полегоньку, я подвигался все впередъ и впередъ по направленію къ Николаевску. Ѣхать мнѣ было очень удобно: познакомившись на первомъ же пунктѣ кой съ кѣмъ изъ мѣстныхъ людей, я, по ихъ уже рекомендаціи заѣзжалъ далѣе къ другимъ, тѣ въ свою очередь указывали мнѣ кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ въ другомъ мѣстѣ и т. д.

— Будете въ Б..., говорили мнѣ, заѣзжайте къ Ивану Спиридонычу. Хорошій старикъ, говорокъ, онъ вамъ по всѣмъ вашимъ дѣламъ все разъяснитъ.

Черезъ нѣсколько дней я въѣзжалъ въ эту самую Б..., очень безтолково и широко раскинувшееся по ярамъ село, далеко, впрочемъ, не отличающееся зажиточностью.

Было уже подъ вечеръ, когда я, подъѣхалъ къ стоявшему нѣсколько на отлетѣ довольно большому и старому дому. У затворенныхъ плотно воротъ его, тутъ же рядкомъ на лавочкѣ сидѣло двое пожилыхъ людей; мужчина въ темной под-

девкѣ и женщина. Не двигаясь съ мѣста они молча и вопросительно смотрѣли на меня, когда лошади уткнулись мордами въ ихъ ворота.

Я вылѣзъ изъ телѣжки, отрекомендовался и спросилъ, не онъ ли будетъ Иванъ Спиридоновичъ?

— Я самый, отвѣтилъ онъ приподнимаясь. Это былъ высокій и плотный, но почти совсѣмъ уже бѣлый старикъ съ круглой бородой и очень осанистымъ и спокойно привѣтливымъ лицомъ.

Наскоро объяснивъ, кто послалъ меня къ нему, я просилъ позволенія переночевать и вообще провести нѣсколько времени въ его домѣ.

— Что же, можно! пожалуйте, просто отвѣтилъ онъ, отворяя калитку. Мы хорошихъ людей принимаемъ.

Изба у Ивана Спиридоныча была очень большая съ нѣсколькими перегородками; но въ ней было какъ то голо и не уютно. На палочкѣ въ переднемъ углу темнѣла какая то маленькая и совершенно черная дощечка неизвѣстной иконы; лампадки тоже не было. Я сейчасъ же понялъ, что нахожусь у одного изъ сектантовъ.

Мы вѣдь только двое со старухой живемъ, объяснялъ между тѣмъ старикъ, усаживаясь на лавку. Хозяйство наше небольшое, сыновей нѣтъ, а дочка замужемъ... Не взыщите ужъ за помѣщеніе. Я поблагодарилъ, и мы принялись толковать о дѣлахъ.

— Пойдемъ-ка пока въ мой садикъ, предложилъ старикъ;— тѣмъ временемъ старуха чай приготовитъ; да и душно въ комнатахъ-то; на волѣ лучше проговорилъ онъ.

Садъ у старика былъ тутъ же за дорогой и занималъ большое мѣсто; но только онъ былъ черезъ чуръ густъ, а потому деревья шибко тянулись въ верхъ и давали мало плодовъ.

Я высказалъ ему это замѣчаніе.

— Это точно, согласился онъ, да вотъ какъ то все руки не доходятъ... Да иной разъ думаю, можетъ и переселяться еще отсюда буду...

— Чего вамъ переселяться, удивился я. Кажется, слава Богу, все есть, что нужно. Одинъ вашъ садъ досыта накормитъ...

— Это правда, усмѣхнулся онъ, жаловаться грѣхъ; да

все какъ то думается... Говорятъ на Уралѣ мѣста очень вольныя, да тихія, прибавилъ онъ задумчиво. Я опять удивленно взглянулъ на него.

— А у васъ развѣ не тихія?.. чего ужъ, кажется, тише...

— Были тихія—это точно; ну, а теперь безпокойства много пошло... отъ грѣха лучше подальше, какъ то загадочно промолвилъ онъ и вздохнулъ при этомъ.

— Вотъ вы дивитесь, зачѣмъ переселяться, заговорилъ онъ вновь на старую тему; когда мы втроемъ уже сидѣли при лампочкѣ за чайкомъ и успѣли не только приглядѣться другъ къ другу, но даже отыскали и общихъ знакомыхъ. Чай, слыхали, что съ ребятами то стали дѣлать?..

— Слыхалъ, слыхалъ, Иванъ Спиридонычъ, отозвался я.

— Ну, развѣ же легко это претерпѣвать?.. Слышно, вонъ, что и сюда собираются въ гости... Бѣда вѣдь большая будетъ... Не хорошо!.. Вы какъ думаете на счетъ этого? взглянулъ онъ на меня.

Я откровенно высказалъ ему свое мнѣніе.

— Ну, вотъ то-то-же, вставилъ онъ. Вы говорите такъ, и всякій другой, кто Бога не забылъ еще—тоже самое говоритъ. Нешто возможно такое посмѣяніе дѣлать, такъ надъ родительскимъ и дѣтскимъ сердцемъ поступать?.. О-хъ, грѣхъ, грѣхъ одинъ и тяжкій грѣхъ, тихо проговорилъ онъ и съ тяжелымъ вздохомъ опустилъ на грудь свою сѣдую голову.

— Голубчики мои,—вдругъ заговорила жалобно старуха, сколь настрадалися, гляди, бѣдненькія?.. И она принялась въ подробностяхъ разсказывать мнѣ въ сотый разъ слышанную мною исторію о монастырѣ, о свиданіи... Какъ дѣвочка вскрикнула, да бросилась къ матери и замерла у ней на шеѣ; словомъ исторію давно уже всѣмъ здѣсь извѣстную; но тѣмъ не менѣе старые глаза ея были полны слезъ и они капля за каплей срывались съ ея лица на столовую доску, Иванъ Спиридонычъ по прежнему понуро молчалъ...

— Не надо было отдавать, вспыхнула старуха, рѣзко взмахнувъ рукой, словно отбиваясь отъ врага. Чего тутъ робѣть?.. Родное, кровь отъ сердца отрываютъ!.. Чай и судъ не судилъ бы!.. Кто я?!. продолжала она, пылая негодованіемъ и поднявшись съ лавки. Бога не боюсь... А въ гробъ-то

какъ ляжешь?... Забылъ это... а къ Господу-то на судъ Его страшный какъ предстанешь?..

— Полно ты, проворчалъ тихо старикъ... Чего шумишь?..

— Что говорить, вставилъ онъ въ раздумьи безвѣрное нонѣ время настало: пропадаетъ страхъ Божій, пропадаетъ совсѣмъ, качалъ онъ своей головой; ну, а безъ него самъ знаешь, баринъ мой милый, что будетъ?.. Чай писаніе-то читалъ?.. И онъ грузно, точно придавленный чѣмъ, приподнялся изъ за стола.

— Пора тебѣ и покой ужъ дать, смотри ужъ не свѣтать-ли начинаетъ, проговорилъ онъ заглядывая въ окно. Пойдемъ я тебѣ покажу, гдѣ постель изготовлена.

Но я долго еще не могъ уснуть: и свѣтать ужъ стало и солнышко показалось и ударило въ щель не плотно притворенной двери прямо на меня своимъ утреннимъ лучемъ, а я все еще лежалъ на мягкой кошмѣ, не смыкая глазъ; а на сердцѣ было такъ тяжело и голова трещала отъ мучительныхъ и необъятныхъ вопросовъ о правой вѣрѣ и правой жизни.

Когда пришлось уѣзжать изъ Б., то почтенный Иванъ Спиридонычъ не допустилъ меня до труда найма лошадей.

— Не безпокойся, я вамъ найду. Только вы не погнушаетесь, если на одной лошадкѣ поѣдете? спрашивалъ онъ.—Лошадь добрая, вставилъ Иванъ Спиридонычъ, замѣтивъ нѣкоторое колебаніе съ моей стороны.—Только, видишь ты, кто повезетъ-то — человѣкъ бѣдный, семья большая у него, ему ваши деньги-то на пользу пойдутъ... А и вамъ вѣдь не къ спѣху...

Я безпрекословно согласился и вскорѣ уже трусилъ легкой рысцой со своимъ новымъ спутникомъ.

Это былъ человѣкъ средняго роста, съ рыжеватой бородкой, съ быстрымъ и сухимъ взглядомъ и довольно подвижнымъ нервнымъ лицомъ. Лицо это было умное, но нельзя сказать, чтобы оно привлекало къ себѣ. Какая-то жесткость сказывалась въ двухъ рѣзкихъ морщинахъ его, разбѣгавшихся отъ носа до угловъ небольшого рта съ тонкими и сжатыми губами. Глаза смотрѣли наблюдательно и строго... Вообще въ этомъ лицѣ отражалась сильная воля, которая съ чѣмъ-то боролась, что-то ломала и подавляла... Глухая борьба эта именно отражалась на этомъ рѣзкомъ лицѣ.

Путь предстоялъ длинный, около 40 верстъ, и лошадь надо было поберегать, а потому мы ѣхали полегоньку. По обѣимъ сторонамъ дороги долго тянулись Б... поля, но видъ ихъ совсѣмъ ужъ не радовалъ и они были много хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Низкорослыя, съ рѣдкимъ и мелкимъ колосомъ, они и на лучшихъ полосахъ обѣщали не больше 15—20 пуд. съ десятины; но зато безпрестанно попадались такіе загоны, на которыхъ ничего не было, кромѣ сорной, да и то рѣдкой травы или совершенно голыхъ плѣшинъ, и только кой-гдѣ торчалъ на нихъ тощій, затерявшійся колосъ. Эти загоны паханы были не съ осени, а весной. Сама эта пахота высушила землю, а быстро наступившія жары заморили не только всходы, но и самую землю, и пласты ея, совсѣмъ почти не проборонованные, такъ и спеклись отъ солнечнаго зноя.

— Даромъ только сѣмена да работа пропала, замѣтилъ Герасимъ Ефимовичъ, мой спутникъ.—А что подѣлаешь, когда у иного и силъ не хватило съ осени-то поднять; ну, раздобылъ гдѣ-нибудь деньжонокъ, на счастье и посѣялъ; анъ вотъ тебѣ и счастье!..

Вообще чрезвычайно рѣзко кидается въ глаза разница полей крестьянскихъ отъ владѣльческихъ. На послѣднихъ хлѣбъ всегда несравненно лучше, потому-что земля больше отдыхаетъ. Это сейчасъ-же стало замѣтно, когда потянулись опять вѣчные участки все того-же Ш. Тамъ хлѣбъ стоялъ гораздо гуще и веселѣе, хотя изрѣдка тоже попадались очень плохія полосы весенней вспашки, къ которой прибѣгаютъ только бѣдняки, такъ-какъ аренда весной гораздо дешевле.

— А много изъ вашихъ арендуютъ у Ш.? спросилъ я.

— А какъ-же иначе, отвѣтилъ мнѣ Герасимъ Ефимычъ, —своей земли и мало, да и отощала шибко; поневолѣ платишь по 15 руб. за десятину.

— Неужели такъ дорого? переспросилъ я.

— Дорого, усмѣхнулся онъ.—Деретъ и по 18, которая получше-то!.. И даешь, плачешь, да даешь: все-же выгоднѣе, чѣмъ на нашихъ пустыхъ полосахъ сидѣть, вонъ что давеча видѣли... Что отъ нихъ толку-то?..

— А выгонъ большой у васъ?

Въ отвѣтъ онъ только рукой махнулъ.

— Давно ужь все распахали, объяснилъ онъ, нѣсколько помолчавъ.—Вѣдь души прибываютъ, а земля-то все та-же... Не знаемъ, ужь гдѣ и чѣмъ скотину скоро кормить? И лѣтомъ ей сердечной нагулу нѣтъ, а зима придетъ — и корми какъ хочешь съ пустой полосы.

— Что я васъ хочу спросить, обернулся онъ ко мнѣ послѣ нѣкотораго молчанія.—Говорятъ въ Америкѣ больно заработокъ хорошъ и сторона очень привольная?..

— Да, простой рабочій человѣкъ иногда можетъ заработать тамъ очень хорошо, отвѣтилъ я, нѣсколько озадаченный такимъ необычнымъ вопросомъ въ устахъ россійскаго чернаго крестьянина.—А вы что-же, слышали что-ли отъ кого про эту страну?

— Слыхали, отвѣтилъ онъ какъ-то загадочно.—Да вѣдь я тоже и самъ грамотный, пояснилъ онъ,—и люблю читать... Ну, а читали вы, опять обратился онъ ко мнѣ,—какой человѣкъ тамъ недавно праведный проявился?.. Шлатеръ прозывается, произнесъ онъ эту фамилію на русскій ладъ.

— Читалъ, отвѣтилъ я.

— Да!.. Въ каждой странѣ дѣйствуетъ незримо Духъ Божій, заговорилъ онъ какимъ-то приподнятымъ и учительскимъ тономъ,—и въ каждомъ мѣстѣ являетъ праведныхъ людей... Для чистыхъ сердцемъ духъ пророчества и святости не умолкаетъ никогда. Вотъ худо, когда Его не слышатъ люди, —ну, тогда тьма и погибель!.. Потому-что сердца ихъ ожесточены и уши закрыты.

И онъ опять умолкъ на мгновеніе, словно что-то соображая.

— Вы съ старикомъ-то, съ Иваномъ Спиридонычемъ, хорошо потолковали? спросилъ онъ черезъ минуту, взглядывая на меня бокомъ.—Умный, хорошій старикъ... Какъ онъ вамъ показался?

Я коротко согласился съ сдѣланнымъ опредѣленіемъ.

— Да, такихъ людей немного, продолжалъ Герасимъ Ефимычъ,—онъ самый крѣпкій изъ всѣхъ и куды разумный...

— А вы какой-же вѣры будете? спросилъ я осторожно. —Впрочемъ, вы извините, можетъ быть мой вопросъ и не къ мѣсту...

— Ничего... я не опасаюсь... Господь повелѣлъ исповѣдывать Имя Его Святое безъ страха и во спасеніе... Вы

спрашиваете, какой вѣры?.. Да мало-ли, какъ насъ въ народѣ ругаютъ, отвѣчалъ онъ съ легкой ироніей,—кто мармонами, кто хлыстами... всячески поносятъ...

— Но кто-же вы въ дѣйствительности?

— Мы-то, повернулся онъ уже ко мнѣ всѣмъ лицомъ, мы одно только крѣпко держимъ: поклоняться и служить Господу Богу надо не въ храмѣ рукотворенномъ, а духомъ и истиною, чистымъ сердцемъ, да добрымъ дѣломъ и любовью... Вотъ кто мы!..

— Значитъ вы, такъ сказать, духовные христіане? спросилъ я.

— Да!.. это точно, кивнулъ онъ головой. Мы отвергаемъ всякую внѣшность...

— А съ штундистами или анабаптистами вы имѣете общеніе?

— Мы внѣшне со всѣми общаемся, отвѣтилъ онъ,—но по духу и штунда, и анабаптисты еще слѣпотствуютъ и держатся кой въ чемъ внѣшности. Нѣтъ, они еще не совершенны...

— Послушайте, перебилъ я его,—да вѣдь люди-же не духи, мы тоже имѣемъ эту внѣшность—наше тѣло... По моему, Богу надо всѣмъ существомъ своимъ служить...

— Да, только въ духѣ и истинѣ, отвѣтилъ онъ наставительно,—не во внѣшнихъ обрядахъ, а въ чистотѣ сердца и любви... Вотъ что!..

И вслѣдъ за этимъ онъ пошелъ сыпать текстъ за текстомъ, и чѣмъ болѣе онъ цитировалъ, тѣмъ и лицо его и весь тонъ рѣчи все больше и больше принимали подавляющій характеръ, исполненный самоувѣренной непогрѣшимости. Такіе проповѣдники мнѣ были знакомы и не между одними сектантами. Споры съ нимъ были-бы безполезны, и потому я перешелъ на другую тему.

— Слѣдовательно, среди вашихъ вѣрующихъ все рѣшается во имя Духа истины. Какъ-же вы узнаете Его присутствіе? спросилъ я.

— Какъ?.. переспросилъ онъ.—Да чистымъ-же сердцемъ. Тамъ и Духъ истины, тамъ и пророчество, гдѣ любовь и миръ...

— Но всѣмъ-ли одинаково доступенъ этотъ Духъ, допрашивалъ я.—Вѣдь Онъ говоритъ всѣмъ одно, т. е. истину, Такъ?..

— А то какъ-же?.. Все изъ чистаго сердца, все съ любовью, подтвердилъ онъ.

— Ну, а если кто-нибудь изъ вашихъ начнетъ не по любви и не по правдѣ поступать... Какъ вы различаете тогда и какъ поступаете съ такимъ человѣкомъ?

— Самъ Духъ-же и обличитъ его въ чистыхъ сердцахъ и въ пророчествѣ; а поступаемъ очень просто: увѣщеваемъ его съ любовью, добрымъ совѣтомъ помогаемъ...

— А если онъ васъ не послушаетъ, тогда что?..

— Ну, такъ Богъ съ нимъ, отринемъ его, а всетаки со слезами и съ любовью, — и онъ опять вставилъ приличествующій текстъ.

— Такъ что у васъ, значитъ, не позволяется примѣнять ни къ кому и никакого насилія, если-бы даже такой человѣкъ нанесъ кому-либо и тяжкую обиду, и вообще причинилъ крупное зло.

— Никакъ! У насъ лишь одно оружіе — любовь да терпѣніе. Терпѣть, какъ самъ Христосъ терпѣлъ, и прощать обиды, торжественно закончилъ онъ новымъ евангельскимъ текстомъ.

Я внимательно вглядывался въ лицо моего собесѣдника и въ его глаза. Нѣтъ, оно не сіяло ни любовью, ни всепрощеніемъ, а по прежнему было рѣзко и дышало строго учительскимъ духомъ, а глаза хотя и блестѣли, но сухимъ блескомъ и не стояли на одномъ мѣстѣ.

— Да, хорошо должно быть тому, кто такъ искренно вѣруетъ и поступаетъ всегда по своей вѣрѣ, проговорилъ я, не сводя съ него глазъ.—А вамъ никогда не случалось говорить съ священниками о своей вѣрѣ; ну, такъ, хоть сторонкой? спросилъ я его.

— Сколько разъ даже!.. Бесѣды тоже затѣвали... Ну, да что? Нашъ вонъ твердитъ одно: въ царство небесное не попадешь... Погибнешь, кричитъ. Ну, и погибну, а тебѣ что до меня?... Скажи-ка лучше, кто самъ ты такой, какъ ты живешь?..—И у моего собесѣдника вырвалось при этомъ рѣзкое слово, а все лицо дышало неудержимымъ презрѣніемъ и гнѣвомъ.—Чай слышали отъ старика-то, что съ нашими дѣтьми дѣлаютъ? спросилъ онъ меня.

— Слышалъ и не отъ одного старика, отвѣтилъ я.

— Ну, то-то же!.. Вотъ вамъ и наставленіе... У меня тоже

вотъ двое дѣтей, заговорилъ онъ медленно,—подлежатъ тому-же самому, т. е. отбиранью: я не крестилъ ихъ.

— Что-жъ совершенно искренно, но какъ ножемъ отрѣзалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, мы съ женой ужъ все порѣшили: запру двери и стану въ окно хлестать, пока зарядовъ хватитъ... Пусть, что будетъ — то и будетъ!.. Да слышь, говорятъ, и судъ оправитъ, потому закона такого нѣтъ...

— Послушайте, тронулъ я его за рукавъ,—а гдѣ-же всепрощеніе, гдѣ-же это терпѣніе-то, о чемъ мы сейчасъ говорили съ вами?

Герасимъ Ефимычъ бросилъ на меня быстрый и совершенно неуловимый взглядъ и какъ-будто нѣсколько смѣшался.

— „Еже вмѣстите, да вмѣстятъ“, произнесъ онъ совершенно не къ стати какимъ-то отрывистымъ и глухимъ голосомъ.—Онъ все видитъ, показалъ онъ на небо,—и совѣсть, и горе, и нужду человѣческую!..

Но разговоръ нашъ пресѣкся. Герасимъ Ефимычъ повернулся ко мнѣ спиною и занялся лошадью, а я молча и глубоко задумался... На душѣ легло что-то мучительно тяжелое. Точно какая-то могучая рука вдругъ смяла, разрушила все мое душевное, спокойное равновѣсіе и, какъ мертвые сухіе листья, разнесло всѣ выводы и положенія, бросивъ человѣка въ какую-то мрачную пучину смертной тоски и безвыходной скорби.

Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я каждый Божій день вижу сумрачно задумчивыя лица, слышу то гнѣвно негодующія, то глубоко скорбныя рѣчи и все на одну и ту-же вѣчную, крестную тему: о правдѣ, о любви и спасеніи во Имя Христово... Сколько тяжкой скорби, сколько кровавыхъ мукъ и подвиговъ, сколько темныхъ, какъ мрачныя тучи, страстей собиралось и будетъ собираться всегда около этой вѣчной Голгоѳы Бога и человѣка. Каждый изъ людей ставитъ свою совѣсть и думы подъ охрану этого великаго и полнаго безконечнаго милосердія Имени, каждый аппелируетъ къ Нему и влечетъ его, это Имя, то какъ роскошное знамя, то какъ только обрывокъ его, на поле битвы человѣческой... Люди такъ уже привыкли носить его за собою, что безпрестанно готовы потрясать имъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, готовы всякую свою удачу, изъ какихъ-бы темныхъ источниковъ

она не истекала, и всякое несчастіе врага, какъ-бы ни было искренно и чисто намѣреніе послѣдняго, все подводить подъ санкцію этого знамени.

Но гдѣ-же та всесильная, животворящая вѣра, которая всѣмъ существомъ своимъ погружена въ вѣчную и всеблагую Волю; гдѣ она, исполненная того духа, который все прощаетъ, всему вѣритъ, надѣется и переноситъ, въ которомъ нѣтъ и никакого страха, потому-что нечего бояться, такъ-какъ любовь есть сила силъ и побѣдила смерть и потому преисполнена неисчерпаемымъ милосердіемъ... Гдѣ-же она, эта вѣра?.. Праздная-ли только это мечта скорбнаго и измученнаго человѣческаго сердца, или дѣйствительно то, безъ чего не можетъ существовать ничто живое?..

Истомленный и подавленный этими нахлынувшими чувствами, я съ жадностью вглядывался въ безбрежную степную ширь и всей грудью вдыхалъ ея вольный и чистый воздухъ. И мнѣ казалось, что эта степь оживаетъ и что-то говоритъ мнѣ... Необъятно широкимъ просторомъ она охватила теперь насъ кругомъ. Нигдѣ не видно было и признаковъ жилья, поля тоже уже исчезли, и вездѣ, куда только хваталъ глазъ человѣческій, стлалась только трава и трава; кой-гдѣ вдали виднѣлись скошенныя полосы ея, а потомъ та-же трава безъ конца, точно буро-зеленое и уснувшее море... Солнце уже закатилось, но ярко-розовая, переходящая къ горизонту въ оранжево-золотой цвѣтъ, широкая полоса свѣта тихо разливалась на западной сторонѣ неба. Чѣмъ-то дивно чистымъ и благодатнымъ вѣяло отъ этого бездоннаго моря прозрачнаго и тихаго вечерняго свѣта и влекло всю душу человѣка въ эту прекрасную и недосягаемую глубину чистоты. Нѣчто безмолвное и торжественное, но до слезъ сладкое и грустное, какъ горячее покаяніе, охватывало, разверзало эту душу и выносило наружу въ нѣмыхъ чувствахъ всѣ неизмѣримые, какъ само небо, запросы ея на вѣчную правду и безсмертіе... И голосъ этотъ былъ мощный и приводящій въ трепетъ и благоговѣніе... Библейскіе пророки не даромъ-же уходили въ пустыню...

Заря догорала и блѣднѣла, а небесная синева выступала все торжественнѣе и глубже. На ней загорались, какъ тихіе ласковые огни міровой любви, кроткія звѣзды, и крутой ликъ

мѣсяца явственно уже выступалъ въ вышинѣ блѣднымъ и задумчивымъ окомъ. По степи замѣтно потянулись какія-то безмолвныя тѣни, словно тихія и неясныя сердечныя думы, и со всего ея степного простора понеслось что-то тонкое и ароматичное, проникающее весь организмъ и опьяняющее человѣческое сердце силой здоровья и вѣчной, неумирающей юности.

И это обновленное сердце жадно и благоговѣйно рвалось чисто жить, любить и съ неизмѣримой благодарностью отдать великій даръ — свою жизнь — въ молитвенномъ подвигѣ и жаждѣ къ безсмертію въ благія и безсмертныя руки Того, въ Комъ и путь, и истина и жизнь!.. Тутъ все сливалось въ единый и вѣчный гимнъ и властный призывъ безсмертія: и эта неисчерпаемая, благодатная красота земли и неба, и эти потрясающіе до глубины, благоговѣйные и безграничные порывы сердца человѣческаго... Такъ и чудилось, что та дивная пѣснь, слышанная однажды, библейскими пастухами, вновь звучно несется въ невидимомъ ангельскомъ хорѣ съ этого прекраснаго и тоже вѣчно юнаго вечерняго неба и съ миромъ благословляетъ тихо засыпающую землю и шлетъ благоволеніе въ сердца человѣческія...

Всѣмъ и всего хватитъ съ избыткомъ! слышится изъ этого неизсякаемаго источника вѣчной красоты, правды и благоволенія...

XI.

— Вотъ, что ни ѣдемъ теперь, то все идутъ Ш....е участки, а тамъ пойдутъ, почитай до самаго мѣста, К.....е, нарушилъ свое молчаніе Герасимъ Ефимычъ. — Вишь, какое раздолье...

Дѣйствительно, поражающее впечатлѣніе приводитъ эта необъятная широта степей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и явная тѣснота и скудость крестьянской жизни. Положительно не хочется вѣрить этому, такимъ абсурдомъ кажется среди простора эта тѣснота и скудость, а между тѣмъ это такъ, и фактъ рѣжетъ глаза. И какъ-то горько, обидно дѣлается за недомыслiе и темноту человѣческую и не знаешь ужъ, есть-ли какая мѣра этой самой темнотѣ и недомыслію.

Только поздно вечеромъ добрались мы до ночлега. Гера-

симъ Ефимычъ любезно было предлагалъ, переночевавши, везти меня и дальше, но мои дѣла требовали остановки, да и не по душѣ что-то пришолся мнѣ этотъ человѣкъ: очень ужь пыхалъ онъ самомнѣніемъ, учительствомъ и всякими высокими словами, подъ которыми вспыхивали порой такіе огоньки, которые очень мало говорили о его смиреніи...

Весь районъ этой части губерніи, всѣ его села и деревни носятъ одинъ и тотъ-же характеръ: кругомъ громадная площадь однообразныхъ полей и луговъ по запущенной въ нагулъ землѣ, въ каждомъ селѣ нѣсколько богатыхъ скупщиковъ зерна и скота, держащихъ большею частью собственные и арендные участки, а вокругъ ихъ вплотную жмется сѣрая ровнота бѣдности. Тѣ-же скупщики устанавливаютъ и всѣ цѣны на хлѣбъ, они-же и забираютъ его по осени или зимой у крестьянъ, и затѣмъ, по мѣрѣ надобности стягиваютъ его или на самарскій рынокъ, или на другія волжскія пристани изъ болѣе ближайшихъ къ послѣднимъ мѣстъ.

Живутъ, конечно, эти зерновщики, какъ называютъ ихъ, хорошо: двухъэтажные дома съ садиками, крашеные полы, мягкая мебель и зеркала — все это въ порядкѣ, все блеститъ чистотою и дышетъ изобиліемъ; всѣ они, развѣ за рѣдкими исключеніями, весьма склонны къ своеобразному свободомыслію и вообще либерализму, любятъ читать газеты и интересуются политикой; словомъ, носятъ въ себѣ вѣрные зачатки буржуазнаго духа, облеченнаго пока еще въ костюмъ россійскаго самодурства и въ долгополые сюртуки съ сапогами бутылкой; хотя и въ этомъ отношеніи произошли уже значительныя измѣненія въ пользу европеизма. Многіе изъ нихъ считаются сектантами, а у другихъ весь передній уголъ заставленъ кіотомъ съ иконами въ богатыхъ ризахъ; но и тѣ и другіе одинаково усердно служатъ больше своему профессіональному богу — Мамонѣ. Эти солидные люди, какъ истинная заря россійскаго будущаго, суть первые піонеры и руководители крестьянской жизни. Въ сущности говоря, въ экономическомъ смыслѣ крестьянинъ весь въ ихъ рукахъ. Имъ отдаетъ онъ и свой хлѣбъ, и скотину, и всякое другое добро, и вырученныя деньги оставитъ въ его-же лавочкѣ за всю полученную оттуда московскую бракованную мануфактуру и проч. Тѣ-же люди возьмутъ у него за безцѣнокъ все, что

пойдетъ съ торговъ для уплаты неотложныхъ податей. На какой сельскій базаръ ни бросься этотъ мужикъ, всюду ждетъ его этотъ ловкій скупщикъ; некуда уйти мужику отъ этихъ крючковатыхъ и цѣпкихъ рукъ: у него вѣдь ни общественнаго кредита, ни банковъ, ни потребительныхъ и всякихъ прочихъ обществъ, — все это работаетъ въ другую сторону; словомъ, нѣтъ у него никого — кромѣ земскаго начальника, урядника, да мѣстнаго батюшки.

Большинство этихъ коммерсантовъ, какъ недавніе выскочки изъ той-же бездонной пропасти темноты и бѣдноты, въ сущности относятся въ душѣ къ мужику съ величайшимъ презрѣніемъ, хотя и постоянно лукавятъ съ нимъ и рѣзко не высказываютъ этого изъ политики. Такой коммерсантъ не станетъ съ нимъ тратить и лишняго слова, если не видитъ въ томъ своей выгоды. Изворотливо-хитрый, зачастую циничный и развратный до мозга костей, онъ — этотъ проснувшійся дикарь, расширившійся коммерческій кругозоръ котораго заставилъ работать его умъ, заносится передъ мужикомъ и всякой душой человѣческой въ своей грамотной умственности и всякихъ словечкахъ, нахватанныхъ изъ газетъ и беззастѣнчиво направляетъ свой умъ на добиванье мужика. Въ то-же время онъ считаетъ себя за необходимое колесо въ общественномъ механизмѣ, а потому и унижается, и ехидно либеральничаетъ, гдѣ можно, на счетъ барина и чиновника, устремивъ при этомъ взоры постоянно на свою собственную мошну.

— Великая бѣда, что неурожай у тебя, поучалъ однажды при мнѣ мѣстный коммерсантъ одного изъ меньшихъ братій, смиренно жаловавшагося, что теперь чернотѣ совсѣмъ плохо пришло...— Иди на заводъ, на заработки. Привыкли на печи дома съ бабами-то лежать, да даровой хлѣбъ получать... — не хочется!.. А того ты, глупый человѣкъ, не понимаешь, что на фабрикѣ можешь добыть въ одну зиму то, что съ своей полосы и въ годъ не достанешь... Учить ихъ надо, просвѣщать, а не баловать лѣнтяевъ, да даровымъ хлѣбомъ кормить, обратился онъ ко мнѣ, когда чернота уже исчезла съ его глазъ.— Вотъ тогда они возьмутся за умъ... Слава Богу, у насъ Россія велика: вездѣ работа найдется, а работникъ дешевле, тѣмъ и лучше: капиталу легче и скорѣе всякія дѣла

пойдутъ въ ходъ. Безъ капитала ничего не подѣлаешь... Капиталъ, а не мужицкая его полоса да соха его кормитъ... Съ нимъ тоже тягости и трудовъ не мало. Иной разъ думаешь, думаешь... не повѣрите, какъ-есть напролетъ ночи не спишь, закончилъ онъ со вздохомъ.

„Чѣмъ не разсужденіе, хоть сейчасъ передовицу пиши“, подумалось мнѣ, слушая эти умныя рѣчи самаго наироссійскаго человѣка въ сапогахъ бутылкой.

XII.

Какъ ни однообразна вся мѣстность отъ Самары до Николаевска, но она все-таки дышетъ жизнью. Ея волнистость смягчаетъ это однообразіе, а Большой Иргизъ положительно краситъ ее. Въ крутыхъ и обрывистыхъ берегахъ своихъ, поросшихъ большею частью мелкимъ дубнякомъ, онъ изгибается безчисленными извивами, образуя кой-гдѣ тихіе затоны и катитъ свои небогатыя воды вплоть до самой Волги.

Николаевскъ, стоящій на самомъ Иргизѣ, прежде самый ничтожный городишко, теперь, съ проведеніемъ къ нему вѣтви покровско-уральской желѣзной дороги, начинаетъ быстро подниматься, оттягивая хлѣбные грузы отъ Балакова и направляя ихъ въ Покровскую слободу.

Подвигаясь отъ Николаевска почти въ прямомъ направленіи на югъ — къ Малоузенску, мѣстность принимаетъ все болѣе и болѣе унылый и плоскій видъ. Недородъ обнаруживается также гораздо рѣзче, и въ нѣкоторыхъ волостяхъ, лежащихъ на этомъ пути, какъ напримѣръ въ Дергачахъ, Перекопномъ и въ другихъ вплоть до Малоузенска и далѣе къ Савинкамъ, нужда въ хлѣбѣ должна сказаться уже съ осени. Начиная отъ Николаевска въ этомъ направленіи черноземъ дѣлается все мельче и притомъ очень часто прерывается солонцами. Онъ точно вкрапленъ въ желтый суглинокъ; а затѣмъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ и совсѣмъ уже исчезаетъ, смѣняясь то солонцами, то буроватымъ желтымъ суглинкомъ. Въ благопріятные, влажные годы этотъ суглинокъ очень благодаренъ къ обработкѣ; онъ нѣсколько подобенъ лёсу среднеазіатскихъ равнинъ и присвоевременныхъ дождяхъ производитъ на крѣпкихъ земляхъ великолѣпную бѣлотурку, спеціально

извѣстную подъ именемъ „Новоузенки“; но въ засушливые годы, которые здѣсь очень часты, эта необозримая степь принимаетъ самый безотрадный видъ. Такова была она и теперь: безжизненная и плоская, она мертвенно разбѣгалась во всѣ стороны. Даже легкая вспучина ея посединѣ уѣзда, извѣстная подъ названіемъ Сырта, ничего не измѣняла въ этомъ мертвомъ однообразіи; онъ поднимался точно одинокій громадный могильный холмъ, похоронившій подъ собою всю жизнь, и нагонялъ еще большее уныніе. Пшеничныя поля этой степи были въ самомъ безнадежномъ положеніи и въ самыхъ лучшихъ и рѣдкихъ случаяхъ обѣщали пудовъ 10—15, а въ большинствѣ не больше какъ сѣмена. Гдѣ были у колонистовъ овсы, ихъ уже скосили на сѣно, травы тоже погорѣли, только заросли сѣрой и жесткой полыни да чернобыльника пестрѣли то тутъ, то тамъ по сторонамъ, но и они не оживляли своимъ безжизненнымъ видомъ степь, да и никуда не годились, потому что скотъ ихъ не ѣстъ.

— Ой, ой, нынче корма будутъ дороги, толковали мнѣ по дорогѣ: — мужику и киргизу будетъ совсѣмъ плохо...

У „участниковъ“, какъ здѣсь называютъ владѣльцевъ или арендаторовъ участковъ, впрочемъ, были запасы сѣна еще отъ прошлыхъ годовъ и потому имъ опасаться было нечего. Торговцы такъ даже радовались, потому-что скотъ будетъ дешевъ, да и на сѣнѣ заработаешь немало.

Вся громадная равнина Новоузенскаго уѣзда, за исключеніемъ небольшой части ея къ сѣверо-востоку и сѣверо-западу орошается Большимъ и Малымъ Узенями и Ерусланомъ, въ который впадаютъ Торгунъ, обѣ Кубы и Водянка. При взглядѣ на изрытые и красные берега этихъ ничтожныхъ рѣчекъ, съ застоявшейся, вонючей и солончаковой водой, которая то еле тянется по своему заиленному руслу, а то и совсѣмъ пропадаетъ, оставляя только потныя мѣста, они напоминаютъ громадные, окостенѣвшіе кровеносные сосуды какого-то исполинскаго тѣла: животворящая влага еле двигается въ нихъ и высыхаетъ, смерть близка, и невольно вертится въ головѣ мысль, что скоро уже не останется отъ этого умирающаго тѣла ничего кромѣ праха, развѣваемаго жгучимъ степнымъ вѣтромъ.

Савинки — большое торговое село, въ 12 верстахъ отъ гра-

ницы Царевскаго уѣзда, снабжающее сосѣднюю Букеевскую орду всѣмъ, начиная отъ шмитовской муки, до чая, разной мануфактуры и прочаго московскаго добра...

— Хо-орошій человѣкъ — киргизъ, слышалъ я постоянно отъ всѣхъ торгующихъ и неторгующихъ россійскихъ людей. — Ты только умѣй обойтись съ нимъ, значитъ, уважь его, — такъ куды простъ сдѣлается... Придетъ онъ, примѣрно, въ лавку; ну, ты сейчасъ прими его вѣжливо, съ поклономъ, стулъ ему или скамейку пододвинь... Вотъ сейчасъ онъ шапку долой, поясъ на полъ и развалится... а ты его тутъ чайкомъ, такъ такъ разойдется, что готовъ всю лавку забрать... Объ цѣнѣ ужь куда тебѣ, и не спрашиваетъ... О-очень хорошій народъ... Теперь, впрочемъ, онъ тоже смекать начинаетъ, потому въ разномъ товарѣ и особенно въ мукѣ ужь больно много наживали. Можно сказать, совсѣмъ зря... Муку отпускали со всячинкой, ну, и прочій товаръ... Такъ онъ теперь говоритъ: „Давай мнѣ муку съ клеймомъ—шмитовскую“... Ну, и даешь ему... понимаете: лишь-бы мѣшокъ былъ... Развѣ онъ много смыслитъ?.. Орда и больше ничего!

Въ Савинкахъ пропасть вѣтрянокъ; съ нихъ-то, а также съ ерусланскихъ мельницъ и снабжается орда мукою со всячинкой. Несмотря на то, что Савинки отъ желѣзной дороги только въ 60 верстахъ, все-таки въ торговомъ отношеніи они цѣликомъ тянутъ къ Ровному—пристани на Волгѣ, хотя та почти вдвое дальше.

— У насъ киргизы на верблюдахъ за 10—12 коп. туда и обратно съ пуда везутъ, да и въ Покровскую слободу за 20 коп. ѣздятъ, такъ зачѣмъ намъ на глухую станцію ѣхать, да еще начальству разному кланяться и ждать, когда вагоны дадутъ, говорятъ савинцы.

„Вотъ тутъ и конкурируй желѣзная дорога съ киргизомъ!“ подумалось мнѣ.

Сейчасъ-же за Торгуномъ, даже собственно на другомъ берегу его, виднѣется изъ-за густой зелени плодового сада большая усадьба съ двухъэтажнымъ деревяннымъ домомъ, разными службами и даже маленькой деревянной мечетью. Это такъ-называемый ханскій участокъ, состоящій во владѣніи потомковъ киргизскаго хана Чингиса, кажется единственнаго помѣщика изъ киргизъ. Когда-то это были громад-

ныя владѣнія. Дѣду нынѣшняго владѣльца казна отвела 40 тысячъ десятинъ и, кромѣ того, ему-же шли и всѣ доходы съ извѣстной ханской ярмарки въ ордѣ, около Рынь-песковъ; но въ послѣдствіи они были изъяты за опредѣленный выкупъ. Теперь эти владѣнія раздѣлены уже на три части, и одна изъ нихъ, въ 12 тысячъ десятинъ, даже продана прозоровскимъ крестьянамъ. Участокъ противъ Савинокъ принадлежитъ одному изъ внуковъ Чингиса, но самъ владѣлецъ живетъ въ Уфѣ, а здѣсь земля сдается въ аренду отъ 4—6 руб. за десятину.

Когда-то одинъ изъ наслѣдниковъ хана устраивалъ на своей землѣ даже запруды для удержанія весеннихъ водъ, но теперь все это дѣло въ упадкѣ и запруды заброшены.

Этихъ помѣщиковъ-киргизъ савинцы хвалятъ.

— Сказать дурного ничего нельзя, народъ честный, тихій и безъ прижимокъ. Когда затянешься въ отдачѣ за аренду—попросишь, не нудятъ, а кому и скостятъ или и вовсе отмѣнятъ, коли Богъ не посчастливитъ въ урожаѣ. Никакихъ пакостей отъ нихъ не видимъ, даромъ что не крещеные...

И мнѣ невольно вспомнились при этомъ недавно слышанные мною отзывы про нашихъ крещеныхъ Ш... А... и прочихъ, имъ-же нѣсть числа.

Какъ пограничное селеніе съ Астраханской губерніей, Савинки служатъ пунктомъ, гдѣ устроенъ карантинъ, наблюдающій за состояніемъ скота, выводимаго изъ Астраханской губерніи, преимущественно изъ орды, гдѣ весьма часто его валитъ отъ разныхъ заразныхъ болѣзней. По карантиннымъ правиламъ ни одна скотина изъ той губерніи не можетъ попасть въ Самарскую, прежде чѣмъ не выдержитъ здѣсь 20 ти дневный искусъ и не будетъ признана по испытаніи здоровою. Но какъ и всякое стѣснительное для коммерціи правило, оно, конечно, вызываетъ недовольство, и вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ разныя ухищренія, стремящіяся обойти законъ,

— Средство для этого очень простое, разсказывали мнѣ савинцы.—Примѣрно явится къ вамъ здѣсь купецъ. «Проведи, братъ мой, пожалуйста, изъ орды 40 или тамъ не больше 50 годовъ. Много тоже нельзя: опасно. Ну, ладно! Вотъ я сейчасъ по шабрамъ. „Давай, пожалуйста, мнѣ свидѣтельство изъ волостной, что ты мнѣ продалъ свою скотину. За-

тѣмъ также къ другому, къ третьему; пока не наберешь столько свидѣтельствъ, сколько взялся скотины провести. Конечно, угостишь за это, или самъ въ другое время дашь такое-же свидѣтельство: извѣстно, рука руку моетъ... Ну, хорошо!.. Свидѣтельства, значитъ, въ сундукъ, а самъ съ купцомъ маршъ въ орду. Онъ наберетъ тамъ скота и гонишь его съ подручнымъ... Вотъ ужъ какъ близко граница, а у насъ она на самой плотинѣ черезъ Торгунъ, значитъ, одна дорога, больше никуда не сунешься, то и стараешься подогнать къ ней скотину въ самую-то что ни на есть глухую ночь, чтобы мѣсяца не было; особенно когда снѣгъ или штурма идетъ,—это тѣмъ намъ и лучше, потому стражники въ такую пору на дорогѣ никогда не бываютъ. Кому охота мерзнуть: всѣ по избамъ. Ну, сначала всетаки одинъ пройдешь, провѣришь... Слава Богу, никого!.. Вали, значитъ, скорѣй. Сзади снѣгъ замѣтаетъ, а впереди наша савинская земля. Какъ туда попалъ, сейчасъ, значитъ, по задамъ, по шабрамъ скотину разметалъ. Милости просимъ, пожалуйте!.. На завтра тамъ собралъ ее полегоньку въ свой дворъ, сейчасъ къ ветеринару... Пожалуйте, ваше благородіе, скотинку здѣшнюю осмотрѣть, купецъ тутъ у меня остановился... Ну, пріѣдетъ... „Гдѣ тутъ скотина! кричитъ;—вся здѣшняя?..“ —Точно такъ, ваше б—діе!.. — „Свидѣтельства?..— Вотъ онѣ самые... „Все-ли благополучно?..“ —Точно такъ, ваше благородіе, все слава Богу!.. Ну, и конецъ: взглянетъ на свидѣтельства, подмахнетъ и все тутъ!.. А мнѣ отъ купца по рублевкѣ, а то и полгоры съ каждой головы. Значитъ, и мнѣ хорошо, и ему не меньше красненькой съ каждой тоже пользы. Поди-ка подержи, да покорми ее въ карантинѣ-то, а избави Богъ еще какая хворая... Тамъ найдутъ!..

— Ну, а если стражникъ накроетъ? спрашивалъ я.

— Велика важность, отвѣчали мнѣ.—Сунулъ ему трешницу и ступай съ Богомъ... Вотъ и все...

— Но, позвольте, возражалъ я, нѣсколько озадаченный всѣми этими упрощеніями.—А развѣ волостное правленіе не можетъ придраться изъ-за этихъ свидѣтельствъ?..

— Какъ это такъ!.. Да ему какое дѣло?.. Развѣ оно можетъ провѣрять, продаю я или не продаю?.. Беру свидѣтельство, значитъ, продаю.

— И что-же, многіе здѣсь занимаются этимъ дѣломъ, спрашивалъ опять я.

— Многіе, получилъ я въ отвѣтъ. — Дѣло прибыльное... Да развѣ это только здѣсь дѣлается?.. А черезъ Волгу по льду какъ гоняютъ въ Николаевской слободѣ, а за Александровымъ-Гаемъ?.. Мое почтеніе!.. Побольше здѣшняго!..

Спрашивается, какой-же смыслъ послѣ этого въ существованіи 20-ти дневнаго карантина со всѣмъ его штатомъ?..

Словомъ, савинскій обыватель ордой живетъ и, какъ оказывается, довольно успѣшно умѣетъ находить обходы и лазейки, пробивающіе то средостѣніе, которое во имя общаго благополучія, воздвигнуто между имъ и этой любезной ему ордой.

Пшеница однако у савинцевъ, какъ и вездѣ, тоже была изъ рукъ вонъ плоха. Не помогли и запруды весенней воды, которую они стараются подольше удерживать на своихъ земляхъ кой-какими плохенькими плотинками. Все пересохло, а дождей съ самаго мая мѣсяца не было ни одного.

— Да и много грѣха и жалобъ бываетъ изъ-за этихъ плотинъ съ шабрами, т. е. съ сосѣдними колонками, передавали мнѣ. — Каждый хочетъ воду къ себѣ взять. Особенно съ этими нѣмцами, пропади они совсѣмъ. У насъ тутъ кругомъ одиннадцать колонокъ ихъ (колоній). Не дай Богъ такихъ шабровъ... народъ дерзкій, гордый, насъ, хохловъ, ни за что считаетъ... И нажимисты бѣда какъ!.. Примѣрно ихъ воза идутъ, — кормись у насъ подножнымъ кормомъ, сдѣлай одолженіе, даромъ; никто и слова не скажетъ... А попробуй-ка у нихъ?.. Сейчасъ къ тебѣ: „ню, што ти?.. потрава... деньги давай!..“ Просто безъ совѣсти жадный народъ... Терпѣть ихъ не можемъ... По дорогѣ ѣдетъ порожнякомъ, такъ ты передъ нимъ съ возомъ сворачивай, а то такъ и наровитъ тебѣ колеса обломать: на вершокъ не сдвинется... То-ли дѣло орда, киргизъ!.. Простодушный, ласковый народъ. По дородѣ,—гдѣ еще наровитъ своротить, чуть не за версту. А повстрѣчается, шапкой махаетъ, здравствуй, кричитъ. Заѣдешь къ нему, угоститъ тебя отъ души и денегъ ни за что не возьметъ... Гостепріимный народъ!..

Словомъ, нѣмецкая культурность, кажется, совсѣмъ не подходитъ ко вкусамъ хохла, а симпатіи его, и сердечныя

и матеріальныя, всѣ клонятся въ сторону простодушной и незатѣйливой орды.

XIII.

Длинный и утомительно скучный путь предстоялъ мнѣ изъ Савинокъ прямо на озеро Эльтонъ. Надо было около 150 верстъ протащиться безъ перемѣны все на однѣхъ и тѣхъ-же лошадяхъ, ибо по дорогѣ нанять ихъ было негдѣ.

— Вотъ какъ переѣдемъ Торгунъ, говорилъ мнѣ старый возница,—такъ вскорѣ и поѣдешь все межой—верстъ около сотни, а тамъ къ Эльтону свернемъ. Признаться, я самъ - то тамъ не бывалъ, а только до дальнихъ хуторовъ—тамъ разскажутъ.

И потянулась эта степь, выжженая и унылая. Жара стояла невыносимая, въ воздухѣ не шелохнетъ: всюду безмолвно, точно все вымерло. Ни птица не крикнетъ, ни кузнечикъ не застрекочетъ. Изрѣдка только тихонько юркнетъ въ свою нору сусликъ, да неслышно въ высотѣ плаваетъ ястребъ и зорко высматриваетъ зазѣвавшагося звѣрька; но долго ему приходится выглядывать свою добычу: здѣсь и суслика-то мало, — нѣтъ около чего поживиться ему. Лошади еле-еле трусятъ; истомленныя жарой губы сохнутъ, безпрестанно хочется пить, и обезсиленный человѣкъ усталымъ взглядомъ безучастно смотритъ въ пустую даль. Раскаленный воздухъ дрожитъ передъ его глазами какими-то струйками, какъ отъ громаднаго пожара. И все то-же и то-же безъ конца.

Но вотъ тамъ, на горизонтѣ, кажется, не болѣе какъ въ 5—7 верстахъ виднѣется жизнь. Стелется широкая блестящая полоса воды; рослыя ветлы опустили надъ ней задумчиво свои длинныя зеленыя вѣтви. Вода сверкаетъ, то тутъ, то тамъ между этихъ деревьевъ; видно даже, что по ней кучками разбросаны кусты тростника, и все это смотрится въ эту прекрасную воду и опрокинулось въ нее. Нѣсколько въ сторонѣ даже виднѣются темные силуэты избъ.

— Вишь, какъ подыгрываетъ, обманываетъ, — замѣчаетъ старикъ-возница, указывая кнутовищемъ на эту картину.

Да, это марево, это призраки-сны усталой, измученной степи, мучительно грезящей о чемъ-то лучшемъ. Они носятся надъ ней тутъ и тамъ, неуловимые, заманчивые и горько обманываютъ и раздражаютъ всякое живое существо.

Можно себѣ представить, какъ должны обезсиливать и обезнадеживать такія картины человѣка, дѣйствительно истомленнаго жаждой и сбившагося съ пути.

Мы и не сбились, и даже воду имѣли съ собой въ деревянной кубышкѣ, да и то было тяжко. Водой, обыкновенно солонцеватой и даже съ горчинкой, приходилось запасаться только на тѣхъ рѣдкихъ хуторахъ, которые кой-гдѣ позатерялись въ степи, среди ея горькой и сѣрой полыни. Обыкновенно это какая-нибудь одна, много двѣ мазанки, въ которыхъ ютится съ своей семьей хуторянинъ-арендаторъ участка. По русской сторонѣ, вдоль киргизской межи, тянутся земли астраханскихъ казаковъ; земли эти сдаются очень дешево—отъ 25 до 35 коп. за десятину, да, по правдѣ, онѣ больше и не стоютъ, потому-что изрѣзаны солончаками, такъ-что пахать приходится небольшими клочками, то тутъ-же около дома, то версты за 3, за 5 и болѣе, выбирая потненькія мѣстечки. Случается, что мѣстахъ въ 10—15 бываетъ раскинута эта пашня. Хуторки очень рѣдки: на всемъ пути намъ попалось только четыре, да по сторонамъ виднѣлось 2—3 вѣтрянки. А, впрочемъ, Богъ вѣдаетъ, можетъ быть, это и „подыгрывало“ только; по крайней мѣрѣ, старый извозчикъ тоже не утверждалъ за положительное, какъ человѣкъ мало знакомый съ этой мѣстностью.

На киргизской сторонѣ тоже кой-гдѣ виднѣлись какія-то черныя кучки—это были киргизскія полуразвалившіяся землянки, теперь совершенно пустыя, и на нихъ садились только ястреба; сами-же киргизы лѣтомъ уходили далеко въ глубь своихъ степей за кормомъ своему скоту.

Удивленію моему не было границъ, когда на другой день, въ самую жару мы дотащились до маленькаго, но очень приличнаго домика съ палисадникомъ и выходящей въ него крытой террасой. Я подумалъ, уже не опять-ли что подыгрываетъ въ моихъ глазахъ; но возсѣдающая на этой террасѣ публика совершенно уничтожила всякое сомнѣніе въ дѣйствительности. Тутъ была цѣлая семья за обѣдомъ. Какой-то господинъ среднихъ лѣтъ, въ бѣлой малороссійской на выпускъ рубахѣ, двѣ молоденькія дѣвочки лѣтъ 14—15, въ платьяхъ гимназистокъ, рядомъ съ ними полная и довольно видная дама и еще нѣчто маленькое, худенькое, въ очень потертомъ

пиджачкѣ и заплатанныхъ штанахъ. Вся эта публика смотрѣла на насъ во всѣ глаза. Я остановился лишь за тѣмъ, чтобы попросить напиться, напоить лошадей и распросить о дальнѣйшей дорогѣ; но господинъ въ бѣлой рубашкѣ очень любезно предложилъ мнѣ „откушать“ съ ними, и я, конечно, съ великой радостью воспользовался этимъ предложеніемъ.

Слѣзая съ полуфурки, я замѣтилъ по другую сторону дома еще деревянное зданіе съ двустворчатой дверью, надъ которой и съ обѣихъ сторонъ ея красовались вывѣски. Наверху была крупная надпись: „Продажа, колоніальныхъ и мануфактурныхъ товаровъ“, а на боковыхъ: „Чай Перлова, Боткина и другихъ, табакъ“ и даже былъ изображенъ съ связками чая въ рукахъ желтый китаецъ, длинные усы котораго прямо уткнулись въ эти связки; словомъ все въ порядкѣ, хоть въ Покровскую слободу вѣшай. Чтобы этотъ этапъ цивилизаціи былъ виденъ какъ можно дальше со всѣхъ сторонъ, на крышѣ его воздвигнутъ былъ длинный шестъ съ пучкомъ ковыля.

Хозяева приняли меня очень радушно и отрекомендовали все свое семейство, причемъ дѣвицы оказались дѣйствительно гимназистками, а маленькій тощій человѣкъ въ пиджачкѣ —родственникомъ и псаломщикомъ какого-то дальняго и глухого прихода.

Пока хозяинъ распрашивалъ меня о цѣляхъ моего путешествія, хозяйка поставила на столъ цѣлую четверть превосходной жареной баранины и огромную крынку съ холоднымъ молокомъ... Видно было, что послѣдняя сейчасъ только вышла съ ледника и вся наружная сторона ея блестѣла каплями росы. Я пилъ это дивное молоко стаканъ за стаканомъ, пока не потерялъ имъ счета, и чувствовалъ, что оживаю. Въ заключеніе на столѣ появился кондитерскій и свѣжій тортъ, и такимъ образомъ, я какимъ-то чудомъ услаждался среди этой пустыни всѣми благами цивилизаціи, начиная отъ бесѣды съ гимназистками, до сладкаго пирога и лавочки включительно.

Между тѣмъ любезный хозяинъ разсказалъ мнѣ, что послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ по части своей жизненной карьеры, онъ рѣшился взяться за землю и торговлю.

— И, какъ видите, добавилъ онъ,— жаловаться не могу: все идетъ какъ слѣдуетъ...

— Самое правильное дѣло, вставилъ изъ угла до сихъ поръ молчавшій родственникъ.—Службой никогда не прокормишься, особенно въ нашемъ положеніи.

— А какъ вы выносите такую жизнь? спрашивалъ я.—Вѣдь здѣсь пропадешь .. Я думаю, барышни совсѣмъ истомились тутъ.

— Вотъ ужь нисколько, бойко перебили меня гимназистки въ одинъ голосъ.—Да мы ждемъ не дождемся всегда лѣта... Здѣсь у насъ просторъ, хозяйство... Прелесть...

— Мнѣ не только скучать, времени совсѣмъ не видишь, вставилъ хозяинъ.—Лѣтомъ здѣсь въ хлопотахъ по хозяйству, зимой въ Орду или въ городъ за товаромъ... дѣла не оберешься...

— Ну, плохое здѣсь хозяйство на вашей землѣ, замѣтилъ я съ сомнѣніемъ.

— Да, хвалить нельзя, согласился онъ,—хлопотъ много, а барышъ-то еще бабушка на двое сказала. А потомъ и раскидано ужь очень. Я вонъ въ десяти мѣстахъ пашу: тутъ 3 десятины, тамъ 5, гдѣ только удобный клочекъ найдешь, а у меня вѣдь $2^1/_2$ тысячи десятинъ на 10 верстъ растянулись... Вотъ и прыгай... Положимъ, я и плачу немного—всего 23 коп. съ десятины; ну, все-же отъ нашего хлѣбопашества толку мало. А тутъ еще то засухи, то саранчи жди, то этотъ суслякъ проклятый! И при хорошемъ-то урожаѣ иногда ничего не возьмешь. Знаете, что въ прошлое лѣто этого суслика было? Кто не видалъ, такъ право не повѣритъ. Съ поля не сходили. Только съ собакой его съ одного загона сгонишь, на другой перейдешь,—глядишь, онъ опять ужь на старомъ мѣстѣ работаетъ. Въ 2–3 дня такъ очиститъ, что и жать нечего. Ну, а нынче совсѣмъ почти нѣтъ: говорятъ, что за Волгу ушелъ. Такъ вотъ каково наше хозяйство-то... Да и чортъ съ нимъ! я пожалуй и совсѣмъ его заброшу.

— А чѣмъ-же жить? поинтересовался я.

— Гм! Чѣмъ жить?.. повторилъ онъ, усмѣхнувшись. - Вонъ мое золотое дно, воскликнулъ онъ съ одушевленіемъ, указывая въ сторону сарайчика.—Лавка! Она накормитъ. Ну, потомъ скотъ,—это тоже выгодная статья.

Не вдаваясь особенно въ подробности своего золотого дна, хозяинъ, все-таки сообщилъ, что исключительный его поку-

патель—киргизъ, что онъ много спрашиваетъ и изъ мануфактуры: ситцы, дешевое сукно; затѣмъ, чай, муку, табакъ и проч. „Надо только умѣть обойтись съ нимъ", повторилъ онъ ту-же фразу, которую я уже не разъ слыхалъ и прежде.

— На чистыя деньги торгуете больше, или въ кредитъ отпускаете? спрашивалъ я.

— Безъ кредита развѣ возможно! отвѣчалъ хозяинъ.—Да киргизъ—человѣкъ вѣрный, не то что нашъ братъ—русскій, отъ долга никогда не откажется. Конечно, у нихъ денегъ мало, почти совсѣмъ нѣтъ; ну, товаромъ, т. е. скотомъ, кожами, или тамъ шерстью отдаетъ... Наше дѣло торговое: все идетъ понемножку...

Я понималъ это отлично и не считалъ уже возможнымъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности. Разговоръ опять завязался о хлѣбопашествѣ.

— Мы свою землю не очень интересуемся пахать, разсказывалъ хозяинъ.—Все больше у киргизъ въ аренду беремъ.

— Какой-же разсчетъ, когда и своей дѣвать некуда и притомъ она такъ еще дешева, удивлялся я.

— Разсчетъ есть, объяснялъ онъ.—Въ Ордѣ земли еще не тронутыя, сильныя, а своя пусть подъ скотомъ отдыхаетъ.

— Но, если не ошибаюсь, кажется, аренда у киргизъ постороннимъ лицамъ воспрещена закономъ? спрашивалъ я.

— Воспрещена—это точно! Ну, да вѣдь мало-ли что!.. Это всегда обойти можно.

— А какая аренда платится киргизамъ?

— Рубль, самое большее уже рубль съ четвертью. У нихъ земля ковылистая. Значитъ, урожай ужъ не тотъ, что здѣсь по солонцамъ. Киргизъ-же и хлѣбъ уберетъ за пустяки и обмолотитъ... Они, смотрите-ка, нынѣ какіе работники стали, получше русскаго!.. Пензякъ *) никогда столько не наработаетъ, киргизъ выносливѣе.

Поблагодаривъ хозяина за угощенье и ласку, я сталъ откланиваться.

— Вотъ, коли вамъ не въ тягость, говорилъ онъ при про-

*) Большинство пришлыхъ рабочихъ здѣсь и вообще въ Заволжьѣ изъ Пензенской губерніи.

щаньѣ, указывая на господина въ пиджакѣ,—не откажите подвезти до города моего родственника... Онъ васъ не отяготитъ, а его пожалѣть надо: ему путь дальній.

Конечно, я безпрекословно согласился на эту просьбу.

— Да, да! говорилъ хозяинъ, пожимая еще разъ мою руку и опять возвращаясь къ прежней мысли.—Нынче ужъ и киргизъ начинаетъ за умъ браться: самъ и землю начинаетъ пахать, и въ компанію идетъ, и вѣтрянки ставитъ... Аренда ему не во вредъ...

Дѣйствительно, еще въ Савинкахъ я слышалъ объ этой тайной арендѣ киргизской земли и по дорогѣ находилъ подтвержденіе этому на каждомъ хуторѣ. Несмотря на воспрещеніе, эта аренда практикуется почти безпрепятственно, и такимъ образомъ киргизскія нетронутыя степи постепенно вдвигаются въ общую череду: онѣ все болѣе и болѣе распахиваются и, конечно, выпахиваются. Законъ, ограждая киргизскія владѣнія, конечно, имѣлъ въ виду, во-первыхъ, обезпечить для степного киргизскаго скота достаточную площадь пастбищъ, а во-вторыхъ, сберечь силу земли собственно для самихъ киргизъ, когда они, въ силу естественнаго хода вещей, возьмутся за земледѣліе. Но духъ наживы успѣлъ и тутъ найти лазейку и, собственно говоря, ускоряетъ ходъ этого процесса, опутывая постепенно киргиза кредитомъ и высасываетъ полегоньку киргизское добро. Самособою разумѣется, что истинно нуждающемуся въ землѣ крестьянину никогда не найдется доступа къ ней, а всюду пролезаетъ только кулакъ, умѣющій, какъ слѣдуетъ, обставить дѣло и попутно находящій въ киргизѣ еще крайне дешеваго и добродушнаго работника.

По общимъ отзывамъ, изъ нихъ выходятъ очень хорошіе земледѣльцы: выносливые, всегда трезвые и потому гораздо болѣе трудолюбивые; словомъ, люди, не успѣвшіе еще растерять своей первобытной честности и цѣльности.

Частыя степныя голодовки, а главное знаменитый въ этомъ отношеніи 1890—91 гг. страшно пошатнули благосостояніе орды, и цѣлая масса киргизъ была вытолкнута нуждой и растеклась по всему Заволжью въ качествѣ дешевыхъ рабочихъ рукъ. Эти руки съ тѣхъ поръ сдѣлались очень серьезнымъ конкуррентомъ для пришлыхъ россійскихъ рабочихъ,

являющихся сюда на жнитво, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже почти совершенно вытѣснили послѣднихъ.

— Не повѣрите, какой это былъ страшный голодъ, особенно въ ордѣ, разсказывали мнѣ очевидцы.—Сѣно стоило 1 р. 35 коп. пудъ, мука ржаная, что нынче и скотинѣ не дашь, 2 рубля; гнилую соломенную крышу за 100, за 150 рублей продавали!.. Да чего ужъ!.. Навозъ конскій, такъ и то за кучу брали у киргизъ пару лошадей... Кони и его жрали! Такъ у кого, знаете, изъ киргизъ, было прежде 500 лошадей, послѣ стало десять, а то и совсѣмъ ничего... самъ народъ-то пухнулъ да валился, какъ мухи. Съ рукой брели, да давать-то было нечего. Ну, вотъ съ тѣхъ поръ они и стали браться за землю, и вольныхъ мѣстъ,—этихъ пастбищъ для скота—у нихъ теперь много меньше противъ прежняго стало.

Киргизскія рабочія руки дешевы до изумительности. Отъ Пасхи до Покрова взрослый рабочій получаетъ 15 рублей, да и въ цѣлый годъ-то почти то-же самое, потому-что зимой его изъ-за хлѣба держатъ. Кромѣ муки, да крова, вродѣ какой-нибудь гнилой землянки, рабочій ничего болѣе не получаетъ. Бываетъ и еще дешевле того. Цѣлая киргизская семья, напримѣръ, состоящая изъ 2-хъ мужчинъ и 3-хъ женщинъ, жила за 30 рублей и 50 пудовъ муки въ лѣто, т.-е. это выходитъ по 10 рублей на кругъ за всѣ полгода. Какъ тутъ не хозяйничать и на астраханской землѣ, когда лѣтній рабочій день обходится только въ 10 коп. Замѣчу, что эта цѣна не считается дешевой. Ловкіе люди умѣютъ съ зимы, когда киргизъ голодаетъ, находить рабочихъ просто изъ-за одного хлѣба.

Такимъ образомъ, понемножку да полегоньку киргизъ начинаетъ цивилизоваться, т.-е. разставаться съ жизнью полудикаго номада, превращается въ голаго работника и такимъ образомъ представляетъ уже готовое орудіе для новой формы жизни—земледѣльческой. Однимъ изъ самыхъ видныхъ пособниковъ въ этомъ процессѣ, какъ уже было замѣчено выше, является нашъ россійскій кулакъ, постепенно оголяющій киргиза и затягивающій его въ петлю кредита и темной мѣновой торговли.

Обыкновенно скупщикъ скота отправляется въ степь въ самое глухое время: зимою или поближе къ веснѣ, т.-е.

тогда, когда у киргиза поистощились всѣ запасы, а мука или чай и совсѣмъ на концѣ. Тогда киргизъ и свою скотину уже рѣжетъ почаще, изъ боязни, что иная не доходитъ до весны. Вотъ въ такую именно пору и является благодѣтель-купецъ. Онъ всѣмъ снабдитъ: пріѣзжай и бери у него тутъ-же въ лавкѣ на межѣ.

— Тамъ и Шмитовская съ клеймомъ мука, и чай въ оберткахъ московскихъ фирмъ, въ 2 и въ $2^1/_2$ рубля за фунтъ есть—самый настоящій, поясняли мнѣ.—На основаніи этой расцѣнки идетъ и киргизскій скотъ, собственно товаръ за товаръ, Полуторникъ бычокъ ($1^1/_2$ года) за 10 и 8 рублей берешь; ну, также сало, шерсть и кожи. За кѣмъ, гляди, еще и по старымъ счетамъ есть. Ну, тамъ что получишь, что вновь въ долгъ повѣришь. Соберешь партію къ веснѣ— и домой съ ней. Тамъ еще какая скотина постарше поработаетъ въ полѣ, а затѣмъ и въ нагулъ ее до поздней осени. Коли хорошую цѣну пріѣзжіе купцы даютъ — такъ рублей 30—35.—тутъ-же, на мѣстѣ отдаешь, а то и самъ погонишь... Такимъ манеромъ и оборачиваешься.

Разсчитывая кой съ кѣмъ изъ хозяевъ стоимость содержанія скотины за лѣто, я получилъ такой результатъ. На каждую скотину надо класть не менѣе 6—8 десятинъ пастбища. Аренда его стоитъ, считая по 25 коп. съ десятины, отъ 1 руб. 50 коп. до 2 рублей, затѣмъ присмотръ и устройство водопоевъ — это высокая цѣна—1 руб., пригонъ изъ орды—копѣекъ 20 съ головы. Итого весь расходъ отъ 2 р. 70 коп. до 3 р. 20 к. на голову.

Такимъ образомъ, если эту скотину по осени продать даже отъ 25 до 30 руб., то получится отъ 12 до 17 руб. чистой прибыли, т. е. рубль на рубль, а то и полтора въ какіенибудь 7 мѣсяцевъ. Но такіе барыши получитъ тотъ, кто просто покупаетъ скотъ на чистыя деньги, а каковы-же они должны быть у тѣхъ, кто съ этой покупкой соединяетъ еще торговлю собственнымъ товаромъ.

Не проѣхали мы еще отъ дома любезнаго хозяина и полныхъ 7 верстъ—смотримъ, опять домикъ и опять лавочка; а кругомъ голо и глушь мертвая, какъ и прежде... Совершенно въ американскомъ духѣ, подумалось мнѣ. Тамъ тоже какой-нибудь Мадридъ или Лиссабонъ, изъ одного дома, не-

рѣдко торчитъ посреди преріи. Нюхъ и глазъ тоже, значитъ, острый и у россійскаго человѣка... И какъ это ловко и удобно размѣстились съ своими лавочками эти предпріимчивые господа. На киргизской-то землѣ нельзя, такъ они по самой межѣ: арендуютъ себѣ по двугривенному съ десятины участочекъ, да и орудуютъ и сторожатъ въ глухой степи добычу, точь въ точь вонъ, что тотъ ястребъ, который безмолвно сидитъ на верхушкѣ киргизской землянки и тоже зорко выслѣживаетъ свое.

— Эта лавка В—а, объяснилъ мнѣ мой новый спутникъ.— Большіе непріятели они съ моимъ дяденькой. Извѣстно, два волка. Особенно этотъ-то очень въ обидѣ. Большой подрывъ ему дядя дѣлаетъ.

— Это на удивленье, вмѣшался въ разговоръ старый извозчикъ, — гдѣ эта самая торговля открылась? Вѣдь всего годовъ пять и проявилась она, вотъ какъ-разъ послѣ послѣдняго голоднаго года, а до прежде ничего не было... Сталобыть выгоду находятъ, когда по зимамъ сюда киргизъ набирается, глубокомысленно заключилъ онъ.

Мой спутникъ тоже быстро разговорился.

Рѣчь его была нѣсколько желчная, лицо принимало порой то саркастически-сердитое выраженіе, то подергивалось какой-то легкой меланхоліей, вообще, что-то безпокойно шевелилось на его душѣ; даже когда онъ и молчалъ, то губы его все какъ-то двигались, словно онъ разсуждалъ самъ съ собою и собирался нѣчто повѣдать. Держалъ онъ себя очень просто и независимо.

— Землей не интересуется, заговорилъ онъ съ усмѣшкой.— „Чортъ съ ней!“.. Попробовалъ-бы мой родственникъ нашего вотъ житья, такъ не то бы заговорилъ.

— А, что, развѣ плохо? полюбопытствовалъ я.

— Гмъ... сердито отозвался онъ. — Не то, что плохо, а и совсѣмъ хоть въ петлю полѣзай. Вы одно то возьмите: у меня пятеро дѣтей, затѣмъ я самъ, жена — 7 человѣкъ; а весь нашъ приходъ 92 души. Сколько вы полагаете, я получаю въ годъ?..— 15 цѣлковыхъ!.. 15 цѣлковыхъ!.. повторилъ онъ съ величайшимъ негодованіемъ.— Чѣмъ тутъ жить, какъ кормить 7 душъ, во что одѣться?.. Вотъ оно все мое имуще-

ство-то,— онъ ткнулъ ногой свой узелочекъ,— а вотъ и мое платье все, что на мнѣ... Каково тутъ?..

— Неужели ужь больше никакихъ доходовъ нѣтъ сочувственно изумился я.

— Да откуда-же они будутъ? возражалъ онъ съ негодованіемъ.— Ну, есть еще одна коровенка, 5 овецъ. Вотъ и все. Кабы я съ ружьишкомъ за утками не ходилъ, такъ и жрать-то было-бы нечего. Есть у насъ въ приходѣ, пожалуй, и богачи, да чорта-ли толку въ нихъ? Молокане, мерзавцы, только издѣваются надъ нашимъ братомъ, а не то чтобы помочь чѣмъ, по-человѣчески...

Пробовалъ и вразумлять ихъ, скотовъ, куда тебѣ!.. и говорить-то не хотятъ...

— Теперь одно рѣшилъ, началъ онъ послѣ нѣкотораго роздыха и пошевеливъ передъ этимъ молча губами; ѣхать въ городъ къ самому владыкѣ. Паду въ ноги... Какъ молъ хотите, силъ моихъ больше нѣтъ!.. благословите перевести куда нибудь... И онъ опять умолкъ, склонившись подъ тяжкой думой о такомъ рѣшеніи.

— Можетъ и смилуется и вникнетъ?.. раздумчиво заговорилъ онъ опять точно самъ съ собою... А впрочемъ, тоже! вновь раздражился онъ... Знаю я ихъ отлично!.. Пожалуй, и выслушать-то толкомъ не захочетъ; занесетъ свое... Пыханья-то у нихъ тоже ой, ой, не мало, а самовластія еще больше!.. Вѣдь уже я однажды просился, повернулся онъ ко мнѣ... Что же бы вы думаете, онъ отвѣтилъ?.. Мастерствомъ, говоритъ, займись, работай... Это у насъ-то мастерствомъ, взвизгнулъ онъ. Да онъ бы самъ попробовалъ найти его, да позаняться...

— Да онъ бывалъ въ вашихъ-то мѣстахъ, спросилъ я.

— Ну, кто его погонитъ!.. отозвался мой спутникъ. Я вотъ четвертый годъ здѣсь: — ни разу еще его не видалъ... Была нужда!..

— Часто ужъ я думаю, опять перешелъ онъ въ другой тонъ развѣ бросить это несчастное званіе, да заняться, что-ли, какимъ другимъ дѣломъ... На желѣзную дорогу поступать, что-ли? какъ-то вопросительно заглянулъ онъ мнѣ въ лицо; но не усмотрѣвъ, съ моей стороны, по всей вѣроятности, никакого отклика на эту идею, онъ тотчасъ же

покинулъ ее, какъ не сбыточную мечту и предался молчаливымъ размышленіямъ.

Чтобы чѣмъ-нибудь утѣшить и развлечь его мысли, я предложилъ ему папиросу.

Онъ закурилъ и послѣ нѣсколькихъ затяжекъ вдругъ довольно неожиданно оживился.—Знаете, заговорилъ онъ, я слышалъ, что недавно въ этихъ мѣстахъ одинъ киргизъ сѣдло въ землѣ нашелъ. Не повѣрите: все въ золотѣ, да въ серебрѣ и камнями разными дорогими украшено.

— Должно быть, старинное?.. спросилъ я.

— Нѣтъ, сказываютъ, что не очень долго въ землѣ лежало, не истлѣло еще... Вотъ, поди же ты, какое счастье бываетъ, вставилъ онъ меланхолично... Я вотъ теперь, какъ на утокъ хожу, все нѣтъ, нѣтъ, да и поковыряю въ землѣ-то... Почемъ знать?.. Думается, можетъ, на счастье и попадетъ!.. И онъ снова погрузился въ свои тайныя думы о счастьѣ, по всей вѣроятности, съ такимъ же результатомъ, какъ и о своемъ путешествіи къ владыкѣ.

— Вотъ, и я вамъ то-же, господа, разскажу, зашамкалъ старикъ-извощикъ, видимо возбужденный несчастіями моего спутника, какая нынѣ со мной задача весной вышла?.. Приходится мнѣ, господа, скоро въ тюрьмѣ отсиживать... Вотъ что!

— За что же это?.. Поинтересовались мы.

— А за то!.. За водку эту нонѣшнюю... Я вѣдь здѣсь чужакъ, пензенскій, только годовъ съ 15 прижился уже здѣсь... Ну, избенка есть у меня... А баба у меня господа молодая, подчеркнулъ онъ съ старческимъ удовольствіемъ, ребятишекъ то-же трое. Ну, такъ я водку и держалъ для продажи... Чуете?.. Надо же вѣдь кормиться чѣмъ-нибудь... Что же?.. кажись, дѣло это не зазорное, примѣрно, не воровство или мошенство какое?.. Я вѣдь, хоша-бы и у казны-матушки, не кралъ, а зачистыя денежки покупалъ... Ну, а тамъ, кому требуется, значитъ, и продавалъ, тянулъ онъ. Хорошо!.. Только на-ко тебѣ: вдругъ цопъ!.. И какъ вѣдь хитро сдѣлано. Быдто рабочіе съ мельницы, въ мукѣ всѣ... Ну, я и вынесъ бутылку... Анъ это самые крючки и есть!.. Сейчасъ бумагу, значитъ, составили, а меня опосля къ начальнику... Говоритъ, два мѣсяца сидѣть будешь... Правда это, господа?

Оба мы подтвердили, что это истина самая безспорная.

— То-то, то-то! всѣ то-же такъ говорятъ... Что-жъ?... Вотъ съ хлѣбомъ уберусь, у меня загончикъ есть, пояснялъ онъ такимъ спокойнымъ тономъ, словно все случившееся съ нимъ есть роковая и постоянная судьба его; да по осени и пойду отсиживать. А то у меня баба-то, хоша и молодая, все же тяжело одной... Какъ быть?.. бормоталъ онъ... А у моей бабы то, слышь, еще пять бутылокъ тутъ же нашли, вспомнилъ онъ объ новой непріятности. То-же всѣ забрали, такъ 6 бутылокъ и пропали: значитъ, первая моя, да эти пять... сокрушался онъ.

Но вотъ и солнце уже сѣло и отъ вечерней зари осталась уже только небольшая пурпуровая полоска, а мы все еще тащимся къ какому-то невѣдомому хутору, который намъ указали по дорогѣ какъ мѣсто ночлега.

— Можетъ, сначала отнѣкиваться будутъ; тамъ хозяинъ то не больно привѣтливъ, такъ вы поналяжьте, поясняли намъ — пустятъ.

Степь точно вздохнула отъ томящей жары. По ней поползли какія-то тѣни; сухая полынь и громадный конскій щавель принимали какой-то фантастическій видъ: какъ живые они мѣняли формы и точно двигались вслѣдъ за нами... А между тѣмъ все безмолствовало, словно на нѣмой вечерней молитвѣ, въ верху загорались безчисленные и тоже безмолвные огни и все говорило объ отдыхѣ и тихомъ укрѣпляющемъ снѣ.

Совсѣмъ уже поздно подъѣхали мы, наконецъ, къ обѣтованному хутору. По обыкновенію насъ встрѣтилъ озлобленный лай собакъ, которыя такъ и бросились на морды усталыхъ лошадей. Мы обогнули стѣну сложеннаго въ штабеля кизяка и, своротивъ мимо журавля-колодца, остановились не подалеку отъ хаты. Какая-то рослая женщина набирала тутъ же въ корзину кизякъ, очевидно для завтрашней топки.

— Здравствуйте, тетенька, заговорилъ мой спутникъ. Можно будетъ переночевать у васъ тутъ?..

— Переночевать?.. протянула она съ сомнѣніемъ, не знаю... и не обращая на насъ болѣе никакого вниманія, опять нагнулась надъ своей работой.

— Да, какъ же такъ?.. Теперь, видите, ночное время...

Мы вѣдь не какіе-нибудь худые люди... Вотъ это баринъ ѣдетъ, указалъ онъ на меня для пущей убѣдительности.

— Гдѣ у васъ хозяинъ-то?..

— Да нѣтъ его дома, отвѣтила равнодушно женщина.

— Да гдѣ же онъ, въ отъѣздѣ, что-ли?..

— Да нѣтъ... тутъ около скота. . неохотно отвѣчала она.

— Вотъ такъ исторія?.. обратился я къ псаломщику...

— Ну, ужъ выходите, что-ли, смиловалась, наконецъ, послѣ нѣкотораго раздумья, женщина.

— Непремѣнно молокане, шепнулъ мнѣ спутникъ, когда мы вылѣзали изъ телѣги.

Въ это время изъ за-угла показался и самъ хозяинъ.—Это былъ очень красивый мужчина, съ русой подстриженной бородкой и въ длинномъ купеческомъ сюртукѣ.

— Что надо? спросилъ онъ.

Я извинился за безпокойство и повторилъ просьбу о ночлегѣ.

— Пожалуйте, спокойно, но холодно отозвался онъ и ввелъ насъ въ амбаръ, видимо обращенный въ лѣтнее помѣщеніе.— Поставь-ка самоваръ, обратился онъ по дорогѣ къ той же женщинѣ. А вы, можетъ прежде умыться пожелаете, предложилъ онъ намъ.

Для человѣка путешествующаго, да еще въ такихъ пустыняхъ — это совершенно необходимое дѣло при каждой остановкѣ.

И много надо мыла и воды извести прежде, чѣмъ возстановишь свой прежній человѣческій образъ. Тонкая пыль плотно насѣдаетъ всюду, набивается въ уши, закупориваетъ ноздри и вода льется съ человѣка черная, какъ деготь... Не даромъ же на востокѣ омовеніе считается первымъ долгомъ вѣжливости и гостепріимства.

Хозяинъ съ интеллигентнымъ лицомъ и мягкими, спокойными манерами, велъ себя однако чрезвычайно сдержанно и политично; онъ даже не позволилъ себѣ вдаваться ни въ какіе распросы о цѣли моего путешествія, пока я самъ не посвятилъ его въ это; словомъ, онъ держалъ себя какъ человѣкъ вѣжливый, но тѣмъ не менѣе желающій возможно скорѣе освободиться отъ непрошеннаго знакомства. Даже глаза его были почти всегда скромно опущены внизъ.

По немногу мнѣ однако удалось втянуть его въ разговоръ о хозяйствѣ и условіяхъ здѣшней жизни.

— Плохая ваша сторона, говорилъ я ему, нѣтъ у ней никакого будущаго.

— Что же такъ? спросилъ онъ, почему вы такъ думаете?

— И мы принялись съ нимъ разсчитывать и опредѣлять доходность здѣшней земли и прочихъ хозяйственныхъ статей... оказалось, что на каждую крупную скотину надо класть и это минимумъ — 8 десят. пастбища, а то, глядя по мѣсту, 9 и 10 д., что вырастить пудъ пшеницы требуется отъ $^1/_{30}$ до $^1/_{20}$ части десятины.

Ну, а что же предстоитъ впереди, когда и народу прибудетъ и земли повыпашутся?.. Только и останется, что киргиза доѣдать, засмѣялся я.

Усмѣхнулся и хозяинъ, и въ видѣ любезности опустилъ при этомъ въ мой чай большой кусокъ соленаго масла.

— Такъ-то-такъ, проворчалъ онъ, бросая на меня мимолетный, но испытующій взглядъ... Мѣста наши неудобныя... Ну, да пока народа еще мало — жить можно; хоть глухо, да просторно и непріятностей меньше, и онъ тотчасъ-же оборвалъ свою рѣчь.

Кажется, его стѣснялъ и мой спутникъ—псаломщикъ, зачастую вставлявшій свои желчныя замѣчанія и ни съ того ни съ сего принявшійся было разглогольствовать о печальномъ положеніи низшаго духовенства.

По крайней мѣрѣ, какъ я не старался послѣ завязать съ хозяиномъ разговоръ на разныя темы, онъ ограничивался самыми краткими фразами и видимо уклонялся отъ всякихъ подробностей.

— Непремѣнно ужъ сектантъ какой-нибудь, ворчалъ мнѣ послѣ псаломщикъ, укладываясь рядомъ со мною въ телѣгѣ на сонъ грядущій. Замѣтно—ни одной иконы нигдѣ... Знаю я ихъ! Пройдохи!..

На утро рано, чуть показалось только солнце, мы уже опять собрались въ путь. Около телѣги толпилась кучка рабочихъ, человѣкъ съ 7 и все киргизы. Съ длиннымъ и здоровеннымъ торсомъ на короткихъ ногахъ, обгорѣлые, почти черные и въ балахонахъ прямо на голомъ тѣлѣ, они съ добродушнымъ видомъ сходились около насъ и перекидывались

изрѣдка другъ съ другомъ короткими фразами на киргизскомъ языкѣ.

— Вотъ какая славная рубаха — адамова — пошутилъ я, слегка хлопнувъ одного молодого киргизца по его голой и могучей груди, точно отлитой изъ темной бронзы.

— Га, га, га!.. Вѣрно, адамова говоришь — таку Богъ далъ!.. отвѣтили они со смѣхомъ, показывая свои бѣлые зубы и сверкая бѣлками. Всѣмъ людямъ одна рубашка далъ... твоя правда!..

Я было пустился въ распросы о ихъ житьѣ-бытьѣ, но въ дверяхъ показался скромный и интеллигентный хозяинъ и нашъ разговоръ смолкъ.

— Чайку-бы напились, проговорилъ онъ единственно ради приличія... Но я поблагодарилъ, отговорившись недостаткомъ времени, а онъ не настаивалъ, но, конечно, отъ вознагражденія за угощеніе и ночлегъ отказался, и мы тотчасъ-же простились.

XIV.

— Ой, ой!.. И бестія-же этотъ молоканинъ, заговорилъ сейчасъ-же, какъ мы только завернули за уголъ, мой спутникъ. Самая ехидная и продувная бестія!..

— Слышь ты, обернулся и заговорилъ тоже старикъ. Какое мнѣ тоже слово вчера завернулъ одинъ человѣкъ. Какъ вы тамъ чай-то пили съ хозяиномъ, я и сталъ съ работниками говорить: „вотъ молъ, какого я умнаго человѣка везу: ученый, разученый!.. Такъ одинъ—не киргизъ, а должно полагать, изъ тѣхъ-же что хозяинъ, какъ захохочетъ, да и говоритъ: „ну, нашъ хозяинъ твоего-то ученаго за поясъ-бы заткнулъ... Онъ у насъ все какъ есть знаетъ... Самый умнѣйшій человѣкъ!..“ Вотъ что.

— Слышите?.. опять вставилъ псаломщикъ, какова гордыня-то у безбожниковъ?..

— Да, что это вы такой строгій стали, отозвался я, все еще помятуя его вчерашнія вставки и замѣчанія въ бесѣдѣ съ хозяиномъ; или ужъ больно васъ духомъ вѣры и проповѣдничества охватило?..

— Нѣтъ!.. Куда тамъ! оправдывался онъ. А къ тому говорю, что духа кротости у нихъ нѣтъ .Презрѣніемъ да гор-

дыней къ ближнему пылаютъ... все какъ-бы унизить человѣка... Мнѣ что вѣра?.. Вонъ киргизинъ, онъ, почитай, совсѣмъ дикій, грязный, кобылятину жретъ, а я съ нимъ лучше чѣмъ съ роднымъ могу жить, прямо душа въ душу!.. Вѣра то наша въ дѣлахъ, да въ сердцахъ, закончилъ онъ.

Такимъ образомъ, сколько ужъ разъ я слышу за время своего пути подобныя разсужденія. Говорятъ ихъ и мой спутникъ псаломщикъ, и, преслѣдуемые сектанты и мой пріятель Шелеховъ—и я самъ, да, чай, и другіе тоже такъ думаютъ. Изумительное согласіе! О чемъ-бы, кажется, послѣ того и толковать?.. А между тѣмъ, чего-то и не хватаетъ: вѣры-ли, дѣлъ-ли?—ужъ и не разберешь... Только и мирятся всѣ на киргизѣ и въ одинъ голосъ хвалятъ его за его дикую простоту.

— Гляди, къ полдню и на Эльтонъ доберемся. Солнышко еще не высоко, говорилъ старикъ. Сказывали отъ хутора-то не больше 25 верстъ.

— Думаю, господа, тамъ соли купить, говорилъ старикъ-извозчикъ, дѣлясь съ нами своими соображеніями.—Хозяинъ тоже наказывалъ пудиковъ съ пять ему привезти... И хороша-же эта соль, багдинской *) далеко до нея:

Я нѣсколько усумнился.

— Нѣтъ, это онъ вѣрно говоритъ, замѣтилъ псаломщикъ. —Эльтонская первая соль... Чиста, никакой въ ней горечи нѣтъ, затѣмъ спора и на вкусъ пріятна. Багдинская такой силы и вкуса не имѣетъ.

— Да на Эльтонѣ вѣдь соль давно уже не разрабатывается. Значитъ, не стоитъ.

— Какъ не стоитъ, возражали мнѣ оба. — Отчего-же въ Савинкахъ за нее и до сихъ поръ 30—35 коп. за пудъ даютъ, а за багдинскую 18 коп. Стало быть, соль добрая.

— Сказывали мнѣ въ Савинкахъ, что на Эльтонѣ-то ее за пятачокъ можно купить. Вотъ и думаю пудиковъ съ 10 взять ея. А дома-то, гляди, уже не меньше четвертака дадутъ, мечталъ старикъ.

Чѣмъ ближе мы подвигались къ Эльтону, тѣмъ мѣстность становилась волнистѣе: появлялись ложбины и подъемы, по-

*) Съ Баскунчакскаго озера, которое по мѣстному называютъ Багдой.

падались уже и сухіе рвы, которые понадѣлала весенняя вода. Эти рвы съ своими изрытыми бурыми окрайками, покрытыми кой-гдѣ клочками жидкой растительности, напоминали зажившіе рубцы и глубокія морщины на старческомъ тѣлѣ: такіе-же они кривые, изрытые и темные и такъ-же мало говорятъ о свѣжести и силѣ жизни, какъ и первые.

Солнце скоро стало припекать все сильнѣе и сильнѣе, и мы, плохо отдохнувшіе въ прошлую ночь, стали понемногу клевать носомъ и порой терять сознаніе. Вотъ, кажется, довольно круто мы спускаемся подъ гору, въ какую-то узкую долинку; меня охватываетъ пріятная свѣжесть, слышится какой то знакомый и мягкій шумъ. Я полуоткрываю глаза. Да, это не сонъ! Мы дѣйствительно переѣзжаемъ заросшую камышомъ рѣчонку, а вправо, дѣйствительно шумитъ своимъ колесомъ маленькая мельница, картинно пріютившаяся тутъ-же, на косогорѣ.

— Вотъ это хорошо, воскликнулъ мой товарищъ,—давайте купаться: славно освѣжимся.

Мы раздѣлись тутъ-же въ телѣгѣ и черезъ двѣ минуты были уже въ водѣ. Она была какого-то коричневатаго цвѣта и неимовѣрна тепла. Я попробовалъ было выполоскать ротъ, но тотчасъ-же выплюнулъ: вкусъ ея былъ отвратителенъ до тошноты,—какой-то горько-соленый съ непріятнымъ запахомъ. Лошади было тоже потянулись къ водѣ, но, обнюхавъ, тотчасъ-же подняли свои головы.

— Въ этой Хорѣ, разсказывали мнѣ послѣ на Эльтонѣ, — мертвая вода, горькая, въ ней не только что рыба, а никакая тварь не водится. Да здѣсь все больше мертвыя воды, хорошей рѣдко найдешь и въ колодцахъ.

— Кажется, мы очень скверно сдѣлали, что выкупались, замѣтилъ я, трогаясь въ путь: — смотрите-ка, всѣ волосы слиплись, только пыль заклеили.

И мы опять тащимся и тащимся на длинный подъемъ, и опять начинаетъ насъ разламывать отъ жары и мы погружаемся въ разслабленную дремоту.

— Вотъ, господа, должно быть и этотъ самый Эльтонъ показался, заговорилъ извозчикъ, поворачиваясь къ намъ.

Мы очнулись. Съ вершины подъема, на который мы взобрались теперь, открывалась широкая даль, вся залитая

яркими и палящими лучами изсушающаго солнца, а тамъ на горизонтѣ, какъ марево, блестѣло какое-то ярко-бѣлое и громадное снѣжное поле; на окраинѣ его, надъ пригоркомъ, горѣлъ въ небесной выси жаркимъ огнемъ золотой крестъ, самую-же церковь было еле видно: ея бѣлизна точно тонула въ морѣ отраженнаго блеска озера. Рядомъ съ той-же церковью, выступали темными пятнами какія-то постройки.

И чѣмъ ближе и ближе мы подвигались къ этому мареву, тѣмъ все ярче и блестяще выступало громадное бѣлое поле. Отраженіе солнечныхъ лучей отъ него было такъ сильно, что трудно было даже смотрѣть. Что-то дѣйствительно сказочное захватывало человѣка, чудился дальній Сѣверъ съ его безконечной равниной, переливающій искрами серебра; но равнина эта точно живая, точно дышетъ и то тихо поднимается на самой срединѣ, то опускается.

А между тѣмъ надъ этой снѣговой равниной опрокинулось голубое жаркое небо, на немъ ослѣпительно горитъ солнце и льетъ оттуда цѣлое море огневыхъ и пожигающихъ лучей. Нѣтъ, нѣтъ! Это не снѣгъ, а это горы стекла, серебра, расплавленнаго палящимъ солнцемъ и разлившіеся по громадной низинѣ, сокрушивъ предварительно въ своихъ жгучихъ объятіяхъ всякую жизнь.

Ахъ, какъ мертвенно спокойно на этомъ озерѣ! Одинъ только этотъ ослѣпительный блескъ и удушающая жара. Кажется, самъ воздухъ—и тотъ здѣсь улетучился и превратился въ какой-то пожигающій блескъ. Человѣкъ задыхается и нѣмѣетъ подъ этой массой все охватывающаго и, кажется, пронизывающаго насквозь мертваго свѣта и такой-же мертвой блестящей игры его.

Обезсиленный глазъ съ нѣмымъ удивленіемъ смотритъ на какіе то низенькіе кустики жесткаго, сердито-ощетинившагося растенія, на сѣроватые пучки дикаго шалфея, торчавшаго на пригоркѣ. Не вѣрится, что тутъ еще что-то борется за жизнь и хочетъ жить. Словно охваченные образомъ смерти, но смерти спокойной, величественной и безболѣзненной, мы двигаемся все ближе и ближе къ ея безмолвно сіяющей долинѣ.

Молча, какъ заколдованные, мы тихо спустились съ крутого обрыва къ самому берегу озера и поѣхали вдоль его

по еле замѣтной дорогѣ. Слѣва отъ насъ дышало это горячее серебро, а справа нависла красная глиняная круча; глухо и душно было въ этомъ мертвомъ корридорѣ... Вдругъ съ самой вершины голой кручи беззвучно сорвалось что-то большое, темное и грозное. Это былъ орелъ. Я видѣлъ, какъ гнѣвно блеснулъ на насъ его огненный взглядъ и онъ, широко взмахивая своими могучими крыльями, понесся надъ долиной смерти. Его громадная черная тѣнь, какъ чудовищный и грозный духъ этой долины, распростерлась на бѣломъ ея полотнѣ; она неслышно скользила по немъ и постепенно все умалялась и умалялась, пока совершенно не растаяла въ морѣ свѣта.

Лошади усталымъ шагомъ тащились вдоль берега по невозможной дорогѣ. Собственно говоря, это даже была не дорога, а просто плоскій берегъ, иловатый грунтъ котораго былъ весь пропитанъ солью, выступавшей на немъ грязно-бѣлыми пятнами. Должно-быть, съ ранней весны онъ весь былъ истоптанъ скотомъ, но теперь вся эта толочь запеклась и представляла что-то невозможное ни для какой ѣзды. Все озеро—верстъ на 12—15 въ ту и другую сторону представляетъ изъ себя густо-соленую, неподвижную и почти уже выпаренную солнцемъ поверхность. Только на самой срединѣ его что-то блеститъ еще ярче и точно тихо пучится... Эта самая рапа (соляной разсолъ) и есть, объясняли мнѣ эльтонцы. Она въ тихую погоду всегда на срединѣ держится, а вѣтромъ ее перегоняетъ ближе, то къ одному, то къ другому берегу.

Кой-гдѣ, начиная отъ берега и далѣе въ глубь озера, торчали уже нарушенными рядами почернѣвшіе деревянные столбики; на нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣлись еще остатки перекладинъ и помоста; тутъ-же кой-гдѣ видны были еще остатки канавъ-желобовъ, по которымъ пускалась рапа для промывки соли. Мѣстами на берегу валялись плоскодонки-лодки, изувѣченныя, съ ободранными ребрами, словно скелеты какихъ-то давно умершихъ животныхъ. Казалось, что эта мертвая пустыня сожгла и задушила въ своемъ гнѣвномъ порывѣ всю прежнюю жизнь...

Дальше, на томъ-же берегу чернѣли три черныхъ бугра. Это были остатки казенной соли; растрескавшіеся отъ жары

и дождей, сплошь покрытые густымъ слоемъ грязи и пыли, они ползли во всѣ стороны и уже совершенно разваливались.

Часа полтора тащились мы этимъ ужаснымъ берегомъ, буквально задыхаясь отъ неподвижнаго зноя и впадая безпрестанно въ такое мертвое отупѣніе, которое очень трудно передать словами: чувствовалась общая слабость, въ головѣ что-то тупо стучало, въ ушахъ слышался звонъ, въ мозгу неслись безсвязные обрывки мыслей; словомъ, тоже какое-то душевное марево, и я боялся уже какъ-бы меня не хватилъ солнечный ударъ.

Наконецъ, мы взобрались на бугоръ, по которому лѣпился Эльтонскій поселокъ. Прямо на насъ глядѣла очень красивая каменная церковь, влѣво отъ нея стояли деревянныя зданія, принадлежавшія казнѣ. Опустѣлыя и темныя отъ времени, съ вынутыми рамами, они молча и мрачно смотрѣли на насъ своими черными пустыми впадинами, точно громадные черепа какихъ-то невиданныхъ существъ. Вправо отъ церкви ютились два очень приличныхъ домика причта, а еще дальше тянулось штукъ 15 избъ и мазанокъ, расположенныхъ въ два порядка. Солнце стояло въ самомъ зенитѣ и жгло немилосердно. Мертвое безмолвіе царствовало во всемъ поселкѣ: всѣ ставни въ избахъ были закрыты, нигдѣ не было видно не только лица человѣческаго, но хотя-бы собака гдѣ тявкнула или курица подала голосъ,—все точно вымерло отъ этой ужасающей жары.

Впрочемъ, я ошибся; какъ только мы въѣхали въ поселокъ, насъ быстро облѣпили тысячи мухъ. Рѣзвыя и бойкія, онѣ немилосердно принялись тотчасъ-же жечь насъ и лошадей своими острыми, какъ шильце, жалами.

Послѣ долгихъ поисковъ и стуковъ то въ ставни, то въ ворота, мы наконецъ очутились на отводной квартирѣ.

Но жестоко обманется всякъ живъ человѣкъ, который будетъ льстить себя надеждой на отдыхъ въ Эльтонѣ въ іюльскій день!.. Мы безъ конца пили и чай, и молоко, и солоноватую воду, мы обливались безконечнымъ потомъ, который почти мгновенно высыхалъ на насъ: такъ сухъ здѣсь воздухъ; мы чуть не задыхались въ низенькой и полутемной, закупоренной комнаткѣ, иначе насъ совсѣмъ съѣли-бы мухи,

и, несмотря на то, онѣ все-таки жгли и мучили насъ нескazанно. О, о... эти мухи, истинное исчадіе ада; онѣ могутъ привести разумное существо въ бѣшенное изступленіе, затѣмъ довести до полнаго безсилія, до страшной головной боли, истощенія и наконецъ, дѣйствительно до серьезной болѣзни!..

Мой спутникъ—дьячокъ—даже пресерьезно завѣрялъ, что дьяволы именно воплощаются въ мухъ, ибо Вельзевулъ—значитъ царь мухъ; потому-то отъ злобы ихъ и нѣтъ спасенія человѣку.

Избавителемъ явился мѣстный батюшка, горѣвшій понятнымъ нетерпѣніемъ повидаться съ заѣзжими людьми и быстро увлекшій меня изъ этой духоты на свѣжій воздухъ.

Мой спутникъ, впрочемъ, еще до этого быстро исчезъ куда то.

— Не подобаетъ намъ, объяснилъ онъ мнѣ послѣ, — при нашемъ маломъ чинѣ пребывать въ такой компаніи.

Батюшка потащилъ меня показывать церковь, школу, а затѣмъ опять пить чай уже въ его домѣ.

— Какъ вы можете жить здѣсь? воскликнулъ я, задыхаясь отъ жары и буквально чуть не падая на стулъ въ его довольно прохладномъ кабинетѣ.

— А что-же? улыбнулся онъ.—Развѣ тяжко?..

— Да, помилуйте, вѣдь это какое-то преддверіе адское... Посмотрите, указалъ я на виднѣвшееся изъ окна озеро,— смерть кругомъ!.. Здѣсь въ одно лѣто ноги протянешь...

— Да-а!.. согласился онъ, даже съ нѣкоторою гордостью.— Нынче-съ въ тѣни было $40^1/_2{}^0$, а ужъ на солнцѣ-то вѣрно подъ 50^0.—Ничего, утѣшалъ онъ меня,—къ чему человѣкъ не привыкаетъ!.. Зато у насъ хотя и жарко, а болѣзней мало. Воздухъ здоровый; кругомъ соль: всякую болѣзнь съѣстъ... Вотъ, нехотите-ли, немного погодя, поваляться въ нашей грязи, попросту сказать, какъ свиньи, засмѣялся онъ;— очень хорошо, особенно отъ ревматизма...

— А нельзя-ли проѣхать въ лодкѣ на середину озера? спросилъ я.

— Можно, отвѣчалъ онъ, нѣсколько удивленно.—Да зачѣмъ-же это?

— Выкупаться тамъ, не пачкаясь.

— Что вы это? вновь засмѣялся онъ.—Тамъ обожжетъ, и кожа-то съ васъ слѣзетъ вся... Какъ это возможно! Рапа вѣдь страсть ѣдка... И это удивительно, продолжалъ онъ,—особенно зимой, какъ огнемъ жжетъ... Однажды здѣсь одинъ киргизъ такъ-то зимой за лисой гнался, а она и вскочи отъ него на озеро, онъ за ней, да и ввалился, знаете, въ рапу-то по самое брюхо... Такъ что-же вы думаете?.. Вылѣзти-то—вылѣзъ, а вотъ третій ужъ годъ лежитъ безъ ногъ: всего сожгло; а лиса такъ тамъ и сгибла...

— То-есть, вы хотите сказать, отъ холода обожгло? поправилъ я батюшку.

— Да ужъ я тамъ не знаю, отчего, отвѣчалъ онъ, — а просто какъ огнемъ... Отъ холода, гляди, рапа-бы должна замерзнуть, а она жидкая, стало-быть въ ней свой жаръ есть...

Такимъ образомъ мечта о купаньи въ соленой водѣ разсѣялась, а удовольствіе поваляться въ грязи меня тоже не привлекало.

— Это видите-ли, разсказывалъ батюшка, — надо пойти на берегъ, сторожъ намъ въ илу ямку раскопаетъ, а туда сейчасъ рапа наберется, съ иломъ-то и смѣшается. Вотъ въ эту грязь-то и надо лечь, да ей-же и натираться. Очень хорошо: ослабнешь весь, какъ послѣ жаркой бани, черный весь сдѣлаешься... И никакой водой вы не отмоетесь отъ этой грязи, какъ опять той-же рапой... Живо очиститъ. Ну, а дома ужь послѣ отъ рапы водой ополощитесь; только не холодной, а то простудишься.

Разработка соли заброшена здѣсь казной съ 1881 года, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ началась разработка ея на Баскунчакскомъ озерѣ, которое гораздо ближе къ Волгѣ, т. е. къ Владиміровской пристани. Эта большая близость собственно и убила Эльтонъ. но, конечно, только на время. Отъ Эльтона до Царицына считается только 154 версты, а до Камышина почти вдвое ближе. Громадныя залежи превосходной соли, которыя вмѣщаетъ въ себѣ Эльтонъ, должны скоро заставить подумать о желѣзной дорогѣ къ нему. Разработка соли оживитъ эту мертвую пустыню, тѣмъ болѣе, что добыча соли здѣсь очень легка: бери ее прямо сверху, а между тѣмъ на багдинскую соль уже слышны жалобы. Верхніе слои ея, что

признаютъ и сами солепромышленники, грязны и горьки, и соль эта портитъ продукты. «Чуть пересолишь, напримѣръ, мясо, разсказывали мнѣ опытные люди,—горчитъ шибко; не досолишь—скоро портится, а ужь для тонкихъ продуктовъ и совсѣмъ не годится; мы всегда, хотя и за-дорого, да эльтонскую достаемъ для этого». Но и вообще, соль имѣетъ у насъ еще такое слабое примѣненіе въ хозяйствѣ страны, что давно-бы слѣдовало подумать объ разработкѣ ея на Эльтонѣ.

Эта разработка на мѣстѣ обходится 12 рублей съ 1000 пудовъ, или по 1,2 коп. съ пуда. Такимъ образомъ, при доставкѣ ея по желѣзной дорогѣ къ Царицыну со всѣми расходами она стоила-бы никакъ не дороже 7 или $7^1/_2$ коп. за пудъ, и слѣдовательно конкурренція соли багдинской, стоющей теперь въ томъ-же Царицынѣ отъ 8 до 9 коп., была-бы отнюдь не опасна.

Вообще добываніе соли дѣло очень не сложное. Соль берется тутъ-же у береговъ и промывается въ желобахъ рапою; затѣмъ ее выкидываютъ въ тачки, вывозятъ мокрую на берегъ и складываютъ тамъ-же въ огромные (тысячъ въ 60 пудовъ) бугры. Никакъ не менѣе года соль должна вылежаться въ этихъ буграхъ, т. е. потерять весь оставшійся еще въ ней разсолъ и затѣмъ она готова къ употребленію и ее прямо изъ этихъ бугровъ можно грузить въ вагоны.

— Почемъ теперь продается соль изъ этихъ казенныхъ бугровъ? спрашивалъ я батюшку.

— Ни-ни!.. ни по чемъ!.. получилъ я отвѣтъ.—Такъ, стоятъ ужь вотъ сколько лѣтъ, а никто не можетъ и пуда взять... И изъ озера вѣдь тоже нельзя... сторожа наблюдаютъ... Да, гляди, она ужь теперь въ буграхъ и не годится никуда: всю дождемъ вымыло и загрязнило.

— Ну, а эти казенныя зданія, указывалъ я на разрушающіеся дома:—отчего ихъ не продадутъ?

Батюшка пожалъ плечами.—Значитъ, нѣтъ распоряженія свыше, отвѣтилъ онъ.—Я просилъ дозволенія помѣстить въ одномъ нашу школу, и то — отказъ: поневолѣ пришлось въ церковной сторожкѣ открыть.

Впрочемъ, на другой сторонѣ пристани есть и частные бугры, кажется, 2 или 3, принадлежащіе соленопромышленнику А.

При этихъ буграхъ состоитъ приказчикъ, который и ведетъ продажу соли. Еще въ прошломъ году онъ продавалъ ее по 6 коп., но теперь сразу поднялъ цѣну и продаетъ уже по 17 коп. за пудъ.

Тутъ-же около Эльтона и на много верстъ вглубь уѣзда по направленію къ Николаевской слободѣ тянутся громадные арендные и собственные участки двухъ мѣстныхъ богачей —крестьянъ, К... и Г... У каждаго изъ нихъ во владѣніи болѣе 20 тысячъ десятинъ. Они занимаются и хлѣбопашествомъ, но болѣе скотоводствомъ, держатъ даже шленскихъ овецъ...

— Нынѣшній годъ, разсказывали мнѣ, — слухи ходятъ, К—ъ подъ 400 тысячъ пудовъ пшеницы ссуду взялъ изъ банка... Стало быть, карманъ хорошъ!..

Интереснаго въ самомъ Эльтонскомъ поселкѣ, конечно, ничего не было, а отъ этого озера, пожигающаго и ослѣпляющаго своимъ нестерпимымъ блескомъ, давай Богъ скорѣе убраться: такъ удручаетъ оно непривычнаго человѣка своей блещущей чистотой смерти.

Если и было здѣсь на чемъ отдохнуть глазу, такъ развѣ на церкви. Вся каменная, заново отремонтированная, съ яркой зеленой крышей, она невольно притягивала къ себѣ глаза, утомленные мертвымъ однообразіемъ всего окружающаго. Внутри она тоже замѣчательно чиста, уютна и съ порядочною живописью; даже полы крашеные; вообще она очень напоминала хорошія домовыя церкви.

Но зато церковно-приходская школа, помѣщенная въ бывшей сторожкѣ, хотя тоже, насколько возможно, была почищена и помазана, но тѣмъ не менѣе, представляла изъ себя весьма жалкій видъ. Дверь прямо съ улицы въ плохо освѣщенную комнатку, гдѣ и безъ партъ-то было тѣсно отъ громоздкаго шкафа и вѣшалокъ; можно представить, что-же бываетъ, когда въ ней учатся дѣти.—Человѣкъ до 20 собирается, пояснилъ мнѣ батюшка.—Тутъ-же около шкафа изъ этой комнатки смотритъ узенькая дверка за перегородку, гдѣ буквально ужь не сдѣлаешь и шагу, а или лежи, или сиди—это помѣщеніе для учителя. Оконца вездѣ крохотныя, полы тонкіе, ходятъ ходуномъ и лежатъ безъ наката прямо на лежакахъ...

Охъ, куда-то плохо должно быть здѣсь зимою, и не легко достаются юному поколѣнію даже и дешевые плоды просвѣщенія! А между тѣмъ тутъ-же рядомъ въ 20 шагахъ стоятъ два казенныхъ зданія, зіяющія своей пустотою.

XV.

Мы теперь пробираемся къ самой южной окраинѣ уѣзда —къ Ахтубѣ. Тамъ мы надѣемся нѣсколько вздохнуть вблизи рѣки и хоть на время позабыть объ этой глухой пустынѣ.

Громадная площадь Царевскаго уѣзда сносно заселена только по своей южной и западной границѣ, т. е. по Ахтубѣ и Волгѣ; тамъ и жизнь и торговля, туда-же стягиваются и всѣ неблестящія богатства съ этой площади, присоединяя къ ней еще и внутреннюю Букеевскую Орду. Это небольшая прибрежная полоса вьется съ двухъ сторонъ уѣзда, слѣдуя теченію рѣкъ, а внутри глушь и пустыня, по которой кой-гдѣ раскиданы рѣдкіе хуторки, конечно, тоже наиболѣе жмущіеся къ населеннымъ окрайнамъ.

По полицейскимъ свѣдѣніямъ, во всемъ Царевскомъ уѣздѣ считается 2.125 хуторовъ съ населеніемъ въ 41.559 душъ обоего пола; среднимъ числомъ приходится по 20 квадр. верстъ на каждый хуторъ и 2,6 душъ населенія на 1 кв. версту, конечно, откидывая при этомъ побережное населеніе уѣзда. Надо замѣтить, что большая часть хуторовъ зимой пустуетъ, потому что хозяева крестьяне являются туда только для лѣтнихъ полевыхъ работъ изъ своихъ поволжскихъ селъ.

Черезполосность и раскиданность крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ этомъ уѣздѣ страшная, потому что всѣ волости и села, какъ было упомянуто выше, расположены по Волгѣ и Ахтубѣ, вслѣдствіе чего крестьянскія земли тянутся длинными и часто перерываемыми участками на многіе десятки верстъ. Такъ, напримѣръ, земли Николаевской волости отъ Волги тянутся къ Эльтону, земли крестьянъ Рахинской волости--село близъ той-же Волги — тянутся съ перерывами слишкомъ на 50 верстъ въ одну сторону и почти подъ самымъ Царицынымъ въ другую—находятся ихъ луга. Понятно, что такая разбросанность должна очень неблагопріятно отзываться на хозяйствѣ населенія.

До какой степени хлѣбопашество ничтожно по своимъ размѣрамъ въ этой громадной пустынѣ, видно уже изъ того, что только съ небольшимъ 32 тысячи дес. или $^1/_{82}$ часть изъ всей площади уѣзда занята пахатными землями, остальная-же земля состоитъ подъ пастбищами или просто пустуетъ. Вообще солонцы, безводье и губительныя засухи никогда не дадутъ возможности оживиться этой громадной пустынѣ.

Уже за 40 верстъ отъ Царева на насъ дохнуло чѣмъ-то освѣжающимъ, какой-то начинающейся жизнью. Близость Ахтубы человѣкъ узнаетъ, ощущая въ себѣ какую-то легкость и большую выносливость, точно у него прибавились силы. Вотъ уже по дорогѣ встрѣтился и одинъ хуторокъ съ садомъ, а въ маленькомъ поселкѣ — Уметѣ — и совсѣмъ хорошая тѣнь отъ двухъ-трехъ садовъ, среди которыхъ сочится ручеекъ, а огромное колесо чигиря *) черпаетъ изъ его углубленнаго водоема свѣжую воду и распредѣляетъ ее по всему саду.

Бѣлыми песками мы теперь ѣдемъ уже въ виду Ахтубы, которая тутъ-же, параллельно съ дорогой, тихо катится въ тѣхъ-же пескахъ—свѣжая, спокойная и животворящая. Вотъ уже и Царевъ... Онъ показался мнѣ просто какой-то обѣтованной землей. Да онъ и дѣйствительно хорошъ, особенно при въѣздѣ, съ своими бѣленькими мазанками, весь потонувшій въ густыхъ садахъ, изъ плотной и ровной гущи которыхъ иногда вырывались смѣло вверхъ стройные коническіе тополя и задумчиво смотрѣли въ чистое и безпредѣльное небо.

— Вы меня тутъ высадите, пожалуйста, заговорилъ мой спутникъ, я у знакомаго остановлюсь: а то, знаете, мнѣ не по карману на почтовой станціи... Завтра я забѣгу узнать, когда въ путь?

На станціи первымъ же дѣломъ я разспросилъ о дорогѣ къ рѣкѣ и, живо ухвативъ чистое бѣлье и мыло, пустился по указанному пути. Рѣка оказалась близехонько. Жадно вдыхая ея влажныя испаренія, я быстро раздѣлся въ одной изъ стоявшихъ тутъ же лодокъ и бросился въ воду...

Боже мой!.. Какое наслажденіе, какое благо эта чистая

*) Приспособленіе для поливки.

вода!.. Чувствуешь, что къ тебѣ приливаетъ новая жизнь, что дѣлаешься свѣжимъ, бодрымъ и гибкимъ, какъ сама молодость; каждый органъ, каждый мускулъ и жилка участвуютъ въ этомъ обновленіи... и я плавалъ, нырялъ, мылся и опять нырялъ и плавалъ до тѣхъ поръ, пока уже не стало темнѣть; а придя на станцію пилъ чай, занося въ свою книжку разныя замѣтки; и въ заключеніе спалъ, какъ убитый, не слыша ни мухъ, ни всякой прочей дряни. Большія надежды возлагалъ я на здѣшнія оффиціальныя учрежденія, въ смыслѣ заполученія тамъ нужныхъ для меня свѣдѣній, которыя я такъ безуспѣшно искалъ въ изданіяхъ Астраханскаго статистическаго комитета; а потому, избравъ надлежащій часъ, я отправился обходить ихъ.

Большія надежды возлагалъ я на здѣшнія оффиціальныя учрежденія, въ смыслѣ заполученія тамъ нужныхъ для меня свѣдѣній, которыя я такъ безуспѣшно искалъ въ изданіяхъ астраханскаго статистическаго комитета.

Меня любезно вездѣ принимали и, выслушавъ, не менѣе любезно изъявляли свое согласіе помочь въ чемъ можно, и съ этой цѣлью поручали меня попеченіямъ какого-нибудь почтеннаго руководителя, очевидно, главнаго спеціалиста по части всякой мѣстной статистики. Тотъ, въ свою очередь, тоже подвергалъ меня нѣкоторому испытанію: кто я, зачѣмъ мнѣ? и т. д., и когда вполнѣ удовлетворялся моими объясненіями, приступалъ къ дѣлу.

— Такъ-то такъ, все это хорошо, говорилъ мнѣ одинъ почтенный руководитель въ отвѣтъ на мои запросы и указанія, — только вотъ, совсѣмъ не знаю, что-бы предложить вамъ по этой части?.. Да! осѣнило его,—вотъ вамъ!..—И онъ, вытащивъ изъ шкафа послѣднюю справочную книжку астраханскаго статистическаго комитета, торжественно положилъ ее предо мною.—Тутъ вы, батюшка, все найдете; можете даже на квартиру взять.

Но когда я объявилъ, что эта книжка уже у меня имѣется, но, къ сожалѣнію, въ ней ничего нѣтъ изъ того, что мнѣ нужно, то онъ только руками развелъ.

— Такъ чего-же вамъ еще? спрашивалъ онъ.

Я попросилъ просмотрѣть подлинныя дѣла о торговлѣ,

ярмаркахъ, земляхъ и вообще все, что доставляется въ этихъ случаяхъ въ губернскій городъ по требованію начальства.

— Понимаю, понимаю, твердилъ почтенный человѣкъ, кивая головой.—Только, батюшка, дѣлъ-то у насъ этихъ нѣтъ, т.-е. они всѣ были, да нашъ покойный начальникъ,—тихо проговорилъ онъ, нагибаясь ко мнѣ,—всѣ порвалъ, да пожогъ.

— Какъ такъ?

— А такъ! Какъ-бы внѣ себя! А потомъ и себѣ пульку пустилъ въ лобъ... Мы теперь и сами-то какъ безъ рукъ: чуть какая справка—и нѣтъ ничего!

Кое-что изъ вновь заведенныхъ дѣлъ мнѣ все-таки удалось занести въ свою книжку; но при вопросѣ о земляхъ и ихъ распредѣленіи, старичокъ только руками замахалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, какія тамъ распредѣленія у насъ. Это ужъ вы потрудитесь обратиться въ соотвѣтствующія учрежденія, такихъ свѣдѣній у насъ никогда не бывало.

Засиживаться, значитъ, въ Царевѣ было нечего, тѣмъ болѣе, что и въ коммерческомъ отношеніи онъ играетъ самую невидную роль и уступаетъ даже многимъ ближнимъ селамъ.

По всему теченію Ахтубы, въ предѣлахъ Царевскаго уѣзда, раскинулись въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга очень крупныя торговыя села съ хорошими лавками и даже магазинами; дома тоже большіе и часто каменные, принадлежатъ здѣшнему торговому крестьянству; но что всего лучше,—это, что всѣ эти села почти буквально утопаютъ въ садахъ, такъ-что воочію видишь, какое чудо воскресенія могло-бы сдѣлать въ цѣломъ уѣздѣ эта вода. Прекрасныя яблоки, арбузы и дыни ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Здѣсь можетъ уже воздѣлываться и виноградъ, но пока этимъ еще не занимаются, и только въ одномъ саду я видѣлъ его плантацію.

Всѣ эти веселыя и изобильныя мѣста, конечно, усердно посѣщаются торговцами изъ Царицына, Саратова и Москвы; но, кромѣ того, въ каждомъ изъ селеній крѣпко сидятъ мѣстные скупщики и торговцы, закупая по округѣ пшеницу и скотъ. А скотъ здѣсь прекрасный, крупный, чисто краснаго цвѣта, очень выгодный для мяса и пригодный для молока. Мѣстные жители говорили, что онъ есть помѣсь киргизскаго

съ холмогорскимъ, но, судя по виду, утвержденіе это кажется сомнительнымъ: скорѣе можно было думать, нѣтъ-ли тутъ швицкой крови. Такихъ крупныхъ посѣвщиковъ, какъ въ степной части Самарской губ., само собою разумѣется, здѣсь нѣтъ; но не мало такихъ, которые держатъ участки въ 5 и 6 тысячъ десятинъ. Самые крупные изъ нихъ, какъ я уже упоминалъ, это К. и Г. Объ этомъ Г., недавно, впрочемъ, умершемъ, многіе изъ обывателей разсказывали даже съ гордостью, какъ объ образцово дѣятельномъ, умномъ и ловкомъ хозяинѣ.

— Кто такой былъ Г. прежде? говорили мнѣ.—Больше ничего, какъ простой пастухъ, потомъ за свою голову въ приказчики попалъ, потомъ вскорѣ и хозяиномъ сталъ. О, голова была! Что К.? Онъ отъ отца деньги имѣлъ! Нѣтъ, попробуй-ка самъ наживать ихъ, какъ Г. Пастухъ, а умеръ, такъ 350 тысячъ капиталу оставилъ; значитъ, умъ былъ у человѣка!.. На немъ сама казна больше 50 тысячъ ждала, потому, онъ говорилъ: „Я—крестьянинъ, а я народъ кормлю, казнѣ прибыль за участки приношу; мнѣ должно снисхожденіе оказать“. Да что тутъ говорить!.. Ума великаго былъ человѣкъ. Съ бариномъ онъ былъ баринъ, съ мужикомъ—мужикъ; всякое обхожденіе зналъ...

Вообще можно принять безъ ошибки, что всѣ капиталы, какъ здѣсь, такъ и въ описанной части Самарской губ.,—мѣстнаго происхожденія и исключительно почти крестьянскіе. Исторія происхожденія ихъ одна и та-же: удачная аренда, скупка зерна и скота, умѣнье выждать, покредитовать и купить, и капиталъ росъ быстро. Это купить-продать и проч. охватываетъ, можно сказать, всѣхъ въ этомъ приволжскомъ краѣ. Есть многое въ этой бойкой погонѣ за наживой волжскаго обывателя, что напоминаетъ американскій духъ. Эти мало-мальски грамотные, но предпріимчивые люди имѣютъ уже на своихъ участкахъ и жнеи, и молотилки, и сѣялки; вездѣ уже встрѣтишь плуги Эккерта или Сакка; въ большихъ селахъ, особенно при пристаняхъ, вы увидите уже комиссіонеровъ отъ разныхъ машиностроительныхъ заводовъ; встрѣтишь и такихъ малоимущихъ лицъ, которыя на послѣднія деньги сами, или въ компаніи, заводятъ жнейки и молотилки и работаютъ съ ними по округѣ.

Какая разница въ этомъ отношеніи съ нашими среднероссійскими губерніями, съ ихъ интеллигентнымъ землевладѣніемъ, гдѣ, за рѣдкими исключеніями, все попрежнему таже соха, та-же раздача земли крестьянамъ изъ выработки и тѣ-же огульныя обвиненія, что нашъ рабочій — пьяница и только умѣетъ испортить всякую машину и орудіе... А между тѣмъ, тотъ-же самый пензякъ, симбирецъ, или нижегородецъ явится въ степь и, глядишь, работаетъ тамъ и на жнейкѣ, и на косилкѣ. И никто изъ хозяевъ не кричитъ о недобросовѣстности этого рабочаго и не требуетъ никакого особаго законодательства о нихъ. Не странное-ли это въ самомъ дѣлѣ превращеніе?

XVI.

Дня три я прожилъ въ Царицынѣ. Тамъ только и толковъ было о тихорѣцкой желѣзной дорогѣ, открытія которой ожидали со дня на день, о важности значенія ея какъ транзитнаго пути, связывающаго бассейнъ Нижней Волги съ Новороссійкимъ портомъ; о проектѣ постройки новой линіи, соединяющей съ Царицынымъ самаро-златоустовскую дорогу; словомъ, о предметахъ, рисующихъ розовое будущее царицынскаго коренного обывателя и вообще поднимающее на нѣсколько градусовъ предпріимчивый поволжскій духъ.

Наслушавшись и натолковавшись до сыта о всѣхъ этихъ видахъ и ожиданіяхъ и наглотавшись городской пыли, я съ удовольствіемъ выбрался изъ города опять въ степь и скоро уже былъ въ большомъ селѣ Рахинкахъ, отстоящихъ только въ 7 верстахъ отъ Дубовскаго посада. Но тамъ, за 50 только верстъ отъ бойкаго коммерческаго города, обуреваемаго всякими коммерческими планами и вожделѣніями, шли уже иные толки.

У всѣхъ на языкѣ только и было рѣчи, о недавнемъ дѣлѣ, случившемся въ самыхъ Рахинкахъ и въ сосѣднихъ съ нимъ селахъ. Разсказывали объ открытіи какой-то новой вѣры, объ арестахъ. „Самый-то главный—пророкъ ихъ—Илья тоже взятъ, а съ нимъ еще два солдата гвардейцы, поясняли мнѣ. Говорятъ, вишь, антихристъ уже явился въ мірѣ“.

Изумленный такимъ неимовѣрно близкимъ сосѣдствомъ чаянія антихриста съ благими экономическими ожиданіями

и коммерческимъ подъемомъ духа, впечатлѣніе отъ котораго еще живо хранилось въ моей памяти, я подъ вечеръ выѣхалъ изъ Рахинокъ. Путь предстоялъ опять длинный—на цѣлыя 150 верстъ вплоть до села Александровки, лежащаго уже недалеко отъ границы съ Самарской губерніей.

Лишь только мы оставили позади себя село, какъ тотчасъ-же и окунулись опять въ эту широкую и глубокую степь...

— А чи, вы не чуяли, обратился ко мнѣ хохолъ-извощикъ,—якъ съ недилю назадъ отъ насъ 17 человикъ забрали?.. Всѣхъ-то изъ Безроднаго и Дубовки, сказываютъ, на 17 подводахъ повезли въ городъ.

— Разсказывали, да что-то я не пойму хорошенько, за что ихъ взяли, отозвался я.

— Да кто ихъ знаетъ, сдержанно замѣтилъ онъ,—сказываютъ, что за вѣру: кто Богу, значитъ, собирался молиться вмѣстѣ, министіонеръ всѣхъ и накрылъ...

— Да развѣ Богу молиться запрещается? возразилъ я.

— Да они собирались-то, вишь, какъ-то непутево; поставятъ это чанъ съ водой, свѣчи зажгутъ, поютъ и пророкъ-то этотъ, (и онъ назвалъ его по имени), тоже тутъ съ ними... Ну, а потомъ, вишь, безобразіе ночное дѣлаютъ: кто кого схватитъ... Мой своякъ тамъ тоже—И прозывается, да еще пріятель В... И—и!.. какіе бравые солдаты-гвардейцы, въ самомъ Питерѣ служили; значитъ, все видѣли ужъ, тоже въ эту вѣру ударились... Забрали и ихъ...

— Въ чемъ-же это вѣра-то ихъ заключалась? спросилъ я.

— Въ чемъ? Да вишь, говорятъ, что теперь послѣднія времена ужъ пришли, что и антихристъ будто ужъ явился... Церковь, сказываютъ, ужъ тоже теперь кончилась: спасайся каждый самъ, какъ знаешь, отъ мучительства... У нихъ будто-бы ужъ и Илья съ Енохомъ съ неба сошли, и не иначе какъ этотъ самый Д—ко—Илья-то...

— Какой такой Д—о?..

— Да тутъ бродилъ вродѣ какъ-бы странникъ какой. То явится, то пропадетъ куда-то. О-о! Человѣкъ какой! Его не ухватишь! Бабы болтаютъ, что будто онъ самый Илья-то и есть. А другой—Енохъ-то, значитъ, должно быть Л—чъ.

— А кто этотъ Л—чъ? опять спрашиваю я.

— Развѣ не слыхали? Ну, вотъ, что въ пещеркѣ-то живетъ старецъ... давно ужъ онъ тамъ... все молится... И что народу къ нему ходитъ—страсть! особенно бабъ: онъ ихъ, значитъ и наставляетъ. Кто ихъ разберетъ: всяко болтаютъ бабы... Онѣ первыя больше и настрекотали, сороки, и мужей-то сбиваютъ. Какъ моего-то пріятеля И. И. забрали съ женой, пришла къ нимъ дочка ихняя, повидаться... Ну, знамо, не пускаютъ; такъ тѣ въ оконце высунулись... И что-же вы думаете? Мать-то и подбиваетъ ее: „Кричи, дочка, кричи, милая моя: конецъ свѣту, антихристъ“. А отецъ-то унимаетъ, не велитъ. „Обо мнѣ, говоритъ, милыя, не заботьтесь: мы съ тобой, жена, уже вѣнца мученическаго удостоились и, значитъ, въ царствіи небесномъ; а ты, дочка наша любезная, иди къ Л—у и, какъ онъ благословитъ тебя, такъ и живи“. Такъ дочь все и продала. Лавка была, что товару одного, все за грошъ отдала...

Позднимъ утромъ на хуторкѣ, гдѣ мы остановились покормить лошадей и напиться чаю, разговоръ объ этомъ дѣлѣ еще болѣе оживился. Мы пили чай по киргизски—на волѣ, подлѣ хаты и колодца. Тутъ-же рядомъ въ канавѣ, наполненной стекавшей изъ колодца водой, полоскались утки и рылась пара свиней. Хозяйка-хохлушка, съ умнымъ, но болѣзненнымъ лицомъ, сидѣла рядомъ съ нами и наливала чай. Вскорѣ подошелъ изъ сосѣдней хатки еще одинъ человѣкъ, лѣтъ за 60, съ красноватыми и воспаленными глазами, что часто бываетъ у крестьянъ отъ грязи и засоренія глазъ при работѣ, и съ тѣмъ типичнымъ лицомъ, на которомъ тяжелая крестьянская жизнь оставила свои слѣды и провела глубокія морщины. Онъ тоже присѣлъ къ намъ.

— Ахъ, что задумали, что задумали! грустно заговорилъ онъ, качая головой. — Что теперь съ братенькомъ моимъ будетъ? Погибнетъ въ конецъ... погибнетъ, мой миленькій, протянулъ онъ жалобно, точно причитывая.—Не иначе, какъ это все сбили ихъ бабы б.., да и бѣсы помогли...

— А кто-же еще? Извѣстно бѣсы, подтвердилъ авторитетно мой извощикъ.—Ты Ярыну-то знаешь? обратился онъ къ хозяйкѣ.—Она тоже вѣдь съ ними была...

— Ну, какъ-же не знать, отозвалась та,—она самая первая тамъ...

— Ну, продолжалъ извощикъ,—такъ она у тетки Василины мальченку и сманила на собраніе-то ихъ...

— Вишь ты, что! закачали головами слушатели.

— Потому чистый онъ, велъ свою рѣчь разсказчикъ,— и какъ, значитъ, невинный еще младенецъ, такъ можетъ увидѣть своими глазами, на кого изъ нихъ святой духъ сойдетъ... Ну, извѣстно, мальчикъ трусится, а она его ласкаетъ: не бойся, говоритъ... Ну, вотъ привела его въ хату, а тамъ и чанъ у нихъ съ водой, и свѣчи... Народу полно... И Д—о тутъ-же съ ними... Ну, ладно! Запѣли всѣ... Мальченкѣ-то страшно таково сдѣлалось, Ярына-то все его по головкѣ гладитъ: не бойся, молъ, а смотри, смотри, миленькій... Вдругъ мальченко-то и видитъ: изъ печи лезетъ че-ерный, съ рогами, страшный, да прямо на грудь этому самому Д—ѣ то и палъ!.. А они, значитъ, не видятъ... Мальченко-то бѣжать... Мнѣ сама тетка Василина, мать его, разсказывала...

— Вотъ-те и святой, вставила хозяйка.

— Онъ вотъ какой святой, началъ опять довольно строгимъ голосомъ разсказчикъ.— По веснѣ какъ-то собралъ ихъ всѣхъ въ поле, да и говоритъ: „Кидайте теперь все, что есть на васъ, на земь и бѣгите, дабы не опалило, а я сейчасъ на небо взлечу...“ Ну, они поскидали съ себя все, въ однѣхъ рубахахъ остались и побѣгли... Анъ, глядь, обернулись: ни Д — и этого, ни одежи и прочаго — ничего нѣтъ! Такъ и не нашли... Бѣсовская сила, не иначе!.. Что изъ того, что онъ подъ арестъ попалъ? Его вѣдь, ужь не разъ, сказываютъ, брали, все это ни къ чему... Захочетъ и уйдетъ... А то, придутъ это въ хату, брать-то его, анъ никого нѣтъ... А онъ тутъ-же за столомъ сидитъ. Глаза, значитъ, отведетъ...

— И меня вѣдь, какъ бабы-то ихъ улещали, заговорила хозяйка — И-и!.. Оттого ты, Аннушка, все и больна-то, что Богу не молишься, говорятъ мнѣ. А я имъ: „Гдѣ намъ Богу-то молиться, милыя мои, церковь отъ насъ далеко, а сами мы все въ работѣ...“ Сходи ты къ отцу Н., говорятъ; ну, я и пошла... Тамъ у него моленная въ домѣ, просторная: молебны, значитъ, служитъ... Ну, это все хорошо... а вотъ какъ сталъ онъ еще послѣ говорить, такъ больно ужъ не полюбилось мнѣ.

— Почему-же? спросилъ я.

— Да такъ, не полюбилось что-то. Сталъ онъ какъ-бы проповѣдь сказывать: „Ходите, бабы, въ штанахъ, животы шалями завязывайте, да уши-то ватой закладывайте...“ Вѣдь, вишь, что?..

— Можетъ быть, это онъ только для примѣра говорилъ, замѣтилъ я, — т. е., чтобы бабы въ скромности себя держали...

— Не-е знаю. Только не полюбилось это мнѣ. Гдѣ-же намъ, рабочимъ людямъ, животы шалями вязать, да уши закладывать, — это и совсѣмъ глуха будешь. Съ тѣхъ поръ я и ходить перестала.—А бабы-то мнѣ послѣ: „Ахъ, Аннушка, погибнешь, милая, вѣруй“. А я имъ въ отвѣтъ; „Неужто вы однѣ спасетесь, а всѣ остальные погибнуть должны? Неужтоже Господь милости намъ, грѣшнымъ не окажетъ?.. Я вѣдь, чай, тоже, вѣрую и въ святое Евангеліе и всему, что въ церкви читаютъ и дѣлаютъ...“ А они мнѣ: „Милая, нѣтъ ужъ нынѣ церкви, кончилась она... Нынѣ ужь пророки Илья и Енохъ сошли съ неба. (Это, значитъ, попъ-то ихъ да Л—ъ, вставила она). А я имъ въ отвѣтъ: „Не можетъ этого быть!.. Потому я тоже святое писаніе читала. Тамъ, дѣйствительно, сказано, что въ послѣднія времена сойдутъ съ неба Илья и Енохъ и будутъ на землѣ короткое время,—всего два года, а затѣмъ будутъ убиты, возстанутъ и возьмутся на небо... Ну, а попа-то ихъ, да Л—а я вотъ ужь цѣлыхъ десять годовъ знаю. Можетъ-ли это быть?..

Аргументъ былъ, дѣйствительно, неотразимый.

— Ну, а что-же бабы-то говорили на ваши слова? спросилъ я.

— Да все то-же, усмѣхнулась она: —погибнешь, да погибнешь, только одно и долбятъ.—Это громъ загремитъ, продолжала она нѣсколько ироническимъ тономъ; — ну, извѣстно, перекрестишься съ молитвой: «батюшка, пророкъ Илья, помилуй»! А онѣ, бабы-то, сейчасъ это головы вверхъ, передразнила она. — Какой это Илья? Ильи тамъ уже нѣтъ! На землѣ онъ, батюшка нашъ, ибо и антихристъ уже явился. Вишь, вѣдь что!..

Старикъ, молча, уставившись въ землю, слушалъ эти рѣчи. Лицо его сдѣлалось еще грустнѣе отъ какой-то тяжелой думы и, точно бесѣдуя съ этими думами, онъ изрѣдка вздыхалъ и покачивалъ своей старой головой.

— Конечно, тихо отозвался я, — какой-же антихристъ?.. Всѣ мы люди слабые и грѣшные...

— А-ахъ, нѣтъ, миленькій, перебилъ онъ меня учащая покачиванья своей головы. — Мы всегда были и будемъ грѣшны передъ Господомъ... А богопротивникъ уже тутъ, между насъ, и мученичество и брань его ужъ начались. Это-то, милый, вѣрно!.. Страшныя времена! заговорилъ онъ точно самъ съ собою и смотря куда-то впередъ. — Неправды умножаются до нестерпимости. Ой, слово Божіе не мимо идетъ... Молиться надо, милые мои, крѣпко молиться и просить у Господа, дабы не попасть подъ власть дьявольскую, прошепталъ онъ въ какомъ-то религіозномъ трепетѣ и провидѣніи, точно этотъ антихристъ стоялъ вотъ тутъ-же, среди насъ.

И голосъ его задрожалъ при этомъ какими-то жалобными, молящими звуками, а въ горлѣ что-то хлипнуло: Я пристально взглянулъ на него. Старикъ по прежнему смотрѣлъ куда-то вдаль, голова его нервно вздрагивала, а изъ больныхъ глазъ, грязной дорожкой сбѣгали слеза за слезой и сползали внизъ по старческому трудовому лицу.

— Охъ, спаси насъ, Господи, и помилуй грѣшныхъ, набожно перекрестившись проговорили слушатели и, понуривъ свои рабочія головы, тихо задумались.

Задумался и я. Какая вѣра, какая искренность въ этихъ сердцахъ, какая жажда и готовность на мученичество, и какая мгла въ ихъ головахъ! Какіе, наконецъ, скромные герои эти люди!.. И неужели-же нѣтъ никакого живого слова, никакого чувства и мысли, которыя-бы излились изъ человѣческаго сердца благой вѣстью правды и обновленія къ этимъ людямъ?..

Я выѣхалъ опять подъ вечеръ, усталый, обезсиленный и чуть не больной.

— Очень старикъ-то ужъ жалѣетъ В., заговорилъ сочувственно извощикъ. — Вѣдь двоюроднымъ братомъ доводится тотъ ему. Такъ и заливается — плачетъ, сердяга; говоритъ, не такъ-бы надо, потише... Все это бабы сбили.

— Какъ-же не жалѣть, коротко отвѣтилъ я. Да, я и самъ слышалъ уже ясно, какъ въ мою душу забиралась постепенно какая-то ѣдкая жалость, печальная и неутолимая, какъ сама эта тоскливо задыхающаяся отъ зноя и жажды степь...

Въ моей памяти вставали одна за другой былыя картины изъ прошлаго этой степи. Издавна въ нее шли тысячи людей, спасаясь отъ людской тѣсноты и обиды, одни—съ запросами о правой вѣрѣ, спасая свою совѣсть отъ принужденія; другіе — ищущіе прибытка и простора своимъ силамъ; третьи — избывая бѣды и наказанія... Сколько заразъ столкнулось тутъ людей съ своими рѣшеніями о правдѣ и неправдѣ, съ жаждою и исканіемъ путей спасенія!.. Тутъ были и католики, и лютеране, меноніты, и рядомъ-же съ ними и православные, и всякіе раскольники и сектанты, до магометанъ и язычниковъ включительно. Всѣмъ имъ приходилось жить бокъ-о-бокъ, съ своей думой, своей совѣстью о правой вѣрѣ и всякой правдѣ, входить въ живое общеніе и обмѣниваться своими мыслями. Это была хорошая школа для терпимости, гдѣ люди научались внимательно и скромно выслушивать другъ друга. И мысль и совѣсть были приподняты, но непринужденно, а свободно. Степь была достаточно широка для вольнаго обсужденія этихъ глубокихъ и настоятельныхъ для пробужденной совѣсти вопросовъ. На глухихъ, затерянныхъ въ глубинѣ ея, хуторкахъ, подъ кровомъ безмолвнаго неба, эта степь хорошо хранила всякую тайну, и голосъ совѣсти свободно выливался на ея просторѣ въ искреннихъ думахъ и словѣ. Полуграмотные люди жадно бродили своимъ неукрѣпленнымъ и темнымъ умомъ по страницамъ святой великой книги; сама степь тоже открывала имъ свои тайны; съ глубокимъ интересомъ они ловили всякую новую и чужую мысль и, безъ вѣрныхъ руководителей и знанія, они по необходимости рѣшали всѣ эти вопросы по силѣ каждаго, отражая въ ихъ рѣшеніяхъ и свою искренность, и правду, и всѣ недостатки своего полутемнаго и возбужденнаго духа.

Кто-же приходилъ къ нимъ, свѣтлый, живой и любящій, съ благими дарами изъ той великой вселенской сокровищницы, которая вмѣщаетъ въ себѣ дары для жизни во имя Единаго святого? Кто изъ такихъ ѣлъ и пилъ съ ними, берегъ и любилъ ихъ какъ вѣрный слуга Того, Кто„ и трости надломленной не переломитъ и льна курящаго не загаситъ?..“ За то охотниковъ гасить этотъ ленъ было сколько угодно!.. Тяжело слушать и смотрѣть на какіе нибудь тонкіе подходы умственнаго мужичка, самодовольно упивающагося своей

начитанностью и правотою въ дѣлахъ вѣры и съ горделивой скромностью мнящаго себя отъ Духа Свята; тяжело и больно быть свидѣтелемъ тяжкаго омраченія передъ дѣйствительными и грядущими на міръ ужасами воцаряющагося антихриста, но еще тяжелѣе, конечно, слышать совѣты лѣнивыхъ рабовъ о воспрещеніи нѣмецкимъ пасторамъ читать по русски молитвы для приходящихъ въ ихъ храмы русскихъ сектантовъ, объ отнятіи ихъ имуществъ и дѣтей, объ изгнаніи изъ школъ этихъ дѣтей за то, что якобы они смущаютъ совѣсть дѣтей православныхъ. Безъ сомнѣнія, лучше и покойнѣе вынести эти споры на улицу!.. А затѣмъ что?.. Ну, а затѣмъ пришелъ и накрылъ министіонеръ... И повезли!.. Свѣта, свѣта больше въ эту степь и живой воды христіанства!..

XVII.

Истомила и меня самого эта степь въ конецъ, и я чувствую, что еще немного времени—и, пожалуй, я серьезно расхвораюсь. Давно уже я почти ничего не могу ѣсть, а все только пью и пью безъ конца. Молоко—такъ молоко, воду—такъ воду... И какую воду! Мутную, солоноватую и тухлую... Что-же дѣлать, когда другой нѣтъ... лишь-бы только было похолоднѣе. Я даже удивляюсь, какъ это я еще не свалился, потому-что вдобавокъ ко всему почти и не сплю совсѣмъ, а такъ дремлю понемногу: въ хатахъ ѣдятъ мухи и блохи и кромѣ того страшная духота, на волѣ около хатъ—тѣ-же мухи; только въ дорогѣ, дрыгая ежеминутно головой, и забываешься минутами, погружаясь въ какую-то тяжелую дремоту.

И мнѣ почему-то кажется, что вмѣстѣ со мною все томится и какъ-то тяжело грезитъ въ этой степи. Тихо дремлетъ это безоблачное и нѣмое небо; какъ больная, неотвязная и неуловимая мысль, тянется эта безконечно-длинная лента-дорога; вонъ, она то скроется, то вновь опять покажется изъ за густыхъ зарослей горькой полыни и ползетъ куда-то, на какой-то мнимый, еле замѣтный подъемъ, точно она хочетъ открыть и сказать оттуда нѣчто новое, и затѣмъ на самой вершинѣ его исчезаетъ, сливаясь съ горизонтомъ... Но, можетъ быть, взобравшись на этотъ подъемъ, мы и дѣйстви-

тельно увидимъ что-нибудь новое, какую-нибудь цѣль? И усталый глазъ невольно намѣчаетъ самую верхнюю точку... Лошади тянутъ и тянутъ. Кажется, мы уже добрались, даже переѣхали... Но нѣтъ! Впереди опять все то-же: опять этотъ мнимый подъемъ, эти заросли мертвой полыни и опять эта безконечная, мучительная дорога, которая, кажется, никуда не доведетъ... Впрочемъ, вонъ тамъ, въ сторонѣ догорающей зари, медленно и сонно бредутъ куда-то верблюды, какъ громадныя черепахи, вытянувъ свои длинныя шеи, и тоже скоро исчезаютъ въ этомъ мертвомъ безразличіи; но еще неизвѣстно, дѣйствительно-ли это верблюды или только опять блазнитъ...

Мы ѣдемъ молча, каждый съ своими думами. Понемногу сумерки надвигаются все больше и больше, на темно-синемъ небѣ уже дрожатъ и искрятся звѣзды. Отъ утомленія мнѣ кажется, что онѣ начинаютъ какъ-то прыгать, и я постепенно закрываю глаза и протягиваюсь насколько можно въ телѣгѣ...

Но я не сплю: я слышу фырканье лошадей отъ пыли, я вижу порой этотъ туманный танецъ звѣздъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я слышу, какъ и на сердцѣ у меня тоже напутывается что-то больное и тоскливое... Я точно чего-то ищу, чего-то жду съ тоскою и не нахожу... Мысль несется смутная, обрывочная и безсильная проникнуть въ эту тоску, назвать ее... Мнѣ дѣлается все тяжелѣе и тяжелѣе... Я чувствую себя одинокимъ и забытымъ; мнѣ даже кажется, что я плачу и все кого-то зову и зову... Въ отвѣтъ на это на меня вѣетъ какая-то тонкая прохлада, что-то доброе и свѣтлое касается меня, и я точно слышу,—кто-то спокойно говоритъ: „И они пришли и приставили стражу и приложили къ камню печать“. И затѣмъ сейчасъ же какіе-то чудные звуки и свѣтлый голосъ, но онъ уже звучитъ тамъ, въ душѣ моей: „Утреннюетъ бо духъ мой ко гробу святому Твоему“, и среди чувства радостной прохлады и чуднаго успокоенія, я уже больше ничего не слышу и не помню...

— Эгей, эгей!.. Що то за люди тутъ?.. Э—э!.. да то Петро!.. Петро, очнись!.. вдругъ послышалось мнѣ среди сладкаго сна. Я открылъ глаза. Около меня, положивши голову на мой бокъ, сладко всхрапывалъ извощикъ, а лошади, уткнувъ свои морды въ пустую колоду, стояли у колодца невдалекѣ

отъ какого-то хутора. Насъ разбудили встрѣчные хохлы, тоже изъ Рахинокъ, заѣхавшіе сюда напоить своихъ коней. Начинало уже немного свѣтать.

— Одначе мы гарно съ вами вздремнули, заговорилъ, быстро вскакивая, пробудившійся извощикъ.—Ничего вѣдь?.. спросилъ онъ, видимо считая себя нѣсколько виноватымъ въ такой оплошности.

— Да я радъ радехонекъ, отвѣчалъ я, чувствуя, какъ освѣжилъ меня этотъ тихій сонъ.

— Ну, и гарненько... сейчасъ поѣдемъ, только вотъ коней напою.—И въ ожиданіи пока тѣ пили, онъ переговаривался кой о чемъ съ знакомыми ему людьми.

Мы ѣдемъ теперь освѣженные короткимъ, но глубокимъ сномъ, и часа черезъ два огибаемъ уже огромный, верстъ въ 30 длины и 6—7 ширины лиманъ „Могута“. Когда-то это было, по всей вѣроятности, озеро, но теперь оно болѣе ничего какъ неглубокая лощина, куда весной собирается вода и держится тамъ, понятно, дольше, чѣмъ на другихъ мѣстахъ. По высыханіи ея, лиманъ быстро поростаетъ сильной и питательной травой, дающей хорошіе и цѣнные укосы.

Здѣсь и степь уже дѣлается повеселѣе, зелени побольше, да и пшеница выглядитъ куда лучше, чѣмъ въ Рахинкахъ, гдѣ бабы ее руками дергали, а здѣсь, пожалуй, пудовъ 20 намолотятъ.

Александровка послѣднее село на этомъ пути; слѣдующій большой поселокъ будетъ колонія Франкрейхъ, лежащая уже за Торгуномъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ. Сама Александровка, хотя и большое, но какое-то голое и мертвое село, закинутое въ степь далеко отъ Волги.

— Къ Волгѣ земли хуже, песчаныя, а здѣсь у насъ почернѣе, объясняли мнѣ.—У насъ тутъ одинъ Б...ко до 100 тысячъ пшеницы ссыпаетъ, да С—ко, да З—въ... У насъ земля, слава Богу, родитъ хорошо.

Эта повышенная производительность здѣшней земли привлекаетъ къ ней многихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, а такъ какъ такая земля всего лучше и сильнѣе у владѣльцевъ крупныхъ участковъ, то они сдаютъ часть своихъ земель изъ половины урожая. Нѣкоторые изъ крестьянъ даже прямо поселяются на такой землѣ и такъ прямо и называются половинщиками.

Въ Александровкѣ я рядилъ почтаря прямо до Франкрейха.

— Франкрай, Франкрай?.. какъ-то въ раздумьѣ повторялъ онъ,—слыхалъ я, точно есть такой колонокъ, да мы въ ту сторону, къ нѣмцамъ-то, не ѣздимъ...

— Такъ какъ же быть?.. говорилъ я, мнѣ, вѣдь, туда нужно.

— Ну, да садитесь, поѣдемъ, на хуторахъ разузнаемъ, порѣшилъ онъ.

Проѣхали мы съ нимъ должно быть верстъ 40 и почтарь повернулъ къ какому-то хутору.

— Дальше везти я не могу, коротко отрѣзалъ онъ: кони сморились...

— А здѣсь мнѣ дадутъ лошадей? спросилъ я съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Може и дадутъ, весьма неопредѣленно и безучастно отвѣтилъ онъ. Это хуторъ С—ко: онъ человѣкъ добрый.

— Да, милый мой другъ, возражалъ я; ну, а если онъ не дастъ, какъ же мнѣ быть тогда?.. Отдохнемъ, да вези, ради Бога...

— Ни..! Казавъ не могу, хладнокровно отвѣтилъ онъ... Мнѣ же не можно, у меня кони земскіе: подъ почту треба.

Мы остановились вблизи хорошей хаты, почтарь слѣзъ и пошелъ туда, а я остался сидѣть и ждать... Спустя минутъ пять онъ вышелъ и молча сталъ оправлять своихъ коней.

— Ну, что же, дадутъ что ли? спросилъ я его съ тревогой.

— А не знаю! спросите сами... Вонъ самъ идетъ, мотнулъ онъ головою въ сторону хаты.

Изъ сѣней въ это время вышелъ въ легонькомъ купеческомъ сюртукѣ человѣкъ съ русой подстриженой бородкой и съ очень веселымъ и симпатичнымъ лицомъ.

Самымъ любезнѣйшимъ образомъ я раскланялся и изложилъ ему мое горе.

— Какихъ лошадей?.. спокойно говорилъ онъ, облокотясь на телѣжку и прикусывая стебелекъ травы, которую взялъ тутъ же изъ подъ сидѣнья... У меня лошадей нѣтъ... То есть, у меня онѣ есть, да для себя: я возить не нанимаюсь...

— Охъ горе какое, говорилъ я сокрушенно... Какъ же мнѣ быть то, какъ въ Франкрейхъ попасть?.. Посовѣтуйте, пожалуйста...

— А вамъ въ Франкрой ѣхать! переспросилъ онъ.

— Въ Франкрой, подтвердилъ я.

— А чайку попьемъ?.. благодушно предложилъ онъ.

— Съ удовольствіемъ... Только какъ вотъ объ лошадяхъ то? нѣсколько ободрился я, чувствуя, что дѣло, кажется, налаживается.

— Выходите-ка, добродушно приглашалъ хозяинъ... за чайкомъ и объ коняхъ подумаемъ... Мы вошли въ чистую горницу, тамъ стояла красивая и рослая женщина, должно быть его жена. „Подай-ка самоваръ поскорѣй, обратился онъ къ ней, да ветчинки нарѣжь, огурчиковъ"... и подошелъ къ стоявшему тутъ же шкапчику.

— Водочки откушаете? спросилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто онъ только и ждалъ товарища выпить.

Хотя кушать водочку въ такую жару было положительно преступленіемъ и я не имѣлъ къ ней ни малѣйшаго стремленія, но мнѣ не хотѣлось показаться невѣжливымъ, а главное, я боялся испортить отказомъ дѣло.

— Пожалуй, маленькую рюмку, вѣдь я не пью ее, отозвался я.

— Ну, что тамъ... оговорилъ хозяинъ, быстро ставя двѣ рюмки и очень вмѣстительный графинчикъ съ плавающими въ немъ апельсинными корками.

Марья, давай поскорѣе, крикнулъ онъ въ дверь.

Таже женщина внесла на тарелкахъ нарѣзанную ветчину, хлѣбъ и огурцы...

— Сейчасъ и яишня будетъ готова, объяснила она хлопотливымъ и радушнѣйшимъ тономъ, точно угощала и Богъ вѣсть какого близкаго и дорогого гостя.

— Пожалуйте, промолвилъ хозяинъ, наливая обѣ рюмки. Я чокнулся и выпилъ; но не успѣлъ я проглотить и перваго еще куска ветчины, какъ уже онъ мигомъ налилъ вторую.

— Пожалуйте, опять слышу я.

— Благодарю васъ, говорю, не могу; пьянъ буду...

— Ну, что тамъ!.. опять возражаетъ онъ безаппеляціонно... Пожалуйте!..

Проглотилъ и другую.

— Вы, мнѣ лошадокъ-то ужъ, пожалуйста, обращаюсь я къ нему.

— Это пустое, можно!.. бросаетъ онъ лаконически. Марья,

вели Яшкѣ пару сивыхъ привести, кричалъ хозяинъ и сейчасъ же опять: „пожалуйте!“

Я почувствовалъ уже храбрость и смѣло хватилъ еще рюмку.

И странно: я не только не пьянѣлъ и не слабѣлъ, а напротивъ, приходилъ въ какое-то бодрое и пріятное возбужденіе.

Должно быть, что-то очень застоялось во мнѣ за все время путешествія, застыло, а теперь всѣ силы ожили и зашевелились... Мнѣ только хотѣлось скорѣй вырваться отсюда опять въ степь, на чистый воздухъ и все ѣхать и ѣхать... Но я опять слышу стукъ рюмочекъ и это ужасное: „пожалуйте“... Хозяинъ видимо раскисалъ: должно быть у него и прежде уже было въ головѣ.

— Я выпью только тогда, когда вы дадите лошадей, а иначе ни за что, объявилъ я самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Вона что!.. Марья, кричалъ добродушнѣйшій и захмелѣвшій хохолъ... Что же кони-то?..

— Привелъ ужъ, запрягаетъ, отозвалась та изъ сѣней... Я тороплюсь благодарить и за угощенье и за лошадей и уплачиваю прогоны; но хозяинъ помнитъ свое „пожалуйте“. Лошади уже у крыльца, я быстро проглатываю ядъ, жму руку и еще быстрѣе выхожу и взбираюсь на телѣжку, а хозяинъ стоитъ на крыльцѣ съ графинчикомъ въ рукахъ, пьяно улыбается и тянетъ прежнее: „пожалуйте“...

Лошади бойко тронули и хуторъ остался назади.

— Хорошій человѣкъ хозяинъ, добродушный! заговорилъ молодой лѣтъ 17 паренекъ — мой кучеръ, а какъ загуляетъ: море по колѣно! Недѣли по двѣ случается крутитъ. Конечно, братъ у него тутъ меньшій есть и хозяйка, такъ наблюдаютъ; ну, а тоже много зря пропадаетъ. Нынѣшней зимой пару гнѣдыхъ... Эхъ, какая пара была!.. такъ и уходилъ... Свадьба была, а онъ послѣ пира-то на перегонки съ однимъ и возьмись, извѣстно пьяные, да 30 верстъ и дули, да все цѣликомъ, такъ и зарѣзалъ лошадей!..

Самого-то еле нашли: чуть не замерзъ...

Этотъ паренекъ второй годъ уже живетъ у хозяина вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Семья ихъ состоитъ изъ отца съ матерью, сестры и двухъ братьевъ. На надѣльной землѣ сѣютъ на 3 души 30 десятинъ пшеницы; но земля выпа-

халась и родитъ плохо, а потому двое братьевъ живутъ въ работникахъ за 100 руб. въ годъ, да и то изъ долга не вылѣзаютъ. „Потому, разсказывалъ онъ,—изъ своей пшеницы, что на себя оставишь, а остальное все идетъ на подати, да въ уплату за старый долгъ. Оттого что пока въ работникахъ жилъ одинъ братъ, капиталовъ не хватало, чтобы все прожитіе покрыть; ну, у того С... и должались... Да и теперь много-ли прибыли-то, что я еще 50 рублей достаю; велики-ли эти деньги. Кабы батька-то мой уменъ былъ, такъ онъ долженъ былъ-бы отдать меня въ школу хорошую... а то на-ко, поучился годъ,—домой иди, работать... И какъ мнѣ не хотѣлось школы этой бросать:—страсть жалко было!.. Просилъ его, въ ноги кланялся... Заладилъ одно: „мы-де въ старину и ничему не учились, съ биркой ходили, да и то людьми жили“. Только и твердитъ... А онъ того не понимаетъ, старый, что нонѣ ихъ время-то ужъ ушло, что теперь другое спрашивать стали—науку... Что вотъ, къ примѣру, теперь я? Работнишко, да имъ и останусь навѣкъ!.. А съ наукой-то я давно-бы ужъ въ люди вышелъ, а не за 50 руб. весь годъ ломался. Охъ, эти старики, и упрямы-же—ровно быки, и все учить хотятъ; а того и не понимаютъ, что ихъ самихъ-то надо учить“, закончилъ онъ.

— А все-таки, бывши въ школѣ, выучился-ли читать и писать хорошо? спросилъ я.

— Выучился, презрительно отвѣчалъ онъ, — пишу кой-какъ... Да нешто это надо? Надо грамматику, ариѳметику всю, географію... Мало-ли что еще?.. Э-эхъ, и любилъ-же я это ученье! Все старый погубилъ! Я вѣдь даже по нивелиру умѣю считать и смотрѣть тоже. Тутъ вотъ у Т...ко инженеръ воду проводилъ на поля, такъ я съ его нивелиромъ-то и ходилъ; онъ мнѣ и показалъ, какъ надо наставлять его и считать... Даже послѣ самъ, бывало, велитъ мнѣ наставить трубку и отсчитать—все вѣрно выходило!.. Очень это лестно мнѣ было, закончилъ онъ съ глубокимъ воодушевленіемъ. Затѣмъ онъ пустился объяснять мнѣ, какъ надо вести канавы по склону, какъ и гдѣ ставить плотины, спускать воду, и велъ свои объясненія просто и толково. мимоходомъ указывая на сдѣланныя уже сооруженія на участкѣ Т...ко, мимо которыхъ мы какъ разъ проѣзжали въ то время.

Франкрейхъ—довольно значительная по населенности нѣмецкая колонія съ просторной площадью и деревянной небольшой кирхой; неподалеку отъ этой площади стоитъ и двухъ-этажная школа, довольно большое и прочно устроенное зданіе. По внѣшнему своему виду этотъ нѣмецкій поселокъ, какъ и большинство ихъ, почти ничѣмъ не отличается отъ хохлацкихъ и русскихъ селеній въ этой сторонѣ: тѣ-же самыя мазанки и даже такая-же сѣрая ровнота обѣдненія. Безвозвратно уже минуло для нѣмецкихъ колонистовъ время ихъ исключительнаго благоденствія, когда, во имя мнимо-культурныхъ цѣлей, выходцы изъ Германіи надѣлены были по Волгѣ огромными площадями земли чисто дѣвственной, поросшей на значительныхъ пространствахъ густыми зарослями дикаго вишенника и яблони, о чемъ, кстати сказать, теперь не осталось почти и воспоминаній; когда, наконецъ, эти выходцы не несли даже и никакихъ тяготъ, до солдатчины включительно, и всѣ эти тягости лежали лишь на русскомъ населеніи.

Теперь колонисты вдвинуты подъ общую мѣрку, а приростъ населенія, измельчаніе и выпахиванье надѣловъ и проч., быстро приводитъ и ихъ къ общему знаменателю. Даже лѣниво флегматичныя фигуры колонистовъ, съ вѣчно торчащими въ ихъ зубахъ кривыми трубочками, приняли какое-то общее всѣмъ грубо-неуклюжее выраженіе. Безъ всякой погрѣшности въ сторону патріотизма, положительно можно сказать, что красивое германское племя во многомъ утеряло въ нихъ даже свою физическую красоту и культурность. Во многихъ заурядныхъ случаяхъ просто поражаешься тѣмъ выраженіемъ вялой тупости, которая отражается въ лицѣ и глазахъ колониста, такъ-что въ общемъ,—и это можно сказать безъ ошибки,—лица здѣшнихъ малороссовъ и русскихъ отличаются гораздо большей осмысленностью, а главное энергіей. Словомъ, узкая отчужденность и исключительная привилегированность нѣмца въ средѣ цѣлаго и чуждаго ему до сихъ поръ народа отозвалась далеко не къ его пользѣ, и ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны ничто не говоритъ о какомъ-то особенномъ предназначеніи нѣм-

цевъ для цивилизаторской роли на берегахъ нашей великой рѣки. Впрочемъ, виноватъ, тотчасъ-же при въѣздѣ въ Франкрейхъ я замѣтилъ, что воздушные кирпичи у колонистовъ были вездѣ приготовлены прекрасно, изъ хорошо вымѣшанной земли и по мѣркѣ—всѣ какъ одинъ, а равно и постройки изъ нихъ были красивы и прочны, вслѣдствіе вѣрной и внимательной кладки. Нѣмцы возводятъ изъ нихъ даже очень хорошіе 2-хъ-этажные дома; тогда какъ у русскихъ и хохловъ нѣтъ изъ этого матеріала ни одного подобнаго дома, и даже всякая маленькая хатка или сарай сложены такъ скверно и небрежно, что не имѣютъ никогда ни одной правильной стѣны или угла.

Я остановился у воротъ стараго, но просторнаго деревяннаго дома почтаря и, по обыкновенію, прямо сталъ подниматься на крыльцо. На верхней его площадкѣ стоялъ здоровенный нѣмецъ уже съ значительной просѣдью въ коротко стриженныхъ волосахъ, въ курткѣ и съ неизмѣнной носогрѣйкой въ зубахъ.

Не двигаясь и съ полной флегмой, глядѣлъ онъ и на меня и на телѣжку съ моимъ чемоданомъ, и, безъ сомнѣнія, очень хорошо понималъ, что я проѣзжающій. Еще вылѣзая изъ экипажа, я кивнулъ ему въ видѣ привѣтствія головой, но нѣмецъ ничѣмъ не отозвался и только лишь, когда я поднялся на крыльцо, онъ грубо загородилъ проходъ и надменно вопросилъ:

— Ну, что ти?.. Куда?—И даже протянулъ руку между мною и проходомъ...

— У васъ станція и мнѣ надо взять здѣсь лошадей. Пустите-же руку и покажите мнѣ комнату, довольно рѣзко сказалъ я ему.

— Ну, какихъ тебѣ лошадей еще?.. Куди?.. вопрошалъ онъ невозможнымъ языкомъ, впрочемъ, нѣсколько посторонившись и освобождая проходъ.

Я объяснилъ, кто я, куда и съ какой цѣлью ѣду; но нѣмецъ понималъ все видимо очень плохо и по-русски зналъ не больше десятка двухъ словъ. Онъ сопѣлъ носомъ, сопѣлъ изъ своей трубки и находился въ самой тяжелой нерѣшительности. Я попросилъ, между прочимъ, поставить мнѣ самоваръ и дать молока.

— Gut... карошо, перевелъ онъ, и грузно приподнявшись со стула, вышелъ изъ комнаты и куда-то исчезъ на очень долгое время. По крайней мѣрѣ, на столѣ давно шумѣлъ самоваръ и я успѣлъ уже выпить стакана два чаю, а нѣмецъ все еще не показывался. Кстати сказать, вода въ самоварѣ была невозможно грязная и вонючая; но виновата въ этомъ была не сама вода, а знаменитая нѣмецкая чистоплотность и любезность: въ одномъ и томъ-же ведрѣ носили и воду и помои скоту—какъ я узналъ послѣ.

Отъ нечего дѣлать я занялся изученіемъ всей обстановки нѣмецкаго помѣщенія. Комната рѣшительно ничего не говорила, не только о какой-либо исключительности, но даже и о любви къ чистотѣ, такъ-какъ она была достаточно грязна. Плохенькіе и мѣстами рваные обои, пустота, пыль и грязь. У хохловъ, даже при болѣе тѣсномъ и бѣдномъ помѣщеніи, было и чище, а главное уютнѣе: тамъ и передній уголъ скрашивается иконами съ лампадкой, тамъ и столикъ покрытъ какой-нибудь дешевенькой, но чистой скатертью, и сомнительный диванчикъ, и гераньки на окнахъ; а на стѣнѣ ужъ непремѣнно видъ какого-нибудь монастыря или коронаціи, перемѣшанные нерѣдко съ семейными фотографіями; здѣсь-же было все голо: и окна, и стѣны, и даже столъ не былъ ничѣмъ прикрытъ. Изъ мебели въ комнатѣ и были только этотъ столъ, да два стула, а въ углу маленькій поставецъ съ молитвенникомъ. По одной стѣнѣ тянулся крашенный ларь, могущій служить и для сидѣнья и для спанья, а по другой высилась неимовѣрной величины кровать съ горою перинъ и подушекъ, задернутыхъ, однако, отъ любопытнаго глаза грязной ситцевой занавѣсью.

Я заглянулъ за переборку—тамъ было еще голѣе и также грязно...

Я пилъ чай и недоумѣвалъ... Наконецъ, въ сѣняхъ послышались шаги нѣсколькихъ паръ ногъ, дверь отворилась и въ комнату вошли хозяинъ и двое молодыхъ людей въ пиджакахъ. Они очень вѣжливо раскланялись и на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ отрекомендовались: одинъ—сельскимъ писаремъ, а другой — мѣстнымъ учителемъ. Очевидно, мой тяжеловѣсный и подозрительный хозяинъ привелъ этихъ представителей мѣстнаго просвѣщенія и администраціи для

изученія и точнаго опредѣленія легальности моей скромной особы, а равно какъ посредниковъ въ обмѣнѣ нашихъ съ нимъ мыслей.

Безъ сомнѣнія, молодые люди исполняли свою роль весьма деликатно, не подавая и вида, для чего собственно ихъ пригласилъ хозяинъ; въ свою очередь я не менѣе любезно предложилъ всѣмъ чаю и поспѣшилъ впередъ сообщить имъ все нужное. Разговоръ послѣ этого потекъ свободно и безъ запинки, и каждый изъ молодыхъ людей наперерывъ спѣшили удовлетворить мою любознательность.

Франкрейхъ далеко не можетъ похвалиться своимъ благосостояніемъ. Земли хоть и есть еще достаточно, но не отличаясь и прежде особеннымъ плодородіемъ, въ настоящую пору она уже сильно истощилась, ибо нѣмцы тоже не примѣняютъ удобренія за недостаткомъ навоза, идущаго на топливо. Кой-кто изъ нихъ сажаетъ понемногу и табакъ; но нынѣшній годъ онъ весь пропалъ; пшеница тоже неимовѣрно плоха. Хозяинъ сѣялъ ея 45 десятинъ, а намолотилъ только 400 пудовъ, да жниво стоило по 2 р. 50 коп. съ десятины. Овесъ тоже весь скосили на сѣно. Постороннихъ заработковъ нѣтъ никакихъ. Много уже есть обѣднѣвшихъ колонистовъ, которые идутъ въ наемку, то тутъ-же на мѣстѣ, то въ другія колоніи и въ Саратовъ. Словомъ, о прежней хорошей и привольной жизни здѣсь уже забыли, и вспоминаютъ о ней только старые люди „Все минуло!“ добавилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

Въ здѣшней школѣ свыше 140 человѣкъ учащихся и только при двухъ учителяхъ—нѣмецкомъ и русскаго языка. Но, по собственному признанію моихъ собесѣдниковъ, послѣдній идетъ очень плохо. „Нѣтъ никакой практики дома, объясняли они,—сами видите, что родители, особенно пожилые, и двухъ словъ связать не умѣютъ“...

— Скажите, пожалуйста, спрашивалъ я, — отчего такъ туго прививается у колонистовъ русская рѣчь? Неужели-же въ сознаніе ихъ не проникло еще убѣжденіе, что просто таки неудобно, невыгодно жить въ странѣ болѣе 100 лѣтъ и не владѣть ея языкомъ; не говоря уже еще о чемъ-нибудь другомъ...

Они пожали плечами.

— Какъ вамъ сказать? началъ одинъ изъ нихъ.—По моему мнѣнію, разныя тутъ причины. Во-первыхъ, до сихъ поръ не чувствовалось въ этой рѣчи особенной и нужды, вслѣдствіе обособленности колонистской жизни; ну, а затѣмъ, если хотите, косность и упрямство; а кромѣ того, каждый, хоть кой-какъ, а съ десятокъ словъ слѣпитъ для базара, ну, и довольно. Теперь все-таки-же начинаютъ немного побольше говорить,—военная служба много помогаетъ.

— Знаете, что еще учитъ? вставилъ писарь. — Нужда, бѣдность. Какъ куска-то нѣтъ подъ носомъ, а приходится искать его всюду и на сторонѣ, такъ по неволѣ научишься и языку... А теперь эта нужда-то все чаще, да чаще.

„Странная и грустная роль нашего прекраснаго и великаго языка, подумалось мнѣ.—Пока чужіе люди были сыты, онъ былъ имъ не нуженъ и они ничего не находили въ немъ изъ тѣхъ духовныхъ даровъ, которые составляли-бы достояніе всего разумнаго человѣчества, и только приниженная и голодная нужда заставляетъ говорить на языкѣ бѣдноты и приниженности“!

Когда я сталъ разспрашивать о внутреннемъ бытѣ колониста, о его духовныхъ потребностяхъ, о книгѣ и развлеченіяхъ, то мои гости даже улыбнулись.

— Нѣтъ, отвѣтилъ учитель, нѣмецкая литература чужда нашему колонисту; положимъ, что и на его родинѣ то она никогда не была ему близка или даже доступна... Псалмы, библію, проповѣди они любятъ; ну, а изъ удовольствій, какія же?.. не спектакли же!.. Попѣть, потанцевать... выпить, наконецъ, и не мало даже, засмѣялся онъ... Грубости и невѣжества—тоже не меньше другихъ...

Среди разговора я предложилъ гостямъ свой портсигаръ и молодые люди брали папиросы; но хозяинъ, до сихъ поръ молча сосавшій свою трубку, увидя тамъ единственную оставшуюся у меня сигару, тотчасъ же ущемилъ ее своими корявыми пальцами, помусолилъ языкомъ и, откусивъ конецъ, запихнулъ ее чуть не до половины въ свой ротъ.

Писарь предложилъ прогуляться и зайти по дорогѣ къ нему и мы всей гурьбой приняли его предложеніе.

Его обстановка была еще скромнѣе и гораздо тѣснѣе, чѣмъ у почтаря, и хотя онъ и объяснялъ, что это помѣще-

ніе только временное; но, пожалуй въ болѣе просторномъ общая скудость стала бы еще замѣтнѣе. На 200 руб. жалованья не очень то можно разойтись семейному человѣку, а у него въ той же комнатѣ на двухъ кроватяхъ торчало уже изъ подъ одѣялъ штуки три дѣтскихъ головокъ, да еще какая то дѣвушка. Учитель получалъ 25 руб. и какъ человѣкъ холостой чувствовалъ себя, конечно, получше. Хозяинъ непремѣнно пожелалъ опять угостить меня чаемъ и масломъ и затѣмъ молодые люди любезно проводили меня обратно, и по моей просьбѣ вступили съ почтаремъ въ переговоры о цѣнѣ за лошадей. Старый нѣмецъ долго думалъ, и пускалъ клубы дыма изъ своей трубки, а затѣмъ объявилъ цѣну.

Обыкновенно вездѣ я платилъ безъ торгу что назначали, и долженъ сказать, что вездѣ съ меня брали добросовѣстно; но здѣсь въ первый еще разъ, цѣна показалась мнѣ чрезмѣрной.

— Почему же вы не желаете взять съ меня столько же, сколько брали и другіе? т. е. потому же разсчету, возразилъ я съ любопытствомъ... Кажется, цѣна моя хорошая? и я назвалъ ее, вопросительно обратившись къ гостямъ...

— Конечно!.. отвѣтили они оба и принялись по нѣмецки объяснять хозяину мои условія, убѣждая его, что моя цѣна даже болѣе чѣмъ хороша. Но тотъ долго еще хрипѣлъ своей трубкой и только уже послѣ повтореннаго мною вопроса, изрекъ: „Карашо. Давай задатокъ“. Я тотчасъ же отдалъ ему всѣ деньги и попросилъ завтра пораньше тронуться въ путь.

Мы простились и я немедленно отдалъ себя на жертву безчисленному количеству блохъ, копошившихся въ старой кошмѣ, которую разослалъ мнѣ среди пола хозяинъ. Кровать, стоявшая тутъ же, не была занята; очевидно, или онъ считалъ меня недостойнымъ этого пышнаго ложа, или же оно съ горою всѣхъ своихъ перинъ и подушекъ предназначено было служить лишь для украшенія комнаты, какъ нѣкая эмблема нѣмецкаго изобилія и расчетливой домовитости.

На пути отъ Франкрейха встрѣтилось по дорогѣ еще нѣсколько колонокъ. Одна изъ нихъ носила громкое названіе Страсбурга и по величинѣ не уступала Франкрейху, а другія были лишь незначительными поселками. Всѣ онѣ носили на себѣ уже явные слѣды оскудѣнія, а одинъ такъ положи-

тельно поражалъ своей бѣдностью. Маленкія, съ крохотными оконцами мазанки, съ плоскими земляными крышами и съ такими-же полами, могли-бы служить только для помѣщенія скота, или какъ холодныя постройки, а уже никакъ не для жилья въ такомъ суровомъ климатѣ. Чахлыя дѣти, истощенныя и изможенныя на тяжкой работѣ женщины—все здѣсь говорило о давней и хронической бѣдности. Тѣснота и многолюдство большихъ колоній повели къ образованію этихъ выселковъ, и многіе изъ представителей послѣднихъ живутъ уже въ качествѣ половинщиковъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ

Начиная отъ границъ, т.-е. отъ Торгуна по его теченію и далѣе—по впадающей въ него р. Водянкѣ, встрѣчаются довольно часто участки, на которыхъ примѣняется искусственное орошеніе. Частыя засухи и вслѣдствіе того безплодіе почвы вынудило хозяевъ прибѣгать къ этому способу. Я уже и прежде упоминалъ, что для этой цѣли пользуются или Торгуномъ и другими пересыхающими лѣтомъ рѣчками, или задерживаютъ весеннюю снѣговую воду. То и другое производится съ помощью искусственно сооружаемыхъ плотинъ и запрудъ; иногда нѣкоторые изъ богатыхъ владѣльцевъ, вслѣдствіе высоты мѣстъ для поливки, примѣняютъ для этого даже паровые насосы. Но послѣдній способъ въ отношеніи большихъ площадей оказывается совершенно не подходящимъ, и я видѣлъ своими глазами, что нѣкоторые изъ этихъ насосовъ давно уже стояли безъ всякой работы и за невыгодностью къ дѣлу не примѣнялись. Насосъ можетъ доставлять воду только для небольшихъ площадей и притомъ при значительномъ подъемѣ только на близкія разстоянія; а между тѣмъ его высокая цѣна, ремонтъ, смазка, содержаніе машиниста и топливо, все это составляетъ такой крупный расходъ, который не можетъ оплачиваться. Даже для сада несравненно дешевле обходится устройство и работа мѣстныхъ чигирей, приводимыхъ въ дѣйствіе лошадиной силой, которая въ здѣшнихъ мѣстахъ тоже очень недорога.

Конечно, совсѣмъ другое дѣло, если вода спускается изъ запрудъ по естественному наклону съ помощью особыхъ канавъ. У крестьянъ Савинской волости, а также и у сосѣднихъ колонистовъ, этотъ способъ примѣняется постоянно.

Всѣ приспособленія для этого, конечно, самыя примитивныя. Удержавъ весеннюю воду кой-какими плотинками, ее впослѣдствіи спускаютъ на сосѣднія луга или поля, пользуясь для этого естественными ложбинками и помогая лучшему распредѣленію кой-гдѣ канавками. Избытокъ воды обыкновенно стекаетъ дальше, перехватываясь новой такой-же запрудой и т. д. до полнаго истощенія.

У хозяевъ крупныхъ участковъ все это дѣло поставлено гораздо шире и раціональнѣе: его вели инженеры, устраивая большіе водоемы съ крѣпкими плотинами. При помощи массивныхъ заставовъ вода, по мѣрѣ надобности, выпускается изъ этихъ хранилищъ, въ извѣстномъ количествѣ и куда нужно, по широкимъ обложеннымъ деревомъ канавамъ-желобамъ и вновь запирается. Распредѣленіе ея совершается тоже въ правильномъ порядкѣ и съ должной экономіей. Кромѣ того, большіе водоемы служатъ для разведенія рыбы и вообще очень оживляютъ мѣстность, будучи нерѣдко окружены садами или кой-гдѣ даже искусственными лѣсными насажденіями. Нечего и говорить уже, какъ возвышаются отъ этого урожаи пшеницы и луговъ, хотя, надо замѣтить, сѣно съ заливныхъ мѣстъ здѣсь цѣнится гораздо дешевле степного, ибо травы, выигрывая въ приростѣ, теряютъ въ своемъ качествѣ, и кромѣ того, на такихъ лугахъ появляются всегда виды, по крайней грубости своей, совсѣмъ почти не пригодные для корма;—точно также пшеница, особенно бѣлотурка, на такихъ поляхъ во многомъ утрачиваетъ свои цѣнныя качества, а именно: зерно дѣлается пухлѣе, темнѣе и теряетъ свою янтарность и блескъ, который она имѣетъ обыкновенно на степныхъ крѣпкихъ земляхъ.

Должно еще прибавить, что существующій порядокъ, или правильнѣе безпорядокъ въ пользованіи и захватѣ весеннихъ водъ вызываетъ на практикѣ безпрестанныя недоразумѣнія и ссоры, доходящія даже до грозныхъ побоищъ. Владѣльцы участковъ, лежащихъ въ мѣстностяхъ расположенныхъ выше, обыкновенно перехватываютъ воду первые и нерѣдко, особенно въ маловодье или сухое время, лишаютъ ниже расположенныя мѣста даже и той воды, которая попала-бы къ нимъ при естественномъ своемъ ходѣ весною. Вслѣдствіе этого создается серьезный поводъ къ ссорамъ и дѣйствитель-

нымъ несправедливостямъ въ отношеніи къ сосѣдямъ. Савинское общество, напримѣръ, давно уже возбудило жалобу на владѣльца громаднаго участка П—го за перехватъ у нихъ воды въ свои водохранилища; а въ свою очередь сосѣднія и лежащія ниже Савинокъ колонки находятся въ сильной враждѣ съ савинцами изъ-за того-же перехвата ея послѣдними. Нынѣшней весной, разсказывали мнѣ, дѣло дошло чуть не до стрѣльбы... Колонисты ночью раскопали савинскую плотину, а когда приставленные тамъ сторожа бросились въ село и сбѣжался народъ, то онъ былъ встрѣченъ цѣлымъ отрядомъ въ 40 человѣкъ колонистовъ, вооруженныхъ ружьями и заявившихъ, что они будутъ стрѣлять при попыткахъ къ нападенію или починкѣ плотины. Безъ сомнѣнія, такія неурядицы и ссоры нерѣдки и въ другихъ мѣстахъ, и, по всей вѣроятности, объ нихъ уже извѣстно высшимъ учрежденіямъ. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ министерствѣ земледѣлія уже приступлено къ обсужденію вопроса о пользованіи водами, съ цѣлью выработки недостающихъ у насъ правилъ о порядкѣ этого пользованія и огражденія правъ всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ лицъ.

За отсутствіемъ всякихъ данныхъ очень трудно и даже невозможно приблизительно опредѣлить насколько выгодно примѣненіе здѣсь орошенія въ большихъ и крестьянскихъ хозяйствахъ. Но все-таки приходится признать, что какъ ни кажется заманчивымъ примѣненіе орошенія въ здѣшнихъ сухихъ мѣстахъ, вся площадь этого примѣненія можетъ составлять лишь каплю въ морѣ среди громадныхъ и безводныхъ пространствъ всего этого степного края, гдѣ нечего и думать о какомъ-либо орошеніи. Всѣ водяные запасы этого края, т.-е. ничтожныя рѣчонки составляютъ только счастливое исключеніе для немногихъ его уголковъ среди общаго безводія, да и самыя эти рѣчки большею частью пересыхаютъ среди лѣта. Тамъ-же, гдѣ нѣтъ ни этихъ запасовъ, ни рѣчекъ, которыя-бы не пересыхали лѣтомъ, разсчитывать на весеннюю воду, конечно, нечего: такъ ея всегда мало и такъ быстро она исчезаетъ. Словомъ, это орошеніе можетъ быть исключительнымъ достояніемъ только немногихъ лицъ и обществъ.

— А вѣдь это, должно быть, водокачка виднѣется, прого-

ворилъ я, уже подъ вечеръ, замѣтивъ на горизонтѣ что-то высокое, съ круглой крышей. Везшій меня нѣмецъ всмотрѣлся и подтвердилъ мое мнѣніе. Онъ сталъ пошевеливать возжами; лошади прибавили шагу, и съ небольшимъ черезъ часъ мы уже подъѣхали къ станціи желѣзной дороги.

Слава Богу! И пора ужъ!.. Эта степь заставила меня потерять, по крайней мѣрѣ, семь фунтовъ вѣса, а это при относительной скромности моей фигуры, убытокъ не маленькій!.. Пора и починиться!..

XIX.

Заключеніе.

Тихо покачиваясь въ пустомъ вагонѣ и смотря въ окно то на тощія сжатыя поля, гдѣ только изрѣдка мелькали желтые крестцы пшеницы, то на поблёкло-сѣрую, безжизненную степь, я постепенно связывалъ теперь въ одно цѣлое всѣ отдѣльныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ двухмѣсячнаго странствія по этому непривѣтливому степному краю и принимавшія видъ цѣльной и характерной картины.

Почти полное отсутствіе въ прежнія времена на здѣшнихъ мѣстахъ крѣпостного права, наплывъ въ эти привольныя степи чуть не со всѣхъ концовъ Россіи людей наиболѣе энергичныхъ, разнообразіе по національностямъ и вѣрѣ, относительно большая свобода въ обоюдныхъ сношеніяхъ, все это создало изъ здѣшняго жителя крѣпкій и довольно энергичный типъ, привыкшій больше полагаться на себя,—вдумчивый и наблюдательный. Мысль его работаетъ одинаково энергично и въ вопросахъ вѣры, и въ области практической жизни. Мечты о томъ, чтобы крѣпко стать на свои ноги, захватить въ руки хорошія средства и сдѣлаться независимымъ человѣкомъ, еще заставляютъ здѣсь каждаго зорко приглядываться, двигать умомъ и иногда даже сильно рисковать. Въ массѣ еще, по сравненію ея съ такой-же въ средней Россіи, гораздо крѣпче и напряженнѣе живетъ эта надежда,—встать, поработать, словомъ, изловчиться въ борьбѣ за жизнь. Эта внутренняя работа совершается здѣсь, глав-

нымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ: въ массѣ трудового крестьянства она, преимущественно, выражается въ религіозной формѣ, съ оттѣнкомъ иногда самаго крайняго раціонализма и индивидуализма, а въ торгово-коммерческомъ и владѣльческомъ классахъ принимаетъ уже чисто экономическую и матеріалистическую форму, съ сильнымъ преобладаніемъ обычныхъ тенденцій капитализма и вообще буржуазно-либеральныхъ идей.

Здѣсь заурядный человѣкъ шевелится, думаетъ, критикуетъ и не разочаровался еще въ своихъ силахъ. И, однако, онъ уже чуетъ, что кругомъ выростаетъ нѣчто неладное, тяжелое и непроницаемое какъ стѣна, и онъ тоже начинаетъ уже сильно безпокоиться и сомнѣваться...

Тяжелая и неразрѣшимая при настоящихъ условіяхъ задача предстоитъ этому громадному краю!.. *) Эта пустынная ширь, въ которой на десятки верстъ не встрѣтишь жилья человѣческаго, этотъ безмѣрный просторъ, гдѣ подолгу видишь только степь да небо, оказываются, однако, чисто мнимыми и становятся уже тѣснотою.

Самымъ тяжелымъ и совершенно непреодолимымъ препятствіемъ на пути будущаго этого края является сама физическая природа. Безводность, частыя засухи, открытая для изсушающихъ азіатскихъ вѣтровъ степь ставятъ здѣшнее хозяйство въ чрезвычайно рискованное положеніе; а полное отсутствіе на мѣстѣ и недоступность, по цѣнѣ, привознаго минеральнаго и растительнаго топлива заставляетъ мѣстное населеніе сжигать весь навозъ и большую часть своей соломы, и потому, волей-неволей, оставаться при переложномъ хозяйствѣ. Такое хозяйство, требуя громадныхъ площадей земли, съ увеличеніемъ населенія дѣлается невозможнымъ. Періоды отдыха земли должны, по необходимости, сокращаться, земля не можетъ успѣвать возстановлять вслѣдствіе того свои силы, и производительность ея, соотвѣтственно съ этимъ, должна все болѣе и болѣе понижаться, грозя дойти до нуля, а возстановить эти падающія силы нечѣмъ.

---

*) Рѣчь идетъ о 4-хъ уѣздахъ: Бузулукскомъ, Николаевскомъ, и Новоузенскомъ Самарской губерніи и Царевскомъ—Астраханской, площадь которыхъ, не считая водъ, равняется 11.251,632 десятинамъ.

Давно уже отошли въ область легендъ сказанія старыхъ людей о томъ, какъ здѣшнія земли давали 200 и болѣе пудовъ съ десятины и поростали такимъ ковылемъ, что еле была видна только шапка ѣдущаго верхового. Теперь за рѣдкость найти и отдѣльныя площадки этого ковыля; а высокимъ урожаемъ считаютъ уже, когда удастся собрать съ десятины отъ 85 до 100 пудовъ.

„Недостаточность степей, говорится въ сельско-хозяйственномъ обзорѣ Самарской губ. за 95—96 г., (выпускъ 2-й), какъ слѣдствіе все увеличивающагося малоземелья крестьянъ,—стала обычнымъ явленіемъ въ Самарскомъ краѣ, богатство котораго степями было нѣкогда столь значительно, что вошло въ пословицу". „Однако съ теченіемъ времени, замѣчаетъ кратко тотъ-же обзоръ, здѣсь распаханы не только степи, но даже и выгоны, и потому всѣ мѣста для пастьбы начинаютъ носить болѣе или менѣе случайный характеръ".

Понятно, что всѣ эти невзгоды исключительно разражаются пока еще на мелкомъ, т.-е., главнымъ образомъ на крестьянскомъ, надѣльномъ хозяйствѣ. Земля дробится и выпахивается по неимѣнію отдыха, выгоны распаханы, кормить скота негдѣ, аренда растетъ, а вмѣстѣ со всѣмъ этимъ возрастаетъ съ роковой необходимостью вѣроятность неурожаевъ и голодовокъ, и все это надѣльное хозяйство, составляющее, однако, почти половину изъ всей удобной и неудобной земли губерніи, погружается въ хроническое недоимочное и сильно регрессирующее состояніе. Какъ видно изъ памятной книжки самарскаго статистическаго комитета за 1897 г. *) къ 1-му января 1896 г. на крестьянскомъ населеніи лежало долга собственно только по продовольствію и обсѣмененію 4,408,224 руб. **).

Этотъ долгъ можетъ, конечно, служить прямымъ и рѣзкимъ указателемъ, что бюджетъ крестьянскаго хозяйства безнадежно разстроенъ и притомъ въ самыхъ существенныхъ своихъ статьяхъ, именно: въ средствахъ продовольствія и

---

*) См. стр. 124—127.

**) Въ томъ числѣ и 600, 786 четвертей хлѣбнаго долга, считая за каждую четверть по 3 руб., что оцѣнено, конечно, крайне дешево.

обсѣмененія, безъ чего не можетъ и двигаться никакое хозяйство; а „слѣдовательно“ при такомъ состояніи болѣе ничего и не предвидится впереди, какъ время отъ времени, то складывать эти недоимки, то кормить на общественный счетъ голодающихъ хозяевъ.

Не слѣдуетъ думать, что эта захудалость надѣльнаго хозяйства проявляется только въ неурожайные годы; напротивъ, она составляетъ, такъ сказать, постоянное и присущее ему явленіе, и даже въ сравнительно хорошіе урожайные годы она выражается въ весьма рѣзкихъ признакахъ. Такъ въ 1895 году, когда урожай хлѣбовъ и травъ въ губерніи былъ повсюду очень хорошій, вотъ что сообщали губернской земской управѣ ея корреспонденты *). 41 процентъ изъ всего ихъ числа указывали на недостатокъ у крестьянъ своего корма, причемъ 17% изъ нихъ выражались такъ: „зиму скотъ перенесъ плохо“, 57% сообщали, что этотъ скотъ болѣлъ, и 18%,—что его продали по недостатку корма.

По выраженію одного корреспондента, взысканіе податей было усиленно рѣзкое; а другой—на вопросъ: не было-ли усиленной продажи крестьянами скота,—отвѣчалъ: „была продажа зимой, только не крестьянами, а становыми и урядниками, которые посредствомъ суроваго обращенія вынуждали продавать кулакамъ скотъ за всякую цѣну, потому-что было требованіе не только недоимокъ прежнихъ лѣтъ и оклада нынѣшняго года, но и будущаго (Богдановская волость, Самарскаго уѣзда). Случаи принудительной продажи крестьянскаго скота, говорится въ обзорѣ, упоминаются довольно часто. „Даже куры неизбѣгли участи принудительной продажи“.

Н. Бржескій, въ своей книгѣ „Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ (стр. 315), говоритъ, что въ Самарской губ. полиція принуждаетъ сельскія общества отбирать надѣлъ у недоимщиковъ, и такимъ образомъ совершается, на законномъ основаніи, обезземеленіе массы крестьянъ. За время 95—96 г.г., по его словамъ, отобрано надѣловъ за неплатежъ недоимокъ болѣе 30 тысячъ десятинъ. Въ виду такого положенія надѣльнаго хозяйства не удивительно,

*) См. Сельскохозяйств. обозр. за 95—96 г. стр. 130—137.

что земскія статистическія изслѣдованія показываютъ *), что въ Самарской губ. уже только 71% крестьянскихъ хозяйствъ можно считать за самостоятельныя; изъ остальныхъ-же 29%— 17,7% едва цѣпляются за хозяйство, а 11,3% хозяевъ совсѣмъ уже перешли въ разрядъ пролетаріевъ.

Но что-же будетъ съ этимъ крестьянскимъ населеніемъ, численность котораго въ настоящее время доходитъ до 2.345.906 душъ об. п., черезъ какія-нибудь 25 лѣтъ?.. Даже не принимая въ разсчетъ переселенцевъ, которые и до сихъ поръ приливаютъ, хотя и не въ большомъ числѣ, изъ малороссійскихъ губерній и селятся на казенныхъ и удѣльныхъ земляхъ, одинъ уже естественный приростъ населенія въ 25 лѣтъ долженъ составить около четверти существующаго и слѣдовательно, количество надѣльной земли, вмѣсто нынѣшнихъ 5 десятинъ на душу, будетъ уже составлять только среднимъ числомъ $3^3/_4$ дес., а соотвѣтственно этому и паденіе крестьянскаго хозяйства и умаленіе его платежной способности пойдетъ все быстрѣе и быстрѣе...

Не надолго можетъ задержать это паденіе, при настоящихъ условіяхъ, даже и полный доступъ крестьянъ къ казенной землѣ, хотя въ настоящее время его и не существуетъ. Достаточно вспомнить—каковы были Самарскія земли 100 или 75 лѣтъ тому назадъ и чѣмъ онѣ стали теперь, чтобы ясно представить, что $^1/_8$ часть изъ всей площади губерніи земель казенныхъ дала-бы только прибавку менѣе $1^1/_2$ десят. на мужскую душу, и, слѣдовательно, черезъ 25 лѣтъ дѣло-бы вновь пришло въ то-же самое положеніе, что и нынѣ.

Такая участь предстоитъ для всѣхъ надѣльныхъ хозяйствъ, не исключая и колонистовъ. Для колонистовъ эта тяжелая борьба дѣлается даже еще вдвое труднѣе, ибо помимо наступившаго уже экономическаго оскудѣнія, у нихъ происходитъ еще оскудѣніе соціально-нравственное, такъ-какъ они до сихъ поръ остаются среди великаго народа чужаками и пришельцами, совершенно далекими, не только духа этого народа, но даже и его языка. А потому, что-бы быстро не омертвѣть и не сгибнуть на чужой почвѣ, имъ должно много положить силъ въ борьбѣ съ неблагопріятными экономиче-

*) См. тотъ же обзоръ—стр. 173.

скими условіями и вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣть цѣльно и искренно привиться всѣмъ своимъ существомъ къ семьѣ русскаго народа. Но до сихъ поръ нѣтъ пока никакихъ данныхъ утверждать, что это объединеніе совершается.

Частное хозяйство, конечно, находится въ неизмѣримо лучшихъ условіяхъ по сравненію съ надѣльнымъ; но и для него впереди, конечно, стоитъ тотъ-же самый грозный вопросъ, именно—выпахиваніе и истощеніе земель. При возростаніи населенія, а отсюда при дробленіи участковъ, переложное хозяйство, само собою, будетъ падать и требовать замѣны его такимъ, гдѣ уже должно примѣняться удобреніе: но откуда будетъ брать его?.. Не вывозить-же его изъ болѣе культурныхъ мѣстностей. Единственное средство заключается только въ томъ, чтобы прекратить сожиганіе мѣстнаго навоза и соломы на топливо, а этого можно добиться только при облѣсеніи края, что опять-таки невозможно безъ воды.

А, вѣдь, въ старину здѣсь были лѣса и, должно быть, не рѣдкіе и не малые. Объ этомъ еще до сихъ поръ свидѣтельствуютъ сохранившаяся какимъ-то чудомъ громадная казенная дача въ 60 тысячъ десятинъ, подъ Бузулукомъ и названія многихъ мѣстностей: Александровъ-Гай, Осиновый, Яблоновый-Гай и т. д., хотя отъ этихъ „гаевъ“ не осталось даже и кустика.

Но чтобы обводнить и облѣсить эту громадную площадь степи, нужно столько времени и потребуется столько средствъ, которыхъ никогда не въ состояніи будетъ дать современное государство, имѣющее такъ много заботъ о внѣшней защитѣ и тысячи другихъ неотложныхъ нуждъ.

Слѣдовательно, оскудѣніе степного края должно идти долго еще, такъ сказать, своимъ естественнымъ путемъ и потому путемъ роковымъ, при все болѣе и болѣе ускоряющемся его движеніи. По крайней мѣрѣ не только у крестьянскаго, но и вообще у всего мѣстнаго населенія нѣтъ никакихъ средствъ бороться съ этимъ несчастіемъ. Въ параллель съ этимъ, конечно, идетъ и учащеніе неурожайныхъ годовъ. Въ періодъ съ 72 по 90 гг., т.-е. за 18 лѣтъ въ Самарской губ. было только два сильныхъ неурожая (72—73 и 89—90 гг.), а въ періодъ съ 1890 по 98 г., т.-е. за 8 лѣтъ, собственно говоря 4, а именно голодъ 91—92 г. и сильный недородъ 97—98 г.

Въ этотъ послѣдній 98 годъ недоборъ хлѣба и всѣхъ прочихъ сельскохозяйственныхъ растеній противъ даже плохого 97 г. выразился по Самарской губ. *) въ 51.724,942 пудовъ, количество браковъ уменьшилось по сравненію съ тѣмъ же годомъ на 8.108, рожденій на 5,654, а смертность увеличилась на 14,774.

Эти учащающіеся неурожаи, со всѣми ихъ неблагопріятными послѣдствіями, указываютъ заразъ и на оскудѣніе почвы и на постепенное истощеніе самого земледѣльческаго населенія. Всего нагляднѣе это выражается на убыли скота по этой губерніи за время съ 1889 г. по 1898 г. Въ 89 году его считалось 3.311,714 шт., по 92 г. включительно цифра его все падала и въ этомъ году дошла уже только до 2.215,417 шт., т.-е. сократилась слишкомъ на 1 милліонъ; съ 93 г. она опять стала возвышаться и въ 96 году дошла до 3.617,248 шт., но уже въ 98 г. опять спустилась ниже цифры 89—90 г., а именно, до 2.959,028 шт. и, слѣдовательно, за 10 лѣтъ населеніе губерніи обѣднѣло слишкомъ на 350,000 шт. головъ скота, а вѣдь за это время оно само возросло уже никакъ не менѣе какъ на 12%.

Но вслѣдъ за исчезновеніемъ степей, и вообще отъ возростающаго общаго оскудѣнія почвы, возростаетъ и безъ того уже очень вредное вліяніе со стороны неблагопріятныхъ физическихъ условій этого края. Вотъ что говорится, напримѣръ, въ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній Самарской губ. **) о юго-западной части Новоузенскаго уѣзда:

„Самый бѣдный суглинокъ залегаетъ по теченію Малаго и Большого Узеней по направленію къ Новоузенску. Къ Александрову-Гаю лежатъ уже солонцы. Въ болѣе южной части, между Ерусланомъ и Узенемъ, опять солонцы. Тутъ же, ближе къ Волгѣ, сыпучіе пески, а именно, въ волостяхъ: Иноватовской, Степановской, Полтавской и Старо-Полтавской. Въ селеніяхъ Песчаномъ и Старо-Полтавскомъ пески занесли заборы, всю церковную ограду и самую церковь по окна, вслѣдствіе чего жители переселились оттуда въ Новую Полтавку. Подобное же происходитъ въ сс. Солтовѣ и Красномъ

*) См. памятную кн. Самарской губерніи на 1900 г. (изданіе 1899 года).
**) См. т. 7-й изд. губ. самарск. зем. 1890 г.

Яру, гдѣ пескомъ постепенно засыпаетъ крестьянскія поля. Еще Палласъ говорилъ, „что отъ Еруслана къ Торгуну страна безводная и не годится даже для скотоводства и гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ изсохшей полыни“.

„Усиливающаяся съ каждымъ годомъ распашка земель, говорится далѣе въ томъ-же сборникѣ, конечно, еще болѣе сушитъ почву, а Волга въ свою очередь, гдѣ только хватаетъ разливъ, размываетъ и сноситъ эту почву. Такъ, близъ с. Калышкина она отмыла массу пахотныхъ земель; близъ с. Черебова уничтожила луга; близъ колоніи Привольной сдѣлала то-же на пространствѣ 30 саж. ширины и 2 вер. длины. Въ теченіе 70—100 лѣтъ Волга размыла и уничтожила въ 20 селеніяхъ 1,949 десятинъ луговъ и лѣса. Ко всѣмъ этимъ невзгодамъ присоединяются еще безпрестанныя нападенія суслика и нерѣдко саранчи. Усиленная распашка земель уничтожила курганы, гдѣ жили сурки, и на смѣну ихъ явился губитель полей—сусликъ“.

Очень естественно, что Волга, размывая и унося почву, сама постепенно все болѣе и болѣе засоряется; а такъ какъ съ истребленіемъ на всемъ ея теченіи лѣсовъ вмѣстѣ съ этимъ расширяется и площадь, подверженная размыванію весенней водою, а съ другой—ослабѣваетъ и постоянное питаніе рѣки, то замеленіе и засореніе ея идетъ тоже быстрыми и вѣрными шагами. Мели ростутъ и въ Сарептѣ, и въ Царицынѣ, и въ Дубовкѣ, и въ Саратовѣ, словомъ, всюду—на всемъ ея протяженіи и, можетъ быть, не особенно уже далеко то время, когда и эту великую рѣку понемногу проглотитъ громадная азіатская пустыня, надвигающаяся медленными, но вѣрными шагами и изсушающая не только рѣки, но и цѣлыя моря.

Нѣтъ будущности у этого громаднаго степного края и нѣтъ, при настоящихъ соціальныхъ условіяхъ, никакихъ средствъ оживить это будущее—вотъ та неотвязная мысль, которая постепенно, назрѣвая все сильнѣе и сильнѣе, преслѣдовала меня втеченіе двухмѣсячнаго странствія по этимъ степямъ; въ настоящее-же время, когда въ моемъ представленіи встаетъ цѣльная картина изъ всѣхъ заполученныхъ за эту поѣздку впечатлѣній, выводъ этотъ составляетъ основной и доминирующій тонъ въ ней.

Конечно, я помнилъ слова того спекулятора-купца, кото-

рый говорилъ ноющей и надоѣдающей ему чернотѣ: «А ти иди, дуракъ, на фабрику или на заводъ,—тамъ больше достанешь". Но помимо того, что вообще въ Поволжьи фабрикъ почти не полагается, вопросъ еще въ томъ, успѣетъ ли капиталъ возсоздаться такъ быстро, какъ идетъ оскудѣніе этой самой черноты и потребность ея въ заработкѣ; да и вообще будетъ-ли большой разсчетъ заводить эти фабрики въ надеждѣ на сбытъ своихъ фабрикатовъ тому, кому не на что будетъ ихъ купить. Можетъ быть, было-бы выгоднѣе, въ ожиданіи появленія спасительнаго капитализма, сохранить эту рабочую силу въ добромъ здоровьѣ и тѣлѣ; можетъ быть, исполнимость такого желанія и въ силахъ человѣческихъ?

Какъ живыми встаютъ передо мной тѣ горящіе энергіей глаза и лица, то бойкое оживленіе коммерческихъ людей, съ которымъ работаютъ они нынѣ въ томъ-же Заволжьѣ, хотя бы, напримѣръ, на хлѣбномъ рынкѣ и вообще на полѣ всякихъ торговыхъ предпріятій. У нихъ никакого унынія, никакихъ праздныхъ фантазій не увидишь и не услышишь, и капиталъ энергично и весело исполняетъ свою миссію... Онъ ускоряетъ процессъ вымиранія надѣльнаго и общиннаго хозяйства, онъ концентрируется для того, чтобы скоро широко развернуть свою собственную жизнь и отдаться всѣмъ послѣдствіямъ ея строя. Отъ того-то сейчасъ-же видно, что всѣ представители его, въ томъ числѣ и заволжскіе, словомъ, всѣ отдавшіеся на служеніе ему—суть люди будущаго, что смыслъ и ходъ жизни имъ открытъ, какъ на ладони. Иначе съ чего-же бы имъ быть такими энергично веселыми и смѣло увѣренными въ своихъ дѣйствіяхъ людьми?.. Они работаютъ бойко и самоувѣренно, точь-въ-точь какъ какой-нибудь разгулявшійся микробъ въ умирающемъ тѣлѣ.

А что они увѣрены и знаютъ, что вся сила въ нихъ,—я бы могъ, еслибъ только не мѣшала тому моя всероссійская скромность, представить сотни, тысячи доказательствъ, какъ напримѣръ, здѣшніе, нарождающіеся, изъ полуграмотныхъ мужичковъ, представители наживы смѣло и логически мыслятъ съ своей точки зрѣнія; какъ рѣшительно устраняютъ они всякій иной авторитетъ, кромѣ опять-таки того-же капитала и неразрывно связанной съ нимъ свободы во всѣхъ функціяхъ. Ни одинъ ярый политиканъ-студентикъ такъ энер-

гично, а главное смѣло и открыто, не выразить публично своего profession de foi, какъ эти послѣдовательные, хотя и не учившіеся по книжкамъ люди. Да, они знаютъ, что будущее принадлежитъ имъ, потому-что они дѣйствительно почти единственная теперь сила среди общаго разслабленія; они знаютъ, что съ силой всегда пріятно и необходимо имѣть дѣло людямъ всякихъ другихъ положеній; а потому-то они такъ веселы, увѣрены и ничего не боятся... Они твердо убѣждены, что никакой новый Моисей не сойдетъ со святой горы и не заставитъ ихъ пить съ водою ихъ поверженнаго и въ прахъ размолотаго бога...

Станція „Покровская слобода".

Кончено! Я опять вступаю подъ мирный кровъ моей нѣмецкой обители и отдыхаю въ своемъ садикѣ подъ кустомъ сирени. Какъ она успѣла, однако, зажариться, бѣдная, за мое отсутствіе; она потеряла на половину своихъ листьевъ, да и остальные какъ-то безжизненно болтаются на ея полуоголенныхъ вѣткахъ; но все-таки же я въ саду и подъ кустомъ; а послѣ степной пустоты, пока и этимъ очень доволенъ.

Поступили въ продажу новыя книги:

В. Кулеманъ. *Профессіональное движеніе. Очеркъ профессіональнаго движенія рабочихъ и предпринимателей во всѣхъ странахъ. Въ приложеніи: лекціи проф. Вернера Зомбарта. „Во что бы то ни стало!“* Изданіе *Д. Д. Гончарова* и *Н. Х. Фосса*. Переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 2 р. 25 к. С.-Пб. 1901.

А. Богдановъ. *Познаніе съ исторической точки зрѣнія*. С.-Пб. 1901. Цѣна 1 р. (Складъ изданія у А. Лейферта. С.ПБургъ, Больш. Морская, 65).

Общественныя движенія въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи (крестьян. война въ Англіи, табориты въ Богеміи. Крестьян. война и перекрещенцы въ Германіи. Томасъ Моръ и его „Утопія“). Составлено по Лозерту, Келлеру, Циммерману, Каутскому и др. подъ редакц. В. Базарова и П. Степанова. Изданіе В. А. Нѣмчинова. Цѣна 2 р. 50 к.

Изданія С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

В. Базаровъ. Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность. Цѣна 40 к.

А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ (приложеніе: уставъ Казанскаго О-ва защиты несчастн. женщинъ). Цѣна 40 коп.

Т. Барвенкова. Раздолье (повѣсть). На мели. По способу Коха (разсказы). Цѣна 80 коп.

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономич. науки. 2-е изданіе, переработанное и дополненное. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. Василевскій. Современная Галиція (съ картой). Цѣна 80 к.

Ч. Вѣтринскій. Среди латышей (съ 12 рис.) Цѣна 25 к.

Его-же. Божьи дѣти. Сборникъ. Цѣна 7 коп.

С. Н. Кривенко. На распутьи (культурные скиты и культурныя одиночки). Цѣна 80 коп.

А. Маликовъ. На задворкахъ фабрики. Край безъ будущаго. Цѣна 80 к.

Ф. Д. Нефедовъ. Сочиненія тт. III и IV. Цѣна по 1 р. (I и II тт. вышли въ изд. К. Т. Солдатенкова).

Его-же. Святочные разсказы. Цѣна 60 к.

И. Озеровъ. Общества потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Краткое руководство къ основанію и веденію потребит. обществъ. Съ предисловіемъ академика И. И. Янжула. 2-е изданіе, значительно дополненное и исправлен. Цѣна 2 р.

Ѳ. П. Павловъ (Ѳ. П.). За десять лѣтъ практики (воспоминанія, впечатлѣнія, наблюденія изъ фабричной жизни). Цѣна 50 коп.

А. Погорѣловъ. Мракъ. Передъ грозой. (Изъ жизни Приуралья). Цѣна 80 к.

В. Сѣрошевскій. Повѣсти и разсказы. Цѣна 80 к.

Танъ. Чукотскіе разсказы (съ 12 рисунк.). Цѣна 1 р.

Его-же. Стихотворенія. Цѣна 80 к.

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Цѣна 1 р.

Евг. Чириковъ. Инвалиды. Чужестранцы и др. разск. Цѣна 1 р.

Ол. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. *Д. В.* Цѣна 25 к.

Готовятся къ печати:

Шиппель. Современная бѣдность и современное перенаселеніе. Переводъ съ нѣмецкаго. **Лоренцо Бенони.** Романъ (изъ жизни Италіи). **А. Быкова.** Очерки по исторіи Ирландіи. **Н. Тимковскій.** Повѣсти и разсказы кн. II.

Главный складъ: Москва, Моховая, 26, магазинъ **„Книжное Дѣло“.** Книгопродавцамъ—обычная скидка. Выписывающіе изъ склада на 2 р. и болѣе за пересылку не платятъ.

Всѣ означенныя изданія имѣются въ продажѣ въ провинціи, между прочимъ, въ магазинахъ: П. И. Макушина (въ Томскѣ и Иркутскѣ) г. Идзиковскаго (въ Кіевѣ), Юж. Русск. Общ-ва Печатн. дѣла (Одесса, Пушкин., 20). Книжн. Складъ Саратовск. Земства (Саратовъ). Кн. Скл. Вятскаго Земства (Вятка) Ю. В. Волковой (Ялта) Башмаковыхъ и Дубровина (Казань) Петровской (Пермь), Шулятикова (Череповецъ).